Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://krylovi.ru/ Приятного чтения!

Поляна, 2013 № 03 (5), август. Иван Андреевич Крылов, Уильям Шекспир, Владимир Станиславович Елистратов, Журнал «Поляна», Татьяна Кайсарова

Татьяна Кайсарова
«Какая тьма! Вершится полночь…»
Какая тьма! Вершится полночь.
Луна уже в других мирах…
Опомнись, поздно звать на помощь –
Не нами выбрана игра!
Не я пронзаю время криком,
Не ты отпрянул от огня,
Но в мифотворчестве великом
Найдётся место для меня
И для тебя, пока ты рядом,
Пока нетленной вязью слов
Мы связаны одним обрядом,
Хранящим древнее тепло.
Тепло поляны ледниковой,
Где запах хвои и смолы
К великой полночи прикован
И растворён в тенетах мглы.
Замри и жди. На кромке лета
Пускай колдует тишина…
Превыше Ветхого завета,
Когда-нибудь взойдёт луна…
И мы расстанемся. У света,
Что растворяет накипь снов,
Напрасно не ищи ответа…
…Как воздух чист и бор соснов!
Владимир Елистратов
Гражданин Ужуписа
Раньше я краем уха что-то слышал о республике Ужупис.

Это такой райончик в городе Вильнюсе, который в шутку объявил о своей независимости, выбрал президента, премьер-министра, министра иностранных дел и даже королеву, единственная, но почетная обязанность которой – «красиво сидеть».

Ужупис имеет свои собственные: гимн, флаг, герб, денежную единицу, армию из двенадцати человек, конституцию, в которой сказано, например, что «человек имеет право лениться» или что «человек обязан помнить свое имя».

В общем, прикольно. Но больше ничего я об этой республике не знал.

Случилось так, что с Ужуписом мне пришлось познакомиться непосредственно.

Несколько лет назад я поехал в Вильнюс. Не полетел самолетом, а именно поехал. На поезде. И тут не могу не побрюзжать.

Стало как-то скучно летать самолетами. Пассажир в самолетах пошел какой-то неразговорчивый. Угрюмый и деловой. Или сонный.

Больше всего в самолетах меня раздражает молчаливое выяснение отношений локтями.

Возможны четыре варианта.

Вариант первый. Ты уселся в самолет одним из первых и успел удобно положить локти у основания подлокотника. Скромно, но властно.

Вариант второй: это место уже скромно, но властно занял локоть соседа, и ты, как сиротка, пристроил свой локоть на краешке подлокотника.

Вариант третий: твой сосед имеет очень толстые локти и очень наглый характер, а значит – он по-пахански занял весь подлокотник, и ты гордо и обиженно сложил руки на груди.

И, наконец, вариант четвертый: толстый, наглый пахан – это ты, и обиженно гордится твой сосед.

И ни в каком гражданском или уголовном кодексе ничего не сказано про локтевые права соседей по самолету.

И какие уж тут задушевные беседы в этих локтевых аэроджунглях?

Кроме того: даже если вдруг тебе уж и приходится беседовать с боковым конкурентом по локтю, то непременно с перманентно свернутой набок головой. А это ужасно.

Один раз, когда я летел в Америку, мне пришлось восемнадцать часов беседовать о соблюдении демократических прав и обязанностей граждан РФ и США с одним американцем. Улыбчивым придурком из Джорджсити, штат Оклахома. Более занудной, долгой и бесполезной беседы в моей жизни не было.

Да еще трое суток после этой оклахомской пытки я ходил со свернутой влево башкой и мучительно-дебильной улыбой с правой стороны лица.

То ли дело – если ты в поезде, особенно в купе!

Конечно, сосед по верхней полке может, слезая с полки, сделать тебе сначала хук пяткой в нос, а потом апперкот коленом в ухо. Но это – факультативно. Да к тому же после этого нокдауна в 99 % случаев сосед начинает самым куртуазным образом извиняться. А ты, конечно, начинаешь говорить, что нос – это ерунда, что он у тебя и так сломан, и что в припухшем ухе даже есть некий шарм и обаяние.

И между вами обязательно завязывается милейшая беседа, и всегда о чем-нибудь крайне интересном и приятном.

И при этом не надо, как йог-паралитик, сворачивать набок шею. Потому что твой сосед по купе – вот он, сидит напротив и улыбается доброй улыбкой Айболита. И все ваши четыре локтя мирно лежат на столике. А между вами стоит, к примеру, ладошка кизлярского коньячка. И с этикетки Петр Иванович Багратион с сочувствием и завистью смотрит на аккуратно нарезанные, скажем, лимончик и сервелатик. А за окном несутся, предположим, бескрайние осенние просторы: рубиново-золотые россыпи лесов и жемчужно-аквамариновые небесные дали…

Словом, поезд есть поезд. И этим все сказано.

Про коленки, лимончик и Багратиона я вспомнил, потому что почти все именно так, хотя и с некоторыми модификациями, произошло несколько лет назад, осенью, когда я ехал поездом Москва-Вильнюс.

Нас в купе было всего лишь двое: я и мужчина лет пятидесяти с затаенно озорным, но очень интеллигентным лицом. Лысый, в очках и с серебристой седой эспаньолкой.

– Здравствуйте, – сказал он, заходя в купе.

И в этом «здравствуйте» угадывался едва уловимый, но веский, как капля коньяка в кофе, прибалтийский акцент.

– Здравствуйте, – быстро свесился я с верхней полки и с присущей мне ловкостью смазал прибалту локтем по лысине. Удар, к счастью, получился скользящий и легкий.

– Ой, извините, ради бога! – воскликнул я.

– Ничего страшного. Каждый человек имеет право на неосторожность. – Мужчина улыбнулся.

– Простите! Я честное слово…

– Я уже вас простил. Лысые люди имеют право прощать не лысых. И наоборот. Меня зовут Альгирдас. Альгис.

– Владимир.

— Очень приятно.

— Очень приятно.

Мы пожали друг другу руки. И поезд тронулся.

— Ну что ж, дорога нам предстоит долгая, Владимир. Думаю, каждый пассажир поезда имеет право в дороге немножко выпить. Как вы относитесь к трауктине?

— Мне очень стыдно, но я не знаю, что это такое.

— Ничего удивительного. Не каждый человек на земле знает, что такое литовская трауктине. Но каждый имеет право рано или поздно ее попробовать. Трауктине — это настойка. Я предпочитаю трауктине «Трейос девинерис».

— Знаете, Альгис, я не знаю литовского языка, но по образованию я лингвист. И сдается мне, «Трейос девинерис» переводится как «Три девятки».

— Очень рад познакомиться с человеком, обладающим уникальной способностью переводить с незнакомого ему языка.

Он достал из дипломата бутылочку зеленоватого цвета, на которой были изображены три девятки: маленькая, большая и снова маленькая.

Я азартно спрыгнул с полки, порылся в сумке и извлек оттуда мандарины, шоколадные конфеты, бутылку минеральной воды и два одноразовых стаканчика.

— К сожалению, это все, что у меня есть, Альгис.

— Прекрасно, — сказал он. — Классическое сочетание. По-русски это, кажется, называется «заподлицо». Даже не знаю, как это перевести на литовский. Видите, вы не знаете литовского и понимаете по-литовски. А я неплохо знаю литовский и не всегда могу достойно говорить на этом языке. Мир прекрасен и удивителен, Владимир, он полон парадоксов и приятных неожиданностей.

— Совершенно с вами согласен, Альгис. Вы литовец?

— Пожалуй. Каждый человек имеет право быть любой национальности. Вообще-то я уж.

— Как?!

— Уж. Гражданин республики Ужупис. Вы что-нибудь слышали об Ужуписе?

— Совсем немного. У вас, кажется, есть своя конституция.

— И не только. Прошу.

Он разлил настойку:

— За знакомство.

— За знакомство.

Мы выпили. Настойка мне сразу очень понравилась. Казалось, она пахла сразу всем лучшим на свете: осенней палой листвой, вечерней полынью, свежевзрезанным яблоком, нагретой на солнце пижмой, мокрой дубовой корой, скошенным клевером, сладкой дождевой водой из дачной кадки, молодой сосновой стружкой, морозной хвоей и только что проснувшимся младенцем.

— Изумительно, — сказал я. — Я бы назвал эту настойку «Букет Бытия».

— Очень поэтично. Достойно пера Венедикта Ерофеева. Каждая настойка имеет право быть переименованной так, как этого хочет пьющий настойку, и каждый, кто пьет настойку, имеет полное право переименовывать ее так, как того хочется пьющему настойку, и никто не обязан помнить бесконечное количество имен бытия, но, как сказано в конституции республики Ужупис, «каждый человек должен помнить свое имя».

— Очень мудро сказано. Достойно пера старика Канта. Хотя, по правде говоря, я бы ни за что не взялся повторить эту прекрасную фразу.

— Человек не обязан повторять то, что говорят другие люди, но никто не может ему этого запретить. Предлагаю выпить за вечные и неизменные человеческие права и обязанности.

Я почувствовал, что охотно вхожу в этот ужупинский поэтико-юридический азарт:

— Каждый имеет право выпить еще, — изрек я, — и никто не обязан уже не пить, если он еще не выпил, ибо никто не обязан иметь права, но каждый имеет право быть обязанным их иметь.

Альгис на полминуты задумался, потом пригубил стакан и сказал:

— Вам надо обязательно посетить Ужупис. Я приглашаю вас на стаканчик трауктине. У меня есть маленькая квартира на улице Ужупё и маленькая мастерская на улице Паупё.

— Спасибо, Альгис. Почту за честь.

— Смотрите, как красиво, — кивнул Альгис в окно.

В свете заходящего сентябрьского солнца мимо нас золотой лавой текла река, а над ней, в нежно-голубом небе высоко-высоко плыл на юг птичий клин.

— В конституции республики Ужупис говорится как раз о реках и птицах, — сказал Альгис.

— Наверное, там говорится о том, что реки имеют право течь, птицы — летать, а человек — любоваться тем, как текут реки и летят птицы, — предположил я.

— Вы почти угадали. Там сказано, что человек имеет право жить у реки, а река — протекать рядом с человеком. А еще — что с наступлением суровых зимних холодов человек имеет право улететь вместе с дикими гусями в далекие теплые южные страны.

— Очень красиво. И очень жаль, что так не написано во всех конституциях мира, — вздохнул я.

— О да! Но когда-нибудь, поверьте мне, люди напишут одну Настоящую Конституцию, — с чувством сказал Альгис, — и там будет говориться о цветах и о радуге, о восходах и о закатах, о бабочках и о дельфинах…

— Вы думаете?

— Я уверен. Конечно, это будет нескоро. Очень нескоро. Но это будет. Иначе — зачем жить?

Мы сидели с Альгисом до поздней ночи, цедили «Трейос Девинерис», пахнущий всеми лучшими вещами на земле, и упражнялись в составлении будущей Самой Лучшей Конституции Бытия. И чем больше мы пили, тем прекрасней получался ее текст.

За окном мчались огни ночных городов, крались черные с блестками, как антрацит, невидимые дали полей, мерцали платиной и янтарем гирлянды созвездий.

— Звезды имеют право заглядывать в окна поездов, а поезда имеют право лететь навстречу звездам! — кричал я.

— Невероятно точно! А каждый человек в поезде имеет право на свою звезду! — кричал Альгис.

— Гениально! А каждый поезд имеет право лететь… нет, не лететь… мчать! Да, мчать человека к его звезде!

— Архиверно! И звезды обязаны светить поездам…

— Вот-вот… Чтобы те мчали людей к звездам…

— …которые, в свою очередь, — продолжил я, икнув, — имеют полное и безоговорочное право заглядывать в окна поездов.

— Железная логика! — энергично мотнул головой, слегка покачнувшись, Альгис. — Потому что люди имеют право видеть звезды, к которым их мчат поезда.

Я еще раз икнул и почему-то добавил:

— По рельсам.

Альгис подумал, отхлебнул настойки и сказал:

— Которые имеют право быть параллельными…

В Вильнюс мы приехали рано утром, невыспавшиеся, но счастливые.

Я побывал в Ужуписе в гостях у Альгиса.

Побывал в знаменитом кафе «Родные стены». Видел табличку со всеми сорока пятью статьями ужупинской конституции. Узнал много нового.

Например, что «человек имеет право любить кошку и заботиться о ней». Или что «человек имеет право заботиться о собаке, пока один из них не умрет».

Я, конечно же, сфотографировался у Бронзового Ангела, символа Ужуписа.

Постоял на Бернар дин ском мосту. Поглядел на Гору Трех Крестов. Бросил монетку в бурную речку Вильняле, которая имела полное конституционное право течь мимо меня.

А потом я сел и написал вот этот вот самый рассказик.

Потому что любой писатель имеет право писать рассказики.

А любой читатель имеет право их читать.

Слава Богу — что не обязан…

Ага?
В прекрасном городе Улан-Удэ все всегда встречаются у «Башки». Если ты вдруг потерялся, а это в Улан-Удэ практически невозможно, — иди, опять же, к «Башке». Спроси у прохожего: «Прохожий, где Башка?» — и иди в направлении, наотмашь указанном неунывающим бурятским прохожим. Все дороги в столице Бурятии Улан-Удэ идут к «Башке».

«Башка» — это огромная голова Ленина, наверное, самая большая в мире отдельно взятая скульптурная голова. Я лично таких бошек больше нигде-нигде не видел. Египетский сфинкс по сравнению с «Башкой» — престарелый мопс.

«Башка» похожа на мудрого неандертальца. Выражение лица у Ленина суровое. Ленин смотрит вдаль и словно бы хочет сказать: «Не нравится мне все это». Что «все» — неясно. Вообще «все».

«Башка» настолько велика, что привычная нам поэтика загаживания памятников голубями здесь не работает. Кропотливый, самозабвенно-героический труд всех голубей города Улан-Удэ остается практически незамеченным. Может быть, если бы в Улан-Удэ водились летающие страусы, они бы смогли слегка припудрить уланудинского Ильича. Но страусы не летают и в Бурятии их нет.

В Улан-Удэ можно встречаться и у других знаменитых мест, например, у колоннады, называемой «Санта-Барбара». Или у туманной романтической скульптурной композиции по кличке «Кама-Сутра». Но все же центр, пуповина города — «Башка».

С Зинаидой Васильевной Серых мы, разумеется, договорились встретиться утром у «Башки».

Мы с Зинаидой Васильевной, моей московской сотрудницей, приехали в Улан-Удэ в командировку на несколько дней. Было самое начало зимы. Солнечно и где-то минус семь-восемь.

За пару дней мы сделали все, что полагается. Отчитали лекции. Потом долго покупали Зинаиде Васильевне дубленку. Купили. И это были самые неприятные и трудоемкие дни в моем пребывании в Улан-Удэ: ненавижу магазины.

А на третий день, свободный, мы договорились съездить на Байкал (это где-то три с половиной часа на машине), а по пути заехать в знаменитый Иволгинский дацан, где в своем дворце сидит знаменитый лама Этигэлов. Тот самый, который в 1927 году добровольно ушел в нирвану, а через 75 лет, в 2002-м, при вскрытии саркофага обнаружилось, что лама остался нетленным. Везти нас должен был родственник Зинаиды Васильевны.

Дело в том, что покойный отец Зинаиды Васильевны был родом из Улан-Удэ и поэтому у нее в Бурятии куча родственников. Она здесь никогда не бывала, и вот подвернулась командировка. На двоих. Я поехал до кучи. Меня все время куда-нибудь то ли тянет, то ли влечет, то ли несет. И чем дальше, тем лучше. Такой уж я уродился.

Треть родственников Зинаиды Васильевны – русские, многие из старообрядцев, которых здесь называют «семейскими», другая треть – буряты, третья – полукровки. Смешанных браков в Бурятии очень много.

Сама Зинаида Васильевна явно унаследовала весь этот богатырский евразийско-сибирский букет. Кровь у нее термоядерная. Сама про себя она говорит так: «Во мне все свиристит и произрастает».

Приехав, она поселилась у своих родственников, а я – в очень уютной гостинице «Гэсэр». Гостиница прекрасная, душевная. Можно даже сказать, задушевная. Каждый вечер, часов в одиннадцать, когда я только-только начинал засыпать, раздавался телефонный звонок и печальный женский голос то ли умоляюще, то ли безнадежно вопрошал:

– Девушку не желаете?

– Нет, не желаю, – печально отвечал я и вешал трубку.

А через час-полтора, когда я снова только-только засыпал, раздавался новый звонок и тот же голос грустно заклинал:

– Массаж не желаете?

– Нет, не желаю, – скорбно отвечал я.

– А девушку? – тосковала трубка.

– Нет, и девушку не желаю. Дайте поспать, – умолял я.

– Да и спите, мне-то чо… А девушки-то хороши, ага?..

Я вздыхал и вешал трубку.

Раньше я думал, что это самое сибирское «ага?» – находка покойного Михаила Евдокимова, Царствие ему Небесное, и Васи из фильма «Любовь и голуби». Но в Бурятии я убедился, что «ага?» – реальность.

Покупаю сушеных омулей на улануединском рынке. Омулей продает пожилая бурятка, удивительно похожая на свой товар:

– Вам омуля-то скока?

– Не знаю, штуки три…

– Так чо – штуки три-то? Штуки три-то – только мараться, ага?.. Берите кило, чо…

– А это сколько штук?

— Так, чо, штук десять, ага?.. Кружка-то пива под два омуля идет, ага?.. А чо?.. А пять-то кружек, это чо? С пяти-то кружек, доброму-то человеку и не пос…ать по-людски, ага?.. Берите два кило, чо…

Я взял десять омулей… Ага? А чо!

Их-то мы и жевали в машине по дороге на Байкал. Правда, омуль шел не под пиво, а под байки водителя. К «Башке» за нами подъехал троюродный дядя Зинаиды Васильевны на своих пегих от антикоррозийки жигулях начала восьмидесятых — и мы двинулись в путь.

Дядя — Петр Петрович Сухоруких, конкретный сибирский старикан лет семидесяти пяти, розовощекий, с бородой и васильковыми глазами, всю дорогу что-то рассказывал.

Сушеный омуль — божественная рыба. Как бы полурасплавленный солоновато-сладкий янтарь. Не оторваться.

Петр Петрович недобро пожевал омуля и, сердито выплюнув в окно, сказал:

— Омуль-то простылый, сухой, ага? Санки свернешь… Челюстя, значит.

— Да где же сухой, Петр Петрович, во рту тает… — возразил я.

— Это у вас там в Москве все тает. Вам портянку в зубы втисни — все вкусно. Был я в Москве-то, ага?.. Воблю мне свояк дал. Свежая, говорит, вобля, кусай, чо… Я куснул — мать чесная! Гайка, не рыбь. Я говорю: вы что ж, этта, всегда такое кушаете? Рыбь, она же должна мягкая быть, как шанежка. А это чо? Я ж тебе не щука блесны шамать. Я в Москве-то на свадьбе был внучки, Вальки, ага?.. Сбили, значит, свадьбу. Пять лет как назад. Бабочки на стол налаживают. Мы сидим с мужиками, воблю эту гранитную сосем с пивом, про жись говорим. Муж внучки-то моей, бывший уж, ага?.. Артемка… кем он мне приходился-то, своячником?..

— Так они что, развелись? — удивилась Зинаида Васильевна.

— Через два года после. Порушили венцы.

— Это что значит?

— Развелись, чо… Ага? Они только свадьбу-то потушили и сразу лаяться. Вот таким вот самым образом. И правильно Валька его от себя отшугала. Он-то, этот своячник мой бывший, ботало енисейское, сразу на свадьбе напился до Алешки, ага?.. Себя забыл. Бьет себя в ребра: я, говорит, москвич! А ты кто, чалдонка некультурная! Орет: я терминатор, чо!.. Дурак-осина. Он в этом работал, как его… отт… на уме болтается… ну, где все сидят и ничего не делают… Как «опись» зовется, контора по-прошлому.

— Офис.

— О! Я, кричит, в описе работаю! А чо он там, в этом описе, ага? На потычках был.

— Это как?

— Верхоплавка, чо?.. Васька-принеси-чаю. В пятом сарае шестой венец. Сидел в описе с девками округлыми днями, сплетки тер…

— То есть?…

— Сплетничал. Ляля да ляля. Еще и Вальке измены бил с описными-то этими подмалевками. Москвички, они да, симпатичные, ага?., если накрашенные. А если всю живопись с ых смыть — затоскуешь. Наши-то девки — крепки, как шишки кедровые, аж все звенят от жизни, ага?.. А ваши-то, московские — подвывалы. Все у них не то, не так. Вечно с печали курють, как Сталин. Солнца у вас в Москве мало. Хмурь неделями. Отсюда люди без огонька. У нас-та триста дней в году солнце, ага?.. Ну, вот, чо… Вальке моей в Москве что делать? Пошла по помойкам.

— Ой! Что это?..

— Да нет… Этта того… по богатым домам убираться стала. На этой вашей… как ее?., с башкой рассталося… а! на Рублеве… Вот. А тут опись у Артемки описали — он и никто! Туда-сюда — никто не берет. Кризис, ага?.. А кому он нужон, перекати-шаланда. Ну и в хмель вошел. С утра до ночи зелено дымится. Ему, конечно, Валька пару раз придала ума. Веником по кумполу, ага? А чо? Он на день-два вошел в совесть, в потом — за свое, ушел взадпятки. Лежит на диване, как нерпа дохлая, а Валька пашет. Ну, и порушила она венцы. Сняла квартиру. И через месяц, чо, нашла мужика. Хороший, умный. На все скуки руки. Мастер, ага? Автосресаль. Москвич. Четыре года живут. Вот таким вот самым образом.

— Хорошо живут?

— Нормально. Ни в рай, ни в муку, а на среднюю руку. Правнучка смастерили, чо…

— А что этот… бывший, Артемка?

— Бывший-то?.. Говорят, перегорел в конец. Землю год как парит. Да… об ем уж собаки не лают, ага?..

— Сколько вашему правнуку? — спросил я.

— Полтора, чо?.. А твоя-то доча, Зинаида, когда рожает?

— Должна через неделю. Но родит или сегодня, или завтра, — спокойно ответила Зинаида Васильевна.

— Да ну! — воскликнул я. — Так вы ей позвоните, узнайте, как там дела.

— А чего звонить-то… Еще не родила.

— Откуда вы знаете?

— Чувствую.

— Ну и ну!

— Правильно, — сказал Петр Петрович. — Чего раньше срока икру метать, ага?.. Онна! Подъезжаем к дацану.

В слегка припорошенном сладким снегом дацане было тихо. Пахло подмороженными мочеными яблоками и березовым дымком. У ворот нас встретила бригада местных собак. Штук десять очень упитанных и очень похожих друг на друга шавок. Их дизайн колебался от карликовых пони до длинношерстных поросят. Они деловито и молча поставили нам на грудь, спину и плечи свои лапы, стараясь лизнуть в лицо. Скидывать их было бесполезно. У собак был радостно-покровительственно-торжественный вид президентов, вручающих вам государственную награду. От розовых языков шел голубоватый парок. Обвешанные любвеобильными псами, мы двинулись внутрь монастыря.

В жизни я такое видел в первый раз. По сути дацан — нормальная русская деревня. Бревенчатые избы с разноцветными резными наличниками.

В них живут ламы. Серые дровяники из горбыля с рубероидными крышами. Правда, заборов нет. И рядом разноцветные буддийские храмы с летящими китайскими крышами. Где я? Бритый лама в оранжевом халате и валенках колол дрова около своей избы и мурлыкал что-то из Юрия Антонова.

Дом ламы Этигэлова, конечно, был закрыт. Его открывают восемь раз в году, по важным буддийским праздникам.

— Жалко, — сказал я.

— Да… Баловство это все, ага? — махнул рукой Петр Петрович. — Ты ж в буддизьм-то не веришь, чо… А от праздного-то куража к ламе стучаться — грех. Был тут, говорят, один то ли маршал, то ли генерал, шишка, чо… Приехал и говорит: пустите меня к ламе и все. Ему: нельзя. А он: пустите, орет, ага? А то, говорит, я кому

надо в Кремле-то за зубцами скажу – вас вообще прикроют. Два метра кабан, рожа – как мои семь. Да еще при наградном «Макарове». Да еще и выпимши, заполошный. Ну, пустили, куда его девать, чо. Он зашел, на ламу глянул – и аккуратно в обморок. Затылком об пол. Звону было, ага?!. В себя пришел через час – дрожит, как дитя, глазами хлопает. Простите, говорит, больше не буду. Вот таким вот самым образом. Наградил лама шишку разумом… Вон – гляди… – Перт Петрович пальцем в листок бумаги на доске объявлений у храма. – Сегодня у ламы температура в области виска – 22°, ага?.. Потеплел, чо… В прошлый раз, месяц тому, 17 было, ага? Пойдем в храм зайдем.

В храме с дощатыми избяными полами только что кончилась служба. Ярко раскрашенные благостные будды улыбались собственным мыслям. Пахло хвойными благовониями и мытым полом. В углу за столом сидел лама, похожий на актера Яншина. Только лысый и в очках. Голосом Яншина лама мяукнул:

– Пожертвовать не желаете? Упомянуты будете в молитвах о счастливом перерождении.

– Желаем, – сказала Зинаида Васильевна.

– А что не пожертвовать-то, ага? – сказал Петр Петрович.

– Сколько, – спросил я.

– Сколько хотите, – почесал темя Яншин и спросил меня: – Ваше имя?

– Владимир.

– Сколько членов семьи?

– Три.

– Сколько жертвуете?

Я дал триста рублей.

– Петр. Семнадцать человек, чо, – сказал Петр Петрович и дал сотню.

– Ваше имя? – поправил очки лама в сторону Зинаиды Васильевны.

– Зинаида.

– Сколько членов семьи?

– Пока два.

Лама шмыгнул носом, внимательно посмотрел на Зинаиду Васильевну и, почесав переносицу, сказал:

– Пишем три.

Зинаида Васильевна дала триста и сказала:

– Ну вот, часа три осталось.

– До Байкала? – переспросил я.

– До внука, – поправила меня Зинаида Васильевна.

При выходе из храма мы услышали что-то напоминающее торжественный барабанный бой. Псы разлеглись на деревянном настиле и приветствовали нас дружным битьем хвостов о настил.

Увешанные радушными дацанскими собаками, мы дошли до машины и поехали на Байкал.

– Советую прикорнуть, – приказал нам Петр Петрович. И мы прикорнули. Мне приснилось, что я стою у «Башки» и почему-то жду назначившую мне свидание собаку. А «Башка» мне говорит: «Девушку не желаете?» Я отвечаю: «Отчего не

желать?» А сам с ужасом думаю: «Чего ж я такое говорю-то?» А «Башка»: «Сегодня девушек нет. Только омуль, ага?» Я с облегчением думаю: «Слава Богу!» Тут подходит собака, одна из дацанских, такая рыжая с белым пятном на носу, кладет мне лапы на грудь и говорит: «Я твой четвертый член семьи. Дай пожрать». Лизнула меня в лицо и добавила: «А дубленку мне не покупай. Я сама себе дубленка».

«Подъезжаем, чо!» – услышал я голос Петра Петровича и проснулся.

Машина остановилась у забора турбазы. Мы пошли вдоль каких-то бесконечных вихляющих заборов. Солнце то выходило из-за туч, ослепляя нас, то заходило, и тогда казалось, что все вокруг снято на черно-белую пленку. На одном из поворотов я услышал гул.

– Байкал, – сказал Петр Петрович. Впервые в его голосе я услышал что-то напоминающее почтение. – Не зальдился еще. Дышит Батя.

Забор кончился, и перед нами открылся Байкал. Он властно ревел и неторопливо клубился сплавом свинца и ртути. Выглянуло солнце, и Байкал весь осветился жемчужными молниями. Дул пронзительный ветер, наверное, тот самый баргузин. Глаза слезились, и в слезах озеро словно бы набухало радужными изводами. Я почувствовал что-то особенное. Беспричинное, большое и настоящее. Скорее всего это было счастье. Счастье, что бывает же на свете такое. Такая мощь. И что она – наша, родная, а значит – и моя тоже.

Я посмотрел на Петра Петровича. Он испытывал те же чувства, только они ему были привычнее, и выглядел он как-то особенно мудро. Я оглянулся назад, на Зинаиду Васильевну. Она стояла у сосны метрах в десяти и, прикрывая свободное ухо рукой, смеясь и плача, говорила по мобильному. Поймав мой взгляд, она оторвалась от телефона и крикнула нам, стараясь перекричать Байкал.

Я услышал пунктиром:

– …полчаса назад… три шестьсот… порядке…

– А чо! Нормально, ага? – сказал Петр Петрович и сердито почесал глаза.

А Байкал все ревел, ворочая своими живыми мыслящими каменоломнями и дул льдистый баргузин, сипло и удивленно присвистывая в соснах. И солнце то являлось волшебными праздничными вспышками, то исчезало, делая мир серьезным и суровым. И это была настоящая жизнь.

Вернулись мы с Байкала вечером. Отметили, конечно, рождение внука – Васятки – в каком-то ресторанчике недалеко от «Башки». Подсвеченная «Башка», казалось, смотрела уже не так сурово, а даже как-то всепрощающе.

В Москву я привез пять омулей, жвачку-серу, пахнущую дымком, безалкогольный бальзам «Байкал», помогающий от всего на свете, и что-то особенное, непривычное на душе.

Скоро буду крестным папой. Сами знаете, чьим, ага?

Бардак вам да любовь!
В одном московском вузе, в котором мне приходилось когда-то подрабатывать (не буду говорить, в каком), есть две кафедры (не буду говорить, какие), которые находятся рядом. Буквально – две соседние двери. Между дверями – полтора-два метра.

У кафедр, как им и полагается, есть заведующие. Их фамилии с инициалами, разумеется, вывешены на табличках.

Так вот одной из кафедр заведует Попов М. И., а другой – Копчиков И. М.

Конечно же, про Попова и Копчикова в этом вузе ходит множество анекдотов. «Копчикова» и «Попова» все бесконечно склоняют и спрягают.

Как по заказу, Михаил Иванович, Миша Попов, которого я давно и хорошо знаю, – человек невысокий, очень полный, щекастый, немного несуразный и очень-очень добрый.

А Иван Михайлович, Ваня Копчиков, который тоже мне весьма хорошо известен, – худой, длинный, какой-то весь бугристо-костистый и нрав имеет колючий, вспыльчивый и желчный. В глубине души он тоже добрый и даже ранимый. Но об этом сразу не догадаешься. Как и про Мишу Попова сразу не догадаешься, что не так уж он и прост. Хитрости у Миши хоть отбавляй.

Люди они совсем разные.

Например, если возникает какая-то служебная проблема, то Ваня Копчиков сразу бросается в драку, издавая свои излюбленные боевые кличи, типа: «Сейчас мы эту Сахару пропылесосим!» Или: «Сейчас мы эту мандулу унасекомим!» И пылесосит, и насекомит. Он очень любит «пылесосить Сахару» или «косить баобабы» или что-нибудь в этом духе.

Миша Попов – совсем другой. Если встает проблема, он первым делом широко улыбается и произносит свое любимое: «Да, это дело требует незамедлительного отлагательства», – и ничего не предпринимает. И в 90 % случаев проблема каким-то волшебным образом рассасывается сама собой.

Я не знаю, кто из них прав. Наверное, оба.

Много чего говорят в институте про Попова и Копчикова. Например, что «Попов задним умом крепок», а «Копчиков грудью стоит за своих коллег». Что «Попов – голова!», а «Копчиков всегда готов подставить плечо». Что «у Попова широкая душа», а «Копчиков – становой хребет факультета». И все в таком же духе.

Оба, кстати, в перспективе метят в деканы. И постоянно идут споры о том, кто имеет больше шансов. Сторонники Попова утверждают, что круче всегда тот, кто больше, а приверженцы Копчикова – что побеждает всегда тот, кто выше.

При этом Миша и Ваня – большие друзья и ссориться не собираются.

Только один раз у них по пьянке наметилась несколько недружелюбная дискуссия, но тут же была улажена женами. Основательно проконьяченный Миша Попов кричал Ване Копчикову:

– А зачем ты, Ваня, в моей фамилии своей фамилией ударение переставил, а?!

– Я, Миша, не переставлял! – кричал в ответ Ваня.

– Нет, переставил! Я, можно сказать, из духовного звания, сын священника, а ты, Ваня, из меня какого-то потомка задницы сделал!

– Я не делал из тебя задницу, Миша!

– Делал, Ваня!

– Нет, Миша, не делал! А моя фамилия, если хочешь знать, обозначает птицу!

– Она не птицу означает, Ваня, а хвостовой атавизм.

– Нет, Миша! Я не атавизм! Я ведь в сущности Кобчиков, а не Копчиков. А кобчик, Миша, – это такая красивая и гордая птица. А ты своей, извини, двусмысленной, прямо скажем, фамилией меня из гордой птицы сделал каким-то, прости за выражение, спинозадым ничтожеством!

– Это ты из меня сделал двусмысленого потомка, Ваня!

– Молчите оба, – хором сказали жены Миши и Вани Маня и Саня.

– Молчи, недвусмысленный потомок задницы! – сказала Маня.

– И ты помалкивай, птица спинозадая! – сказала Саня.

И Миша с Ваней замолчали. И больше уже на эту тему никогда-никогда не заикались.

В общем, с Поповым и Копчиковым не соскучишься.

Но мне хотелось рассказать совсем о другом. Я много лет наблюдаю за семейной жизнью Попова и Копчикова. И эти наблюдения наводят меня на глубокие философские размышления.

И Миша, и Ваня женаты двадцать лет. У Миши жену зовут Мария, Маня, а у Вани – Александра, Саня. Они дружат семьями. И дети их дружат. В общем – все хорошо. Но!

Сначала про Мишу и Маню.

Вообще Миша Попов относится к особой категории мужиков. Я знаю, что говорю: сам отчасти такой же. Не до такой степени, но все же.

Миша на работе – в общем-то монстр. Он все про всех знает. Он в курсе всех интриг и слухов. Несмотря на свое внешнее раздолбайство, Миша четко знает, что ему нужно. И никогда не ошибается. Его уважают и даже побаиваются, потому что хотя сам Миша гадостей не делает, но если вдруг сделали гадость ему – он не прощает. Он помнит все и мстит. Он всегда внутренне собран. И всегда во всеоружии.

Но когда Миша приходит домой, он превращается в такое расслабленное существо, что диву даешься.

Миша Попов – человек, в быту начисто лишенный чувства порядка. Он никогда не знает, что и где у него находится. Когда Миша курит, он стряхивает пепел везде. При этом ни разу не повторившись: в ботинок, в аквариум, на штаны, на голову соседа на балконе снизу. Он регулярно стряхивает пепел на кошку. Несколько раз в забывчивости он тушил об нее окурки.

Он три раза менял загранпаспорт, потому что прожигал его.

Если у Попова вдруг застегнута ширинка, это значит, что сзади у него треснули штаны.

Когда он приходит с работы, он, к примеру, забыв закрыть входную дверь, снимает один ботинок, и, поскольку шнурок на втором не развязывается, он в одном ботинке идет на кухню попить водички, пытаясь по дороге снять штаны. С наполовину снятыми штанами (с ноги без ботинка), которые волочатся по полу, он долго продвигается к кухне. По пути на пол падают кактус и книги. Визжит кошка.

На кухне он долго ищет, во что бы налить нарзану и обязательно находит что-нибудь специфическое. Например, пустой цветочный горшок с дыркой в дне. Он долго льет нарзан в горшок, удивляясь вместимости горшка. Потом долго изучает лужу, не понимая, откуда она взялась. Звонит Мане и сообщает, что их затопили. Маня называет его свиномопсом и говорит, что скоро будет и чтобы он, Миша, никуда не двигался с места до ее, Маниного, прибытия.

Миша, насвистывая что-то беззаботно-веселое, не двигаясь с места, как ему и было предписано, открывает холодильник и долго ищет, чем бы ему закусить. Находит гранат и начинает его чистить. Через десять минут, в окровавленной рубашке и с алой мордой, как будто он вурдалак, Миша играет с кошкой. Он радостно подбрасывает ее к потолку и ловит, думая, что кошке это нравится. Кошка орет, но терпит.

В это время в квартиру через дверь, которую забыл закрыть Миша, заглядывает соседка. Она видит Мишу, без штанов, вернее, со шлейфом штанов на одной ноге, в одном ботинке, стоящего в луже, всего в гранатовой крови, и орущего под потолком обезумевшего кошака.

– Заходите, Серафима Антоновна! – приветливо кричит ей Миша, и, забыв, что кошку надо в очередной раз поймать, радушно направляется навстречу соседке. Та пятится. Кошка с лязгом падает на кастрюлю с рассольником. Кастрюля опрокидывается. Кошка запрыгивает в холодильник, который, конечно же, не закрыл Миша. И в это мгновение за спиной ошалевшей от впечатлений Серафимы Антоновны возникает Маня.

– Стоять, животное! – не возвышая голоса, командует Маня. Миша, улыбаясь,

беспрекословно выполняет команду.

И начинается совсем другая поэтика.

Маня – гений порядка. У нее все всегда лежит на месте. Все обеспылено. Разложено симметрично. Выстирано и выглажено. Как они живут вместе с Мишей, я не понимаю.

– Наверное, Володь, мне нужна рана, – объяснила мне однажды Маня. – Наверное, я мазохистка. Знаешь, иногда думаю: сейчас убью его, лешака, один раз чуть не убила. Я тогда ключи не взяла, позвонила ему и говорю: дверь не запирай! Он, гад, забыл, конечно, дверь запер, сел на кухне, поел, выпил, надел наушники и заснул. Я с работы приезжаю, устала, как лошадь. Звоню, а он спит. Стучу – спит. Ору – спит. Полночи ломилась. Наконец, открывает. Рожа, как у новорожденного. Довольный, весь в счастливых радужных пузырях: «Ой, наконец-то Манечка моя пришла! Где ж ты так долго была, Манечка?» У меня аж в глазах потемнело. Уже представляю, как беру ножик и… Еле сдержалась… А ведь вот уедет он в командировку – я порядок наведу. Приду с работы, а дома… порядок, будь он неладен. И тарелка не разбита, и окурком штора не прожжена, и холодильник закрыт, и кошка не орет, и вода в унитазе спущена… И как-то мне не по себе… Как будто я и не нужна. Как будто я лишняя и смысла в жизни нету. Не поверишь: один раз уехал он на неделю, и такая на меня вдруг от порядка тоска нашла, что я взяла – и мусорное ведро на пол-то и высыпала. Посидела около кучи мусора, поплакала, убрала мусор – и полегчало!

Так вот и живут Миша с Маней. Душа в душу.

Ваня с Саней тоже.

Ваня помешан на порядке. Он сам всегда все пылесосит, драит и моет.

Саня же – нельзя сказать, что неряха, нет. Тут другое. Саня очень любит всевозможные, как она говорит, «маленькие, но очень полезные вещи». То есть, говоря человеческим языком, всякое бесполезное барахло.

Если Ваня с Саней едут отдыхать куда-нибудь на море, то Саня привозит целый чемодан ракушек.

Один раз они ездили в Берлин на Рождество, и Саня скупила, наверное, все рождественские сувениры города Берлина. Был перевес двенадцать килограммов. Пришлось заплатить. Сувениры оказались золотыми.

Дома у них – сотни самых разных свечек, подстаканников, подъяичников, колпачков для подъяичников, магнитиков, очечников, наборов салфеток, ковриков для мышек, открывалок, вазончиков, пепельниц, заколок, зажигалок, браслетиков и прочей муры, которая лежит везде: на полках, на столах, на стульях, на полу. Магнитиками, например, у них, как опятами, облеплен не только холодильник, но и плита, стиральная машина, микроволновка и внутренняя сторона входной металлической двери.

Сначала Ваня еще как-то пытался бороться с Саниными «маленькими, но очень полезными вещами». Он говорил:

– Санечка, гугуленька, убери, пожалуйста, вот эту кучу вот этого твоего полезного г…а с моего рабочего стола. Хорошо?

– Хорошо, Ванечка, сейчас уберу, бубука моя.

Саня со счастливой улыбкой (она всегда улыбается) собирает свои «полезные вещи» с Ваниного стола и сваливает их на соседнее кресло.

– Санечка, – говорит ей Ваня, – вот ты, гугуленька, свалила всю свою полезную мутотень на кресло, а как теперь, гугуленька, на нем сидеть?

– А зачем тебе на нем сидеть, бубука моя? Тебе не надо сидеть в кресле, – Санечка с нежной улыбкой гладит Ванину зеленовато-желтую от злости лысину, которая под Саниной рукой на глазах становится розовой, – ты ведь у меня малышка, тебе надо лежать на диванчике.

— Но на диванчике, гугуленька, тоже лежат твои маленькие подлые вредители. К тому же, Санечка, к дивану совершенно невозможно пройти. Там на полу вокруг дивана всюду навалена эта твоя маленькая полезная сволочь.

Саня собирает всю эту «сволочь» и всех этих «вредителей» и радостно сваливает их на балкон. Потом — на кухонный стол. Потом — в ванну. И так далее.

Однажды Ваня (буквально) расставил по квартире флажки, отвоевав себе на пару суток рабочее место и узкие проходы от него а) к сортиру, б) к балконному окну, чтобы покурить, и в) к холодильнику.

Но «маленькие полезные вещи», как китайцы, властно смели проходы, и все стало по-прежнему. Ваня периодически бунтовал, но — тщетно.

Один раз после очередной вспышки ненависти к «китайцам» у Вани поднялось давление. Саня страшно испугалась, собрала все вещицы в книжные мешки (получилось более двух десятков мешков) и выставила их за дверь в общий коридор.

Ваня пришел в себя, тоскливо побродил по квартире, покурил на балконе, попил морса из холодильника, посидел в сортире, посидел за своим столом, словом, насладился свободой. Свобода отчего-то Ваню не порадовала.

Саня все это время сидела в углу в кресле и, что с ней почти никогда не случалось раньше, не улыбалась.

Наконец желто-зеленый Ваня вздохнул и сказал:

— Ладно, Санечка, давай-ка, гугуленька, вернем пару мешков твоей полезной фигни.

Санечка заулыбалась, Ванина лысина тоже порозовела. В квартиру вернулось три десятка подъяичников, столько же вееров, шесть килограммов ракушек и еще кое-чего по мелочи.

Через неделю маленькие, но очень полезные вещи все до одной прописались обратно в квартиру Копчиковых. А после этого Копчиковы съездили в Индию и Саня привезла целый чемодан всякой мелкой пользы и полезной мелочи.

Один раз, совсем недавно, мы сидели с Мишей и Ваней втроем на моей кухне, выпивали, толковали за жизнь.

— Я все понял! — сказал вдруг Ваня. — Они так пространство метят. Понимаете?!

— Кто метит? — не понял я.

— Бабы наши, — сказал Ваня.

— Как метят? — спросил Миша.

— Вещами. Наложат тряпок всяких, заколок там… флакончиков разных… и — пометила. Я, мол, тут, любимый. Не забудь про меня.

— Это кто как, — вздохнул Миша.

— Что кто как? — не понял я.

— А то. Моя, наоборот, чистотой метит. Сотрет пыль. Зеркало отмоет. Тапочки расставит по уставу, как пехоту. Зачем спрашивается? А вот зачем. Это она говорит: я тут, дорогой ты мой. И никуда ты от меня не денешься. Ты, конечно, думаешь, что меня здесь нету, что на работе я, ан — нет. Я тут! Слежу за тобой! Каждой протертой чашечкой! Каждым вовремя политым фикусом.

— Точно, точно! — подхватил Ваня. — Вот, мол, она я! В этом якобы случайно брошенном на торшер лифчике! В этом как бы невзначай оставленном на твоем рабочем столе браслетике! Мол, давай, давай, скучай по мне, чучело!

— Вот-вот! — оживился Миша. — Напоминалки свои расставит по хате — ты и под контролем.

— Ага! Типа шпионских жучков.

— До чего ж они хитрые, а?!

— Да уж…

— Эх! — покачал головой Миша. — Тяжела наша мужская доля.

— И не говори! — сказал Ваня.

— Вот оно! — ткнул я в оставленный моей женой на холодильнике зонтик. — Пометила! Зонтик — он где?.. Он в коридоре должен быть, а она его здесь пристроила, чтоб я на воле от рук не отбился…

— Точно! — сказал Копчиков.

— Верно! — сказал Попов.

В это время наши жены были на какой-то распродаже. А после распродажи они собирались посидеть в «Шоколаднице» поболтать.

Интересно, о чем.

Нирвана по-русски
У индуистов и буддистов есть такое понятие — «ваджра». Ваджра в индуизме — это «огненная палица» грозного бога Индры. Он ею, так сказать, мочит злых демонов. А в буддизме — в одном из его направлений, в т. н. тантрической ваджраяне, — это что-то вроде молнии или вспышки.

То есть суть ваджры примерно такова: ты сидишь и спокойненько медитируешь в свое удовольствие, и в один прекрасный миг тебя обязательно посетит вспышка-ваджра, т. е. просветление и, соответственно, нирвана.

Кстати, именно ваджраяна стала очень популярна на Западе и у нас.

Это и понятно: делать ничего особенно не нужно, не надо изучать всякие сложные книжки, вести монастырскую жизнь, сиди себе и жди… Можешь повторять утробно-желудочным голосом: омм!.. омм!.. омм!.. Можешь загадочно молчать. А тут вдруг — бзыть! — и ты в нирване.

Практически на халяву.

Все в настоящей тантрической ваджраяне, конечно, в миллионы раз сложней. Но белые люди хотят, чтобы было «ноу проблем» и «бзыть».

Нирвана — дело, конечно, хорошее. Но это все слишком высокая и сложная материя. Однако в том, что существует некая «бытовая» нирвана-ваджра, я не сомневаюсь.

Я вот о чем. Живешь ты, бывает, живешь, и все скучно и плохо. Погода — дрянь, люди в метро упорно не пользуются дезодорантом, соседи жарят вонючую нототению, поясницу ломит, во дворе второй час надрывается сигнализация, жирный кот Черчилль хочет большой и чистой любви и методично метит ботинки и подушки. В общем — жизнь не заладилась.

И вдруг — ваджра! Какой-нибудь странный телефонный звонок, реплика какого-нибудь пьяного дяди в лифте… И ты просветлел.

И снова все хорошо: и солнечный перламутр проглядывает сквозь нежную кисею облаков, и пассажиры в метро пахнут шампунем и шанелью, и аппетитная жареная рыба навевает мысли о морском курорте, и прошла поясница, и уснула сигнализация, и Черчилль урчит, как голубь, и смотрит на тебя глазами Сони Мармеладовой.

Со мной такое случалось не раз. Например, помню, однажды, когда мне было совсем тоскливо, вдруг раздался телефонный звонок и в трубке детский голос, давящийся от смеха, протараторил:

— Але, вас приветствует фирма «Заря»! Вам не нужен двухместный польский унитаз с атомным подогревом?! — хохот, причем сразу нескольких ребятишек, — и гудки.

Гудки – и ваджра. В голове – действительно что-то вроде вспышки. Звуки, краски и запахи сразу становятся ярче. Прилив сил. Как будто внутри натягивается какая-то веселая струна.

Или совсем недавно.

Осень, вечер, дождь, тревожная тоска. Я еду на такси в аэропорт. Времени – в обрез. Выбираемся из очередного затора. Водитель жмет на газ. И нас, конечно, тут же останавливает гаишник. Полненький такой, низенький, веселый. Вылитый Карлсон в фуражке.

– Лейтенант Клубничкин, – наотмашь отдает честь Карлсон. – Ну что, любезный, превышаем?..

– Мы… – начинает оправдываться водитель.

– Превышаем, превышаем. Ну что ж, сегодня, дорогой, не твой день… – и широкая добрая улыбка.

– Ты уж, командир, так не говори, – отвечает таксист. – Сглазишь. Клиент все-таки в аэропорт едет… Не надо так говорить: «Не твой день»…

– Ну что ж, уважаемый, плати штраф, – еще шире улыбается лейтенант Клубничкин, – и день будет твой…

Он задушевно кивает головой, лукаво подмигивает и с неотразимой нежностью добавляет:

– Яхонтовый ты мой…

И – ваджра! Почти, так сказать, нирвана. Мы весело и вовремя приезжаем в аэропорт. Полет и командировка складываются более чем удачно. Жизнь налаживается.

Я уверен: такое ваджро-нирванное просветление в нашей стране возможно только в общении с людьми. А люди у нас поразительные. Население России, как известно, сто сорок три миллиона человек. И каждый – чудо света. И того: сто сорок три миллиона чудес света. Одно другого чудеснее.

Вот, к примеру, история, произошедшая с моим знакомым – Васей Чухно. Он мне ее подробно рассказывал пару недель назад. Пересказываю по свежим следам, своими словами, стараясь не упустить ни одной детали.

Прошлой зимой Вася развелся. Бывает. Все оставил жене, скитался по съемным квартирам. Страдал, пил. Бросал пить, страдал. Тут же все, как водится, посыпалось. Неприятности по работе. Проблемы со здоровьем. Словом, почти конец света.

В апреле месяце Васин друг Эдик с семьей уехал в длительную командировку и дал Васе ключи от своей квартиры-однушки. Сказал: заплатишь потом, когда сможешь, и сколько сможешь, а не сможешь – фиг с ним.

Друг все-таки. Такое еще случается у нас на Родине. И довольно часто.

И вот Вася взял свой старый кочевой чемоданчик на колесиках и поехал осваивать новое жилье. Где-то в Бутово.

Идет он по Бутову, по апрельскому месиву и ищет Эдикову однушку. Вокруг никого. Наконец – навстречу идет мужик. Весьма странного вида.

– Извините, – говорит Вася, – вы не знаете, где здесь дом 13 дробь 3?

Мужик с интересом посмотрел на его большой черный двухколесный чемодан.

– Чирик дай, скажу.

Голос у мужика был густой, как парная говядина. Сам – маленький, не больше метра

шестидесяти. Лицо – сложная система ассиметричных буераков с двумя хитрыми васильковыми дырками. На нем был бывший пиджак неопределенного цвета, на пару размеров больше нужного, черные лоснящиеся физкультурные штаны с пепельными лампасами и алые шиповки типа двух красных увядших перцев.

«Знойный типаж», – подумал Василий, порылся в кармане и достал желтую монету:

– На.

– Мерси, – сказал мужик, ловко подбросил монетку, поймал ее и отправил в нагрудный карман, – пошли покажу.

– Меня зовут Константэн, – сказал мужик.

– А меня – Базилевс.

«Константэн», нисколько не смутившись, протянул Василию руку, и тот не без опаски пожал ее. Он думал, что она будет мокрая, холодная и липкая, но она оказалась сухой и теплой.

– Далеко идти-то? – спросил Василий.

– Ты Хомяка знаешь?

– Нет.

– Из второго подъезда.

– Нет.

– В больницу попал Хомяк.

– Я не знаю Хомяка.

– Ты в семидесятой школе учился?

– Нет, я вообще не местный.

Эта новость совершенно никак не подействовала на Константэна. Он с треском высморкался, сказал шепотом «вуаля» и продолжил:

– Напился Хомяк позавчера и пошел к метро за добавкой. Добавил он у метро и забыл, где дом. Забыл он, где дом, и пошел он в метро искать свой дом. Пришел он в метро, а там – бонжур тебе – эскалатор. Стал Хомяк на эскалатор и поехал вниз. Едет-едет, а там у какой-то мадам дубленка в эскалаторе застряла. Дубленка застряла – а эта старая мандель де тревиль бутон нажала…

– Какой «бутон»?

– «Бутон» – это по-франсе кнопка.

– А «мандель де тревиль» – это кто?

– Это старая макака, которая в нашем метро в стакане сидит и эскалатор включает и выключает. Михайловна. Из двадцатого дома. Ты ее знаешь?

– Нет, не знаю. Я неместный.

– Покатился Хомяк вниз, – эпически продолжил Константэн. – А поздно уже было, народу-то было мало. Народу было мало, он с ветерком почти без препятствий донизу почти и докатился. Ну и переломал себе все. Ногу и руку. И башкой ударился. Вот так-то.

– Да, печальная история.

– Се ля ви. Жалко Хомяка. Хомяк хороший. Собак бездомных кормит. На гитаре умеет. У него жена – Зинаида. Ты ее знаешь?

— Нет. Я и Хомяка не знаю…

— А Зинаида тоже отличная мадам. Шестой размер у Зинаиды. Мечта Рубенса. Ты Рубенса знаешь?

— Знаю… Не лично, конечно…

— Смотришь — и сразу покой на душе. Хороший человек Зинаида. Талантливая женщина. Тебе какой подъезд?

— Мне двести двадцать первая квартира.

— Это четвертый. Там Гоблин живет. Ты его…

— Нет, не знаю я Гоблина.

— Ты поменялся, что ли?

— Нет. Развелся я. Вот, снимаю…

— А! Хорошее дело, завидую. Я бы со своей росомахой тоже развелся. Но нельзя.

— Почему?

— Пропаду. Ну, будь. Я в третьем, в сто шестьдесят второй. Спасибо за чирик. Верну. Оревуар, Базя. Иди, Базя, навстречу своему счастью.

— Пока, — ответил Василий и с удивлением ощутил, что ему совсем не противно жить. Первый раз за три месяца.

В подъезде было темно, пахло квашеной капустой и кошками. Василий медленно поднялся по лестнице. Чемодан семь раз повторил «Базя», «Базя», «Базя». Василий почему-то улыбнулся, нащупал кнопку лифта, похожую на обгрызенную бутылочную пробку. «Бутон», — подумал Василий.

Не успел он нажать на «бутон», как двери лифта сердито кашлянули и кряхтя и охая открылись. Из лифта вышла девушка-блондинка. Симпатичная. «Как Светличная в „Бриллиантовой руке“», — успел подумать Василий:

— Извините, вы не подскажете, на каком этаже двести двадцать первая?

— Седьмой, — ответила девушка.

— Спасибо, — сказал Василий и вдруг почувствовал, что счастлив.

— Там направо.

— Спасибо.

— Счастливого пути, — неожиданно сказала Светличная, загадочно улыбнулась и растворилась во тьме квашеных кошек.

И Васю посетила русская нирвана.

Девушку, как выяснилось на следующий день, звали Василиса. Она была из двести двадцатой.

Они расписались две недели назад. На свадьбе были Константэн со своей росомахой, очень, кстати, миловидной женщиной, Гоблин (летчик в отставке по фамилии Оглоблин) и Хомяк с забинтованной рукой, Зинаида с рубенсовской шестерочкой и Макака Михайловна из «стакана».

И я там был. И пил, и текло, и не попало. Зато со всеми, наконец, познакомился. Кроме Рубенса. И услышал вот эту историю. Вот такая вот тантрическая ваджра. Вуаля.

Образно говоря

Одно лето, когда сгорела моя дача, я снимал дом в деревне Пуньки, километрах в

двухстах от Москвы. Полдома. А во второй половине дома жили хозяева – Петр Фомич и Зинаида Васильевна Пугаевы.

Деревня Пуньки – тихая, полузаброшенная, в пяти километрах от шоссе, в сорока от железнодорожной станции. Тут, как водится, жили одни старики. Из «дачников-фигачников», как здесь говорят, в тот год был только я. А кому еще охота пять часов трястись на поезде, потом полтора – на попутке (если еще она будет) и затем полтора часа плестись по комариной вырубке вдоль зудящей высоковольтной линии?

Деревня, конечно, очень живописная. Березняк – молоко в изумруде. Синее круглое озеро, прямо как из сказки-мультика. В нем – толстые караси, серебряные и холодные, как будто заиндевевшие. С непроницаемыми лицами бойцов без правил. Пахнущие чем-то древним, холодным и сладким.

Кругом поля, перелески, леса. Теплая пыль проселков. Жирное разнотравье. И голубое небо с алебастровыми айсбергами облаков.

Сами Пуньки – три десятка бревенчатых изб, срубленных еще в сороковых годах прошлого века. Многие заброшены и наполовину сгнили. Избы либо некрашеные, либо зеленые, либо голубые, иссиня-серые. Наличники – белые. Облупленные, в шелухе, похожей на яичную.

Пугаевы уже пожилые. Петру Фомичу, по кличке Попугай, «восимисит». Зинаиде Васильевне, «Попугаихе», или «Зинике», – «семисот с гачком». Т. е. «с гаком».

Петр Фомич – розовый, малорослый, плотный старичок в седом ежике, с пронзительно синими хитрыми глазами и с носом картошкой. Здесь говорят – «кортоплей».

Зинаида Васильевна – высокая, прямая, с тонкими и правильными чертами лица, сероглазая, спокойная, рассудительная, хозяйственная. Никогда не торопится и все успевает.

Петр Фомич – очень общительный, разговорчивый и страстный философ, особенно насчет глобальной политики.

Два месяца я прожил в Пуньках и два месяца ежедневно мы с Петром Фомичом философствовали («хвилософствовали»). Вернее – «хвилософствовал» Петр Фомич, а я был поводом и фоном. Особенно подзадоривал Петра Фомича тот факт, что я преподаю в университете и много ездил по миру, «облапил глобус», как он выражается.

Петр Фомич называл меня по-разному: Училка, Очкан, Лягушка-путешественница, Бегунок, Одиссеюшка и еще много как. Совершенно беззлобно. Просто от любви к яркому, образному слову.

Рассуждал он масштабно и парадоксально. Мир рассматривал как некую коммуналку, между обитателями которой – чисто человеческие отношения. Он говорил: «Китаец» вместо «Китай», «Негр» вместо «Африка», «Мериканец» вместо «Америка». Получалось примерно так:

– Тут какая хвилософия? Мериканец, он что?.. Он Японцу, образно говоря, по заднице атомкой съездил, Японец и стих. Хотел Русскому смазать, а Русский – на дулю тебе: я сам с усам. У нас тоже атомка имеется, вот она, гляди… Курчатов, наш мужик лобастый, бороду-то почесал, бяк-бяк – и готово. Утрись, Мериканец. Плачь, Полосатка. Тот и утерся. А тут еще Ляксеич наш вокруг шарика обмахнул. «Поехали!» – говорит. А что? И поехали. А до того-то еще две русские суки почин учредили. Все это при Хруще было, а Хрущ, конечно, гаденыш еще тот…

– А чего так? (это я)

– Скот порезал. Мясные гонки с Мериканцем затеял. «Догнать и перегнать». Перегнал, холера… У нас в Пуньках, образно говоря, до Хруща на тридесять домов тридесять и пять коров было. Вот так, Очкан!..

– Тридцать шесть, – назидательно вставила Зинаида Васильевна, протирая тарелки.

– Здравствуй, мать! Где ж шестая? У всех по одной и на Слободке по две.

— И тебе, балаболка, не хворать. А у Комковых-то?.. Зорька-рыжуха?.. Комолая, с бельмом?.. Забыл?

— А ну тебя! Пять-шесть… Крохоборка-милиметровщица, — улыбнулся Петр Фомич.

— А ты трепло беззаветное, — ухмыльнулась Зинаида Васильевна. — Попугай, как есть. Рта не закрывает. Один сквозняк словесный. В кишки-то не надуло еще за восимисит лет?

— Иди, умница, кортоплю ставь вариться! — шутливо нахмурился Петр Фомич. — И моркошки со сметанкой натри.

«Моркошка» — значит морковь.

— У-у-у! Нача-альство! Страшно. Прямо трясуся вся!

Зинаида Васильевна встала и не торопясь вышла из комнаты.

— Полвека маюсь с язвой, — счастливо подмигнул мне Петр Фомич, мотнув головой в сторону двери. — Полвека и, образно говоря, три года.

— Так сколько коров осталось в Пуньках? — вернулся я к «хвилософии».

— Семь. Остальных скопытили. Пустили под тесак. Чтоб Мериканца перегнать. Зато в космос прокатились. Гагарин с Терешковой. Космос за-место буренок. Вот как. Гляди в люминатор, а жрать не проси. Вот. А потом Мериканец опять русского сделал. В смысле Луны. Я, Бегунок, так мыслю, что Русскому Мериканца никогда не удюжить. Мериканец Русского как пить победит.

— Это почему?

— Русский — через край добрый обормот. Мериканец, он как беседует? Он для начала тебе в нюх кулаком — раз!.. А потом под дых еще раз — тяп! А потом по виселке по причинной коленцем — дзынь!.. Чтоб ты забыл, как «мама» говорить. Чтоб ты наполовину помер. А уже затем вежливо тебе предлагает дружиться. Условия оглашает. Вроде того я тебе, образно говоря, полено, а ты мне — избу. А если ты опять, милдружочек, не согласен на такие выгодные для тебя, закадычного братана, условия, он тебя, как йогу, в рулон скатает, уши к заднице прикнопит и все твое добро и возьмет. А еще и документ по всей форме составит, что именно так оно и будет до самого конца честно и справедливо и обратного пути нету. Согласно контракта. Таким вот образом. Нет. Если Мериканец пришел — расплетай лапти.

— Густо вы хвилософствуете, Петр Фомич.

— Это я — образно говоря. А на деле… Вон он Японца — атомкой, Вьетнамца — химикалиями… А Русский дурень, глядишь, победит да сам все и отдаст. Да еще и пожалеет прохвоста. Вон как с Немцем эти… Мишка Меченый с Борькой-пьянью, не к ночи будь помянуты, обошлись. Сами, мол, уйдем, а ты все мое возьми, воссоединись и стенку сломай. А война — дело давнишнее. Тьфу!.. Нет, Мериканец — он и свое не даст, и чужое не упустит. Потому и богат. А Русский без штанов родился, без штанов в космос слетал и без штанов помрет… Хотя Китаец — этот… одуванчик еще страшней.

— Чем же он страшней?

— Ты у Китайца-то в гостях, небось, бывал?

— В Китае? Ну, был.

— И как?

— Хорошая страна.

— Хоро-о-ошая! Как м…ня заросшая. А сколько их, курослепов-то этих?

— Много.

— То-то. Эх ты, Училка… Мно-о-ого. Два мильярда! А то и три: кто их там считал,

землероек-то этих. Они ж там – как опята на Воздвиженье. Что ни пенек, то мешок. Китаец – сила. Он типа удава. Ждет. Приглядывается. Смекает. Котелком своим желтым кумекает. Ага! Русский посреди степи широкой без порток водку булькает. В перерыве между войнами. Потому что скучно. Француз, как всегда, юбки обнюхивает. Таджик Москву метет. Араб своему нефтянскому богу молится. Негр ждет под баобабом, когда ему банан сам в зубы рухнет…

– Бананы на баобабах не растут…

– Знаем без сопливых. А он все равно ждет. Мериканец доллариии свои болотные печатает и считает. Считает и печатает. Сам с собой наперегонки. Англичанец собой до одури гордится и овсо жрет, что твой мерин в стойле. Индус гадюке на дуде дудит и пуп свой разглядывает в смысле хвилософии. Итальянец с Грузином песни наперебой галдят. Еврей плачет, что он умней всех и никто его за это не любит… Все суетятся, мельтешат, как мошка после дождика. А Китаец ждет. Этот своего не упустит. Дай срок.

– Китайцы, Петр Фомич, работают во всю, – возразил я.

– Правильно, работают. А краем глаза в нас целят. Хотя, конечно… Они – вроде нас…

– Как же это?..

– А так. У нас нефти много, леса и прочего алюминия. Мы их и не бережем. А у Китайца народу полны карманы. Он с ним – как мы с плиродой. Да и Немец еще своего не упустил. Нет, не упустил. Оправился Немец после Второй Отечественной. Зализал Фриц синяки. Хитрый Митрий: помер, а глядит… Опять втихаря империю немецкой своей нации варганит.

– Какую еще империю?

– А такую, немазаную-сухую… Единая твоя Европия – это что? Агния Барто? Нет. Кто в этой ихней Европии главный? Швейцар с Албаном? Хор-ватец какой-нибудь? Нету! Немец главный!

– А Франция? А Испания? А Италия?

– Эти, Одиссеюшка ты мой, выдохлись. Не тот напор. Бывал ты у них?

– Бывал, Петр Фомич.

– Ну и как?

– Прекрасно живут. Лучше нас в сто раз.

– Кишкоплуты. Видал я их. Показывали этих нам, образно говоря, в телевизере. Париж этот с Римом. И что? Все жрут, пьют и улыбаются. Улыбаются, жрут и пьют.

– Так чего же в этом плохого? Счастливая жизнь. Люди живут в свое удовольствие.

– А! – махнул рукой Петр Фомич. – Ушли мозги в желудок. Не бойцы они, нет. Да еще через одного гомосэк с лесбияном, прости, Господи. Нет, этих – в утиль. А вот Немец – он, да, работает. И поджидает, когда под него все ляжут. И Грек, и Лях, и Болгар, и Португал. Не мытьем, так катаньем. Раньше Немец норовил все танком, а теперь-то – банком. Вот оно что, Очки ты мои Крылатые. Поумнела немчура. Хотя… Невезучий он, Немец. Даже жаль его, твердозадого. Сколько раз уже империю свою городил. Три аль четыре? И всякий раз – швах и пыль. На Русского зачем-то попер. Ну не дурак? Русского ведь одолеть на этой земле никак не можно. Почему что Русский завсегда всех повергнет. Такая у него участь.

– Петр Фомич, какая-то тут у вас, простите уж меня, неувязочка.

– Какая такая, Колобок ты мой Четырехглазый, неувязочка?

– Вы же только сейчас говорили, что Америка нас…

– Это я – образно говоря. Мериканец с Китайцем Русского, конечно, на пару

одолеют. Тем паче если им Немец со своей империей подсобит. Там и Француз-лесбиян из-под очередной юбки подтявкнет. И Турок ущипнет. И Поляк подшипит. И Англичан со своего сырого Лондона пальчиком погрозит. Да и наш родной Хохол сгоряча, может, галушкой бросит… Это, конечно, все так. Никаких сумнений. И вроде бы – все! Кресты. Махнули на глобусе на Русского рукой. Амба, не жилец. Ан-нет! Русский полежит-полежит, покряхтит-покряхтит, проп…дится, в луже умоется, икнет – и на печь. Отмотаться. А через полвека лет глядишь – он с печи слез и опять в силе. Здоровый, как боров. Морда красная, но добрая. А сам малость во хмелю, но, однако, с рогатиной. А за ним еще, образно говоря, Удмурт да Якут, Казах да Белорус. И у каждого по дрыну. И у всех морды красные, но добрые. И вроде добрые морды-то эти все мордовские и бурятские, а есть в них во всех какая-то дурца с отчаянкой. И все слегка во хмелю, так что без дрына на ногах не стоят. И чего от них ждать – ни одна Обама и ни один Тетчер не знают. Боязно? Боязно. Всем боязно, и Русскому с Калмыком, и Мериканцу опять же забота, и Немцу с Англичаном дума. Не знают они все, что с этим Татарским Русским делать. Не впихивается он в ихний мудрый чертеж. Он им всем – как оса в трусах. Неясный зверь неприятной породы. Раскорячился, понимаешь, на сколько там мильонов километров, прибрал байкальскую воду с сибирским кислородом, воронежский чернозем с заполярным газом – и сидит. Под мухой. Бьют его Наполеон с Гитлером, бьют, а ему все как с ящерицы хвост. Чудно! Как говориться, во саду ли в огороде бегала собачка, хвост подняла, нафуняла – вот тебе задачка. Однако пойдем, Ломоносыч-Кривоглазыч ты мой, на двор. Курну я перед кортоплей с моркошкой. В избе-то дымить – чертяку кормить.

Стоял, помнится, прекрасный июньский вечер.

Остров алого заката тонул за синим морем леса. По небу вились розовые стеариновые изводы облаков. Поле отчаянно стрекотало. Вкусно пахло пред-росной травой. Закукукала кукушка. Я было начал считать в смысле остатка жизни. Но на шестьдесят восьмом «куку» махнул рукой. Сто четырнадцать лет – многовато.

Петр Фомич курил, как курят все старики в Пуньках. А может быть, как все мужики от Калиниграда до Камчатки. Правая нога – на левой, правый локоть – на колене. Кисть левой руки свисает с ноги позади локтя. Папироса в правой руке между расслабленными указательным и средним пальцами, лежащими у самого лица. Плохо объяснил, знаю. Но лучше не получается.

Русский Роденовский Мыслитель. А может – Мефистофель Антокольского.

Образно говоря.

– Готова кортопля-то! – крикнула Зинаида Васильевна. – Идите нешто, криводумы.

– Идем! – отозвался Петр Фомич. – Завтра жарко будет. И карась будет хорошо клевать. Ну, пошли заправляться, Москва.

Заправлялись под обсуждение пенсионной реформы.

На следующее утро мы ловили карасей. Я поймал одного, Петр Фомич – двенадцать. Обсуждали проблему Курил, Японца, монголо-татарское иго, Кубинца, Карибский кризис, Петра I.

Вечером ели жареных карасей все с теми же картоплей и моркошкой. Обсуждали российский флот, Ивана Грозного и Чечена.

Потом были грибы с Путиным и Армяном. «Макарошки» с Чукчей и Брежневым. «Гречаня» под Медведева.

Много чего еще было. Но странное дело: в глубине души, какую бы ересь ни городил старик, я почему-то всегда соглашался с Петром Фомичом. А еще больше – и еще в большей глубине души – с Зинаидой Васильевной.

В общем – с ними обоими.

Соглашался, образно говоря, конечно.

Херр Обломоff, или Равнение на телеспаржу!
Удивительное дело: мы, россияне, страшно любим себя ругать. У нас все всегда

плохо. Мы не доросли до цивилизации. Мы – дикие. Работать мы не умеем. Мы – свиньи. И так далее и тому подобное. Первый вопрос, задаваемый нашими журналистами какому-нибудь третьесортному инотсранцу: «В чем, по-вашему, причина нашего варварства?» И – подобострастно-самоуничижительная улыбочка. Тьфу.

Мы жутко любим цитировать наших классиков на предмет ругани в наш же адрес. Только ленивый не цитирует Гоголя про то, что у нас, дескать, две беды – дураки и дороги. И почти никто не знает, что ничего такого Гоголь никогда не говорил. Нет такой цитаты у Гоголя – и все тут! Приписали Николаю Васильевичу две беды. Из всего Пушкина нашли, что «мы ленивы и нелюбопытны» – и через слово вставляют. Мы – обломовы, держиморды, Хлестаковы, червяковы…

Обидно. А главное – все это неправда.

То есть – все это, конечно, есть. А у кого этого нет? У немцев? Французов? Шведов? Англичан?

Ребята в недавнем прошлом изнасиловали планету, а теперь отдыхают. Все законно.

Вообще, Европа – это такое место, где почти никто ничего не делает. Я не шучу. Раньше я очень любил отдыхать в Европе. Не потому, что это престижно или модно, а потому что там действительно такая тишина и такой покой, что недели анабиоза хватит на дальнейшие полгода вкалывания на родине. Одно слово – Евротерапия.

Делается это так.

В самую дождливую, мерзкую погоду, когда утром хочется выть, а вечером плакать и кусаться, вы улетаете к чертовой матери из города-героя и города-трудоголика Москвы и приезжаете в маленький европейский городок N где-нибудь в самом сердце Европы. Сердец в Европе много. Что ни городок, то сердце. Городок N может находиться и в Австрии, и в Швейцарии, и в Германии, и в Чехии. Хоть в Португалии. Это неважно. Главное, он должен быть маленький и типично европейский. То есть такой, где можно помереть со скуки. Вот года полтора назад я провел несколько дней в таком городке N. Не буду называть, в каком. Пусть создастся, так сказать, обобщающий образ. Тем более, что все городки N в многочисленных сердцах Европы похожи друг на друга, как московские толстые собаки, обитающие у метро, половина из которых непременно рыжие и обязательно зовутся «Чубайс».

Итак. Неясное время года. Янвавгуст. Апрябрь. Утро. Дождик, паразит, стучится в окна гостиницы. За окном – улица. В разводах дождя на стекле типичная среднеевропейская улица. Булыжник. Булыжник цвета мокрой мыши. Энергосберегающие фонари. Кусочек мерцающего изумрудной плесенью канала. Слева – ратуша. Справа – собор. В центре – строго напротив твоей гостиницы – секс-шоп. Кусочек канала в прогале между домами. Ближе к ратуше – аптека. Ближе к собору – паб. Рядом с пабом – цветочный магазин.

В Европе тянет смотреть в окно. Сидишь на подоконнике, как стерилизованный кот Матроскин, и часами смотришь на улицу. У нас в окно смотреть нельзя. Могут не понять. Кинуть чего-нибудь. Или выстрелить из рогатки. Или просто обозвать какой-нибудь очкастой ветчиной. Имел удовольствие быть ею названным. А здесь – улыбнутся протокольной лыбой, а то еще и рукой приветливо помашут, идиоты.

Вот бабушка в голубых буклях и с алым пластмассовым совком бежит от ратуши к собору за белым мопсом. Мопс – резвый. Бабушка – бодрая. Совок – полный.

Зеленоволосый чернокожий явно голубой наркоман крадется по стеночке от паба к аптеке. Он в халате, как Обломов.

Открывается цветочный магазин. Ты автоматически поднимаешь глаза вверх: не выпадет ли из окна Плейшнер? Нет, Плейшнер не выпадет. Он был последним, кто выпал из окна в городе N за эти шестьдесят пять лет. До него, говорят, выпадали. В эпоху Карла Великого. А так нет. Горшок с цветами, поставленный фашистами, так, кстати, и стоит на подоконнике. На всякий случай. Традиция.

Какой-то дядя в чалме проехал на велосипеде. Больше никого. Аптека, в которую заполз наркоман. Мокрая улица. Фонарь. Все.

Сеанс подоконочной терапии окончен. Чувство легкости во всем теле. Блаженный зевок. Что дальше?

Дальше — музей. Это обязательный элемент. Сеанс музеетерапии.

Ты листаешь справочник. Какие музеи есть в городе N? Вот, например: Музей Современного Искусства Города N. Прекрасно. Улица с названием, похожим на название какого-то комбинированного нервно-паралитического газа.

Касса музея. Цена, равная месячному московскому заработку бригады таджикских строителей. Ладно.

Залы музея. Пожилой смотритель музея с улыбкой Марчелло Мастроянни и пуленепробиваемым взглядом. В музее из посетителей только ты и еще какое-то бесполое лысое существо с кольцом в носу. Существо — с рюкзаком. На рюкзаке надпись: «Свободу страусам!» И картинка: зажатый в сэндвиче страус. У страуса в глазах — ужас. Сэндвич со страусом перечеркнуты крест-накрест. Я лично страусятину не ем. Мне не нравится.

Экспонаты. Гирлянда колбас. Название: «Полное собрание сочинений Иммануила Канта». Тонко. Какое-то подобие табуретки с торчащим сверху гвоздем. Называется: «Полет Икара». Ново. Большой белый шар, измазанный чем-то вроде навоза. На табличке: «Терроризм». Актуально. Куча хлама: какие-то коробки, ломаные куклы, битые банки, тряпки. Именовано: «Подсознание постмодерниста». Точно.

Защитник страусов долго созерцает «Подсознание» и шепчет уважительно «уау», «уау».

Через час-полтора шатания по музею начинаешь приятно шалеть. На ходу заваливаешься влево, в сторону левого полушария мозга. Это оно ведь, кажется, отвечает за творческие способности. Или правое? Не помню. У меня, точно, левое. Потому что именно оно болит с перепою и чешется перед помывкой.

Ты выходишь из Музея Современного Искусства Города N и тупо стоишь у выхода, на улице с названием комбинированного нервно-паралитического газа. Стоишь, прислонившись левым творческим полушарием к скульптуре, изображающей какого-то странного голого человека, прикрывающего причинное место стоевровой купюрой. Человек похож на Зураба Церетели в горячке. Называется: «Объединенная Европа». Не понял.

Какие еще музеи есть в городе N? Музей женских очков. Музей кошачьего корма. Музей кислородных подушек. Музей рисунков левшей-параноиков города N. Наверное, здесь много левшей-параноиков, носящих женские очки и питающихся кошачьим кормом. Нет, сеанс музеетерапии окончен.

Чу! Проехал знакомый велосипедист в чалме. Здравствуй, исламист-велосипедист!

Ты гуляешь, растопырив свой зонтик, по дождливым улочкам европейского города N. В самом-самом центре Европы. Уже темнеет. Вот собор. Секс-шоп. Ратуша. Все та же бабушка с мопсом и совком. Бабушка все такая же резвая. Мопс все такой же бодрый. Совок все такой же полный. Все тот же наркоман в обломовском халате крадется по стеночке из аптеки в паб. Тихая растаманская музыка льется вместе с дождиком из паба. Цветочный магазин. Лужа у магазина, похожая на вмятину от Плейшнера. Цветы в окне явочной квартиры. Пора в паб.

В пабе никого. Ты берешь кружку настоящего европейского пива, которое изготовлено из отборного солода золотыми руками пивоваров города N в самом центре Европы. Паботерапия должна продолжаться не менее трех часов. По кружке на час.

Через час в паб забегает бабушка с буклями, совком и мопсом. Она залпом выпивает стакан местного портвейна, занюхивает мопсом и убегает в дождливый вечер.

Через два часа в паб заползает наркоман. Некоторое время он шатается у стойки, а потом уползает в сторону аптеки, забыв халат на стойке.

Через три часа, ближе к полуночи, в паб заезжает исламист-велосипедист. Он выпивает рюмку водки, говорит «добре» на языке урду и уезжает в дождливую ночь.

Судя по всему, в полночь должна явиться тень Плейшнера. Но ты ее не будешь ждать. Сеанс паботерапии окончен.

Чавкая по вмятине от Плейшнера, ты уходишь в свой уютный номер, в полном интеллектуальном и духовном тумане автоматически включаешь платный канал, закрываешь глаза. И под приглушенный свет электросберегающих лампочек, которые мой народ назвал лампочками Анатольича, под не слишком оживленную возню и похрюкивания неодетых телегероев – засыпаешь.

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Ночью по улице проезжают с громкими вопросительными стонами мотоциклы. Но ты их не слышишь. Тебе снятся твои добрые друзья: исламист, наркоман, бабушка, местный Церетели с купюрой наперевес. Может присниться что-нибудь не слишком тревожное. Например, мысль: а где же защитник страусов? Да, где он? Почему его не было в пабе? Не случилось ли чего-нибудь ненароком у бесполого лысяя?..

На следующий день надо повторить. Посетить, скажем, музей леворуких параноиков. Сходить в паб. И так несколько раз.

Через четыре-пять дней, проведенных в городе N, летя в самолете в город-герой и город-трудоголик Москву, вы чувствуете такой прилив энергии, какой не испытывали никогда. Ваше левое (или правое) творческое полушарие от предчувствия творческих удач звенит, как улей, и чешется, как лишай.

Мой последний сеанс евротерапии произошел в апреле прошлого года. Но это был уже не маленький город N, а столица крупного государства Европы. Меня пригласил в Берлин мой друг Йенс Обель. По-русски он говорит лучше меня. Еще он знает три языка, включая хинди. Уникальный человек.

Йенс раньше учился в Москве на философа-марксиста, а сейчас он – безработный, хотя по-прежнему убежденный марксист. Йенс уже пятнадцатый год живет в Берлине на пособие по безработице, которое в три раза больше моего университетского профессорского оклада. Его квартира – в районе Кройцберг. Это что-то вроде нашего Бутово. Йенс ищет работу с немецкими насточивостью и педантизмом, перед которыми я преклоняюсь. Он ищет ее лежа на диване. В халате цвета содержимого совка бабушки с голубыми буклями. Рядом на стуле – новейшая модель ноутбука, взятая в кредит. На десять лет. Под два процента. Большую часть времени Йенс изучает потолок. Или дремлет. Иногда с томным стоном, похожим на Обломовское «Заха-а-ар!», припадает к ноутбуку. «Опять нет работы!.. Майн Готт!» – шепчет Йенс и впадает в дремоту. У него трехкомнатная квартира общей площадью 120 кв. м. После моей однушки – просторно. Мне была выделена комната. В ней телек, диван, аквариум с пираньями, компьютер и большой плакат с изображением Че Гевары.

В первый день моего пребывания в Берлине часов в 11 утра, Йенс проснулся и застонал: «Вова-а-ан!» Я пришел. Йенс попросил меня сбегать за пивком. Я сбегал. Как говорится, метнулся кабанчиком. Но сам пить не стал: хотелось все-таки трезвым и бодрым побродить по Берлину. Я тут бывал, но уже давно, лет десять назад. Йенс со мной бродить по Берлину наотрез отказался. Он выпил пять бутылок «Эрдингера», на минуту прильнул к ноуту, сказал «Снова нет работы! Майн Готт!» – и заснул. А я пошел по Берлину.

Берлин – город большой. Но народу тут живет мало. На почти 1000 кв. км (890,8) – немногим более 3 млн человек. Это просто неприлично. Самое сильное впечатление от Берлина – огромное количество пустого места. Русский глаз радуется. Ширь, мощь, раздолье. На месте снесенной берлинской стены и бывшей «нейтральной» зоны – пустыри. Аккуратные такие, немецкие пустыри. Можно сказать, поля, степи. Особенно пустыристо-степист, конечно, Восточный Берлин. Йенс, восточноберлинец, говорит так: «Карл Маркс написал две книги – Капитал и Манифест коммунистической партии. Капитал достался Западному Берлину, Восточный остался с Манифестом».

В Берлине тихо и спокойно, терапийно. Три машины у светофора где-нибудь на Унтер-дер-Линден или на Фридрихштрассе здесь называются Ужасной Пробкой. После Москвы здесь чувствуешь себя в Обломовке. Берлин – это и есть Большая Еврообломовка. В Обломовке, как мы помним, все спят и едят. Иногда – после еды и перед сном – коллективно ржут до слез. То же – и в Берлине.

Спят здесь фундаментально. Ночной жизни хватает, но – для особо желающих. В Берлине я впервые за год основательно отоспался. Сны здесь снятся хорошие, здоровые. Например, как красивая толстая тетя, улыбаясь, ест большое красное яблоко, а потом, заразительно смеясь и подмигивая тебе, говорит что-нибудь очень правильное, положительное и жизнеутверждающее, например: «Дас ист апфель. Йа, йа».

Едят здесь много, вкусно и дешево. Если кто-то хочет поправиться, причем почти на халяву – добро пожаловать в столицу объединенной Германии.

В Берлине можно смело много кушать, потому что в Берлине же нельзя не заниматься спортом. Спорт, опять же, дешев до изумления. Например, Йенс в своем родном Кройцбергском Бутове имеет абонемент в фитнес-центр. Правда, не ходит. Некогда. Надо искать работу. Фитнес, как в Москве: ежедневно с 6.00 до 24.00, бассейн, зал, сауна, всякие включенные в стоимость йоги, аквааэробики и прочее. За месяц надо заплатить 50 евро. То есть: 1,67 евро в день. Меньше 60 рублей. В моем московском «Кимберли-лэнде» за одно посещение берут 1500 руб. А «ленивый и нелюбопытный народ» все равно идет.

Если вы проживете в Берлине, скажем, две недели, то можно изловчиться все музеи посетить бесплатно. Потому что обязательно есть какой-нибудь вечер, например, воскресный, когда все бесплатно. Надо только проследить информацию. И даже если небесплатно, то общий билет в большинство музеев даст вам скидку раза в три-четыре. Вообще здесь все помешаны на скидках, льготах и бонусах. Даже, к примеру, если вы поедете на местной электричке не один, а впятером, вам полагается скидка за коллективизм.

Берлинец – это гомо халявус. Более трети жителей этого прекрасного города, особенно восточной его части, «манифестной», живут, как и Йенс, на пособия и, что называется, в прибор не дуют. Им, говоря языком гениального бородача, нечего терять, кроме собственных пособий. А потерять они их не могут, даже если захотят: права человека!

Итак, берлинцы все время спят, едят, ищут работу и занимаются спортом. А еще они все время ржут. В смысле – острят. А что еще делать при такой славной жизни? Очень многие берлинские достопримечательности имеют, так сказать, смеховые переименования, клички. Памятник Фридриху Великому – «Старый Фриц». Новые здания, писки архитектурной моды, – «Комод», «Стиральная машина» и т. п. Самая высокая телебашня в Берлине названа берлинцами Телеспаржей.

Лучшее времяпрепровождение в Берлине – это бродить, заходя, конечно, в музеи, от западноберлинского Шарлоттенбурга до восточноберлинского знаменитого Острова Музеев. Музеи – это хорошо. Но это не главное. Как, впрочем, и рестораны с магазинами. Неделя Терапийных бродилок по Берлину принесли мне невероятный душевный покой, психологический комфорт, и физическое здоровье.

В Берлине трудно потеряться. Тут все упирается либо в Кайзерштрассе, либо в Курфюрстендамм, либо во Фридрихштрассе, либо в Унтер-дер-Линден, либо в Александерплац. А если вдруг случится приступ топографического кретинизма – равнение на Телеспаржу.

Я прожил в Берлине неделю. Утром я кормил пираний парной индюшатиной. У пираний были очень добрые и политкорректные лица с вежливой улыбкой. Целый день эти твари почти недвижно живут в воде и улыбаются. Когда же им дают корм, аквариум на несколько мгновений превращается в катафалк с шаровыми молниями.

Мою парную индюшатину пираньи уничтожали за несколько секунд. И снова – вежливая и добрая улыбка милых рыбок, как бы говорящая: «Данке. Даст ист шмект».

Мне показалось, что этот аквариум является эмблемой западного мира. Но я на этом ни в коем случае не настаиваю.

После пираний я бежал за пивком для Йенса в местный минимаркет. Продавщица, похожая на Федора Емельяненко, понимающе улыбалась и говорила что-то типа: «Русишь моргай бир». И мне было каждый раз немного стыдно за мой народ.

Потом до вечера я гулял по Берлину.

Я исходил Берлин, почтительно равняясь на Телеспаржу, во все концы. И еще раз очень полюбил этот город, его горластых турецких эмигрантов, оптимистичных пенсионерок с кровавоокими шпицами, розовощеких юных немок, пышущих моральной устойчивостью в сочетании с инстинктом деторождения.

Я люблю тебя, Берлин.

В день моего отъезда, утром, Йенс сказал мне:

— Все-таки вы, русские, страшные бездельники. Ленивый вы народ. Хотя и симпатичный…

— Где ж я ленивый-то?..

— Целый день гуляешь, дурака валяешь. А я вон, как проклятый, день и ночь… работу ищу. Устал, как трактор. Надорвусь вот — будете знать…

Он шмыгнул носом, глубоко вздохнул, на минуту прильнул к компьютеру, безнадежно шепнул: «Так и нет работы! Майн Готт». Откинулся на подушку и спросил:

— Рыбкам дал?

— Дал.

— Съели?

— Не то слово.

— Сгоняй за пивком. А то я совсем заработался.

— Да мне ж в аэропорт… Не опоздать бы.

— Авось не опоздаешь.

Я не опоздал. И не только за пивком. Через час после моего приземления в Домодедово мир узнал об извержении исландского вулкана Эйяфьятлайокудль. Еще пару часов, и засел бы я в Берлине на неделю-другую.

Меня впереди ждала всякая ерунда: лекции на пяти факультетах, две недописанные монографии, шесть статей и рассказ для «Моей семьи». Везучий я человек: по жизни гуляю, дурака валяю. Все на авось да на кабы. Никакой трудовой дисциплины. А бедный Йенс вкалывает там, в своем берлинском Бутове, работу ищет.

Кстати, работу он до сих пор так и не нашел. И, наверное, до пенсии уже и не найдет. Зато пособие ему повысили в полтора раза. А мне зарплату — нет.

И так нам всем и надо, бездельникам.

Екатерина Баранова
Вытие
Осень струится в воздухе пряном
белым дымком. Затоплена баня.
Слышится осень в хрипе баянном…
В свадебной песне, как яркие ткани
в лавке торговой, пестрят голосами
бабы и девки. В сумерках ранних
окает осень любви словесами.
Светится зыбко за улицей где-то,
рдеется солнце, нисходит домами.
Словно крадётся, уходит за светом
полем и яблоневыми садами
детство. Сегодня во сне мне явилась
бабушка в чистой крахмальной сорочке.
Утром видение это забылось.
Катится осень криком сорочьим
по небу, как колесница Даждьбога.
Ночь наступает, а следом метели
выбелят начисто снегом дорогу,

белые простыни в доме постелют.
Олег Солдатов
Деревянная свадьба
Все же я, черт возьми, очень привлекательная женщина, по крайней мере, еще. Ну и что с того, что мне слегка за сорок? Дело ведь не в этом. Возраст – это только часы, а биологический возраст – совершенно, совершенно другое! Неделю не поесть, не попить и я буду как девочка, уж во всяком случае, дам сто очков вперед любой из этих толстых кобыл. Я бы запретила таким раздеваться на пляже, развалили свои блины на солнце, жиру как у свиней и еще топлес. Нет, я не против топлес, вон эта сучка лежит сосками кверху и пусть лежит, на нее хоть мужики могут полюбоваться. Пусть лежит, дура, жарит свою грудь на солнцепеке. Не успеет оглянуться, как заработает рак, и прощайте, сисечки. Что за жара, Боже ты мой! Как на такой жаре люди живут? И этот тоже, снял гостиницу на самой горе! Когда спускаешься на пляж еще ничего, а пока дойдешь обратно наверх – сдохнешь… Не пойду больше, пусть берет такси, пусть на руках несет, на плечах, как хочет, не пойду, все, хватит с меня этого пекла, этого моря, этого грязного пляжа, надоело… Почему другие как люди едут в Турцию, в Египет, на худой конец, в Болгарию, в Тунис, только этот поперся в Геленджик? Дольмены, видите ли, он смотреть захотел. Дались ему эти дольмены! И без них прожить можно. Сам и виноват! Говорила ему: не пей эту воду. А он: святой источник, святой источник! Ну и кто оказался прав? А ведь говорила ему, говорила. А ему что? Он умнее всех. Хоть кол на голове теши… Теперь денег на лекарства угрохали столько, что подумать страшно. И то же, говорили ведь ему в аптеке, говорили, углем не поможешь, и этот, забыла как его, левомицетин, кажется, тоже не возьмет. Какая-то новая бацилла появилась, мутированная. А он: я лучше знаю, я лучше знаю… И что? Кто лучше знает? Молчал бы… Угля сожрал полтонны. От левомицетина весь прыщами пошел, как подросток. А толку? Пришлось-таки покупать дорогущее лекарство, французское… В аптеках не протолкнуться, народу больше, чем в столовых, а по телевизору врут, что это, мол, пищевое отравление… Ага, как же! Полгорода в аптеках! А там эта женщина… ха-ха… стоит, с ноги на ногу переминается.

– Ой, – говорит, – вышла на работу и чувствую, не дойду… Дайте мне что-нибудь, чтобы хоть до работы добраться.

А ей какие-то пилюли всучили, говорят:

– Идите.

Она:

– Дойду?

– Дойдете, только поспешите, а то опоздаете…

…Куда сигареты-то подевались? Утром пачка была! А, вот они, в кепку провалились. Ну, закурим, пока этот купается. Как он там купается? Вода – гороховый суп и по цвету, и по температуре. Народу до жути. Чего они все сюда приперлись? И этот тоже, не мог в Турцию свозить на пятилетие совместной жизни… Дольмены ему, видите ли, подавай. Поехали на эти дольмены, да по жаре… И что? Оно того стоило? Каменные берлоги… Еще врут, будто туда людей живыми замуровывали… Да что они, дураки, что ли? Окошко-то ведь оставляли! Сиди, пока не похудеешь. Вот и вся диета. А похудела до размеров окошка, вылезай, иди мужика ищи… Хорошо, что мы сегодня утром пораньше пришли, заняли места под навесом… Тут хоть попрохладней и не так этих зазывал слышно:

– Форель копченый! Барабулька сушеный! Рапан!..

Только вздремнешь, глаза прикроешь, уж они тут как тут:

– Сладкие трубочки, сладкие трубочки! Очень сладкие, очень трубочки!..

Тьфу… Прибила бы всех до одного… Кукуруза вареный! Хрен моржовый!

Косяками ходят и орут, как больные, прямо над ухом. Идиоты!.. Нет, ну ты видишь, люди отдыхают, зачем в ухо орать? Песком обсыплют, форель свою перетухлую в нос суют! А я говорила ему: не бери. А он: дай попробую, дай попробую. Попробовал? Обжора! Сам и виноват! Больше не захочет… Часа два его видно не было… А потом

несчастным прикинулся, говорит: так сильно пить хочется, надо из святого источника лечебной водички попить. А главное, вот тоже, сволочи, камень положили, мол, источник святой, освящен каким-то там архимандритом, пейте… Попили, спасибо! Лекарств на тыщи купили! Вот тебе и святая вода! Всюду прохиндеи… А на рынке продавщица, спрашиваю ее:

— Чего у вас все так дорого? Виноград, как в Москве стоит!

А она, сучка, отвечает:

— Сейчас олигархи понаедут, все скупят, и вообще мы весь товар из Москвы сами привозим. — И морду, главное, какую обиженную скроила. Что ты! Зачем же ты из Москвы возишь, когда у тебя здесь все может расти? Тоже, я хочу сказать, ничего не делают, привыкли курортников грабить, а даже за огурцами на Кубань мотаются… Тунеядцы чертовы… Не знаю, какие дураки еще попрутся в эту помойку, кроме этого… Вон он ныряет, в какую даль заплыл. Сколько раз я ему твердила: не заплывай далеко, не мальчик уже, ногу сведет, кто тебя будет спасать? Я, что ли?

Щас! Ну и тони, смотреть даже не стану… А! К берегу повернул, Ихтиандр… Почему мне так не везет? Вон Клавкин Витька и деньги зарабатывает, и шубы дарит, и золото, и на машине возит… А она об него ноги вытирает. Хоть живут душа в душу. Где она такого нашла? А у нее еще и любовник. Похвасталась же, змеюка… И тоже ей и шубы, и золото, и все, что хочешь… Ну ничего, будет и нашей улице праздник. Почему так? На одних клюют сразу косяком, и все хорошие, а на других черт знает что, смотреть противно? В чем секрет? Не везет… Еще когда помоложе была, все искала получше… Маман науськивала: мы с тобой найдем такого, какого свет не видел! Зачем нам всякая шелупонь? Ты у меня красавица! А вечером встретит возле двери:

— Кто это тебя провожал? — В окошко следила, конечно. — Митька? Это, у которого отец шофер? Фу! Деточка. Тьфу на него! И он, как отец, шоферить станет. Зачем тебе? Воняет бензином, маслом. Фу… Нет, нет, нет… у нас с тобой будет не меньше как дипломат!

Ну вот и ждали дипломата… И дождались. Сколько мне было тогда? Лет двадцать? Как помутнение. Любовь и все! А он — шпана дворовая, даже школу не кончил. Сейчас жив ли? По тюрьмам небось мыкается… А тогда — глаза огромные, голос низкий, бархатный. Наверняка наркотики принимал, а смотрит — оторваться нельзя… Ну и пошло. У маман истерика, а меня ночи напролет дома нет. Институт, учеба, все вверх тормашками, а я домой под утро… Но быстро все закончилось. Маман очень рада была, все меня целовала, говорила, что я умничка. А он, оказалось, одновременно со мной и еще с двумя бабами романы крутил. А как-то раз, давай, говорит, втроем. Глаза масляные, зрачки по полтиннику, тут я и поняла все… Иди, говорю, к черту! Кобель! Правда, подцепила я от него дрянь какую-то, но хоть вылечилась, и то слава Богу. А ведь это моя первая настоящая любовь была… Такая, что во сне вскакивала, все казалось, что он где-то рядом…

А Митька-шоференок все бегал за мной, на коленях стоял, умолял… А я нет, говорю, от тебя бензином всю жизнь вонять будет… Довылупонивалась… Митька сейчас развернулся, у него автосервис, а женился на этой замухрышке Залыкиной, как она его охмурила? Ну да, он же тогда никем был, механиком в гараже. Кто ж знал? А она ему сразу троих, одного за другим, как из пулемета, здравствуйте! Не пора ли остановиться? Она из тех, что чуть только ухватят мужика, давай рожать без остановки. Одного, второго, третьего… Лишь бы не сбежал. Хитрые сучки…

— Ну? Что надо? Не хочу я твоих орехов! И ягод не хочу. Ты видишь, я отдыхаю, и не суй мне свою чурчхелу под нос. Злая… Я не злая! Достали уже, ни покоя ни отдыха, иди отсюда… Лучше бы пляж почистили. Грязь непролазная…

Нет, завтра надо будет на санаторный пляж идти, там хоть тихо, нет этих крикунов: Форель моченый, чебурек сушеный!.. А вот и он, наплескался… тюлень.

— Да, дорогой! Нет, обедать еще не хочу. Как водичка? Что, уже накупался? Пойдешь, поиграешь в волейбол? Ну, иди, иди… Только надень кепку, такое солнце. Я очень волнуюсь. И я тебя. Только, прошу тебя, не долго…

Откуда в нем столько сил? Плавал почти полчаса, не меньше, и теперь еще и отправился скакать в волейбол… по жаре… Ночью, небось, будет дрыхнуть… не

разбудишь. Ну что ты, спрашивается, скачешь, прыгаешь? Лежи себе спокойно, спи, отдыхай, набирайся сил. Ты ж за этим сюда и приехал, если, конечно, не считать дольмены. А ночью… неужели тебе заняться нечем? Рядом с тобой такая женщина! Бездельник. Прохиндей. Ну? И это на годовщину свадьбы! Привез черт знает куда, плавает, играет в волейбол, ездит на дольмены, травится, болеет, храпит как паровоз… Ну а я-то, я-то здесь при чем? Где мое место на этом празднике жизни? Нет, оставлять это так больше нельзя… В конце концов, каждый сам кузнец своего счастья. Если нас не замечают, о нас забыли, мы сможем о себе напомнить… А впрочем, пошел бы он к черту. Что я, в самом деле? Мужиков надо бить ногами по голове, тогда они будут носить тебя на руках… Это мне маман после того раза объяснила. У меня потом долго никого не было. Да, пожалуй, года три-четыре, все больше с подругами… С одной даже поехали вместе в Турцию отдыхать. Взяли двухместный номер, все включено, на две недели в начале лета. Мы с ней чуть не переспали, прости Господи, хотя все шло к этому… А все она… Нет, не то чтобы у меня была какая-то тяга, просто подруги по несчастью, легкие шалости, молодость… Мы и пупки прокололи вместе из шалости… Хохотушки были, поехали на дискотеку, с нами в автобусе немцы, а мы веселимся, шумим, так немцы молчали, молчали, потом один дядька старый меня за руку схватил и гавкнул что-то мне прямо в нос, а другие кивают, мол, я-я! А Светка его оттолкнула, так что он на сидение отлетел и кричит: Хенде хох!.. Они там все чуть не померли со страху. Может, мы террористки? Договорились с ней: друг от друга ни на шаг. Танцевали, отрывались по полной программе, веселились, в общем. Но стоило мне отлучиться, возвращаюсь, а она мне и заявляет:

— Слушай, — говорит, — у меня тут наклевывается… Езжай в отель одна.

Я в трансе.

— Как одна? Ведь договаривались вместе.

Я и дороги не запомнила, и стемнело уже, и я накоктейлилась, а она мне говорит, катись, мол, я себе кого-то другого откопала! Чужая страна, мне двадцать пять, мало ли что? Чужой город, все чужое, как добираться до отеля не знаю, адрес не помню, только название — Мурмаши какие-то, страшно, украдут, сколько случаев было… Потом где меня искать? В гареме, в публичном доме, в канаве?.. Ужас!.. Кое-как добралась, подошла к полицейскому, как-то объяснила, что мне в отель надо, он такси остановил, номер записал, я и доехала. Легла спать… Этой шалавы все нет, уж ночь, вдруг, шаги, поднимаются, смеются негромко, ключ щелк, заходят, эта ко мне, спрашивает:

— Ты спишь?

Вот дурацкий вопрос. Ненавижу идиотов, которые будят тебя среди ночи и спрашивают — спишь ли ты! Ну конечно, еще бы! А она думала, я бессонницей мучаюсь без нее? Правду говоря, я не спала, такая я вся была возбужденная, от наглости ее и нахальства.

— Сплю, — отвечаю. А вижу, кавалер-то стоит у дверей, переминается нерешительно. Вот же беспардонность, она его к нам в номер притащила. И что дальше? Мне на улице спать, на балконе, в саду? А им на нашей кровати трахаться? — Большое свинство с твоей стороны, — заявляю, — будить меня посреди ночи. И что тут делает этот молодой человек? Я его не приглашала!

Она говорит:

— Слушай, — говорит, — ты не обижайся, только можно мы в ванную пойдем. Ты не будешь против?

Слыхали? Какая наглость! В ванную! У меня там полотенце, бритва, зубная щетка… Да мало ли что? А они в ванную собрались! Да что это значит?! Притащила какого-то грязного мужика, и в ванную… А куда им еще идти? По территории секьюрити ходят, к нему нельзя, — это она мне потом рассказала, — он с мамой приехал. В его номере мама спит. Пусть бы и шли к его маме в ванную. Вот бы она повеселилась. Порадовалась за сыночка. Мальчику двадцать пять, а он с мамой на курорты ездит. Хорош, нечего сказать. Маменькин сынок. Что-то он такое откаблучил, что мамаша его от себя не отпускала? А может, то и не мама вовсе была. Просто дама старших лет. Сейчас много таких альфонсов ездит по курортам…

Я говорю:

— Ты что? Совсем, что ли? Никаких ванн! Спать! Не хватало еще, чтобы я слушала, как вы в ванной будете развлекаться! Я, — говорю, — от тебя такого не ожидала! Договорились быть вместе, а ты… — ну, в общем, устроила ей сцену. Она повернулась, хахаля за ручку взяла и повела куда-то в холл отеля или в коридор, уж не знаю. Ушли, и то слава Богу. Потом заявилась, спустя час или полчаса, разделась и бухнулась на кровать. Лежим, я не сплю, уснуть же невозможно, сердце стучит. Поворачиваюсь к ней, ну как обычно, спросить, что, как, интересно же… А она уже спит, варежку разинула, даже слюнку пустила. Я наклонилась к ней, все-таки подруга, а я с ней так резко, хотела вроде извиниться, ну и поцеловала ее в щеку, а она во сне дыхнула мне прямо в лицо, и ладно бы перегаром или табаком, — чистой спермой. Она даже зубы не почистила!.. Меня чуть не стошнило. Отвернулась от нее, на самый край, подальше отодвинулась. Ощущение такое, будто вся постель выпачкана… Кое-как домучилась до рассвета и на пляж… А эта проспала до обеда, натрахалась, сучка. Я зашла переодеться, она лежит, довольная, улыбается.

Я говорю:

— Ты хоть зубы почисть!

— А что, — отвечает, — чем тебе не нравятся мои зубы? Или у меня изо рта пахнет?

— Пахнет, — говорю, — не то слово! Вся комната провоняла.

А она улыбается.

— Я помню, — говорит, — как ты меня вчера целовала. Иди, еще поцелуемся.

— Нет уж, — говорю, — спасибо. Я свой рот не на помойке нашла…

Она обиделась. Помню, неделю не разговаривали. Потом, правда, помирились.

Я, конечно, чистюлей была жуткой. Спасибо маман. Чтобы эту их мужскую штучку целовать — ни за что! Табу, нельзя, запрещено… Пересиливала долго себя, все никак не могла. Фильмы, конечно, смотрела разные и, в общем-то, все знала, но это было не для меня. А потом с художником познакомилась, у Грачевой Нинки, кажется, на дне рождения, да точно, в ресторане, еще тогда музыканты ходили между столиков и пели неаполитанские песни… Как его звали? Вот память… Леонид! Чернявенький такой, весь в кудряшках, волосы длинные. Он меня проводил домой и телефон взял. А потом позвонил, и пригласил его картины смотреть. Я пошла. Он говорил выставка, а никого не было, только я одна. А он мне рассказывал о своем новом направлении, которое он сам выдумал. У него все картины нарисованы звездами, а направление называлось звездизм. То есть, натурально, и портреты звездами, и пейзажи. Маленькие звездочки, большие, восьмиконечные, пятиконечные, разные… Помню портрет его мамы звездами, в таких лиловых тонах, она сидит на стуле и руки на коленях сложены, а глаза грустные и светлые… Вот, и я как-то расслабилась, так хорошо стало, спокойно, мягкий диван, полумрак, легкая музыка, курильница с жасминовым маслом, коньяк… А он мне говорил о своем звездизме, о картинах, о выставках, о том, что скоро-скоро прославится и станет великим, и все руку мне целовал, потом колени, а потом я почти случайно немного юбку приподняла и он дальше стал целовать, а я глаза закрыла и откинулась на подушки… А когда очнулась, мне тоже захотелось это сделать, сама джинсы ему расстегнула, а там все оттопырилось… Очень смешно! А он обиделся. Покраснел весь как мак, говорит, что это для мужчины не главное. А я совсем не из-за этого, просто смешно стало, как у него все оттопырилось, а он стоял с таким напряженным и глупым лицом, даже испуганным, как будто боялся, что все кончится слишком быстро… У меня был такой случай. Потом, спустя год. Мне уже тридцатник стукнуло, ухаживал за мной один мужчинка, цветы дарил, звонил, стихи читал по телефону, потом пригласил на выходные в дом отдыха, к нему ж нельзя было, он мамы стеснялся. Он даже раздеться при свете стеснялся, вообще очень стеснительный был. Свет погасили, я легла, он что-то копался долго, в ванную бегал, потом прыгнул ко мне, я чувствую, он дрожит, как девственник, целует меня, руками шарит, потом рванулся, дернулся и затих… После вскочил и в ванную побежал. Я рукой провела, простынь влажная. А он вышел из ванной, в глаза мне боится посмотреть. А я улыбаюсь ему, говорю: это просто от того, что ты меня очень хочешь. И мы с ним тогда до утра про поэзию говорили. Больше, правда, я с ним не

ездила.

А с тем художником, с Леонидом, мы встречались месяца два, наверное. Но у него действительно был очень маленький, и, в общем, он был в этом деле ниже среднего. И все про свои картины мне говорил, как он это сделает, да какие у него задумки, да подходы, да холсты, да краски, да то, да се, и больше ни о чем. Обо мне ни словом!.. Как будто в мире только он есть и его картины, а меня нет… Он даже мой портрет не написал, а я ему предлагала позировать, даже без одежды, а он ответил, что у него сейчас такой творческий период, его пейзажи влекут… Ну и как-то плавно расстались… И он не звонил, и я не навязывалась. Можно подумать, я всю жизнь собиралась ему краски замешивать и восхищаться его гениальностью. Вот еще!..

А потом подруга позвонила. Говорит, в Свято-Данилов монастырь привезли мощи преподобной Марфы. Пойдем, говорит, поклонимся, попросим мужей хороших. Пошли просить. А там народу! Вдоль ограды в три ряда, в воротах не протолкнуться, стояли часов пять, пока дошли. И тоже летом, жарища, еле на ногах держимся, люди причитают, ладаном пахнет, шорохи, полумрак, такая обстановка, у нас слезы текут сами собой, на коленях припадаем к мощам, рыдаем!.. Жуть! Мужей просим… Потом вышли, еле отдышались, я два дня больная ходила, как не в себе была… Ну и что? Мужиков вокруг полно, а мужей хороших нет. Через год встретились с ней в метро, она все не замужем, говорит, вообще никого нет, а я думаю, отомщу тебе за то стояние…

— А я, — говорю, — замужем. Муж — дипломат, доктор наук, профессор, в общем, вру напропалую.

А она спрашивает, с тайной надеждой, сучка:

— Старый небось?

Я думаю, а вот и фиг тебе.

— Нет, какой старый, всего на десять лет меня старше. Но не пьет совсем, не курит, свежий как огурчик, спортом занимается, мы с ним вместе в фитнес ходим, тренажеры, бадминтон, велоспорт… по заграницам мотаемся на симпозиумы, я у него навроде личного секретаря…

Я как про заграницу начала врать, так у нее слезы прямо брызнули. Обняла меня и шепчет:

— Повезло тебе, как повезло. Как я за тебя счастлива, как рада, — и целует, и плачет.

А я думаю, ври больше, рада ты, как же, верю я тебе, вот еще… От зависти, небось, теперь повесишься. А у меня вдруг у самой слезы потекли.

— Спасибо, — говорю, — милая. Это мне Бог дал. И тебе Бог даст… — и реву.

Поцеловались на прощанье. Вышла она из вагона, а я дальше поехала. И так до самого дома проплакала. Все никак остановиться не могла, так расчувствовалась.

А потом этого встретила, у Зинки, кажется, на юбилее. Дело к сороковнику близится, а я все не замужем! Думаю, надо брать быка за жабры. Сколько можно? Так до седых волос будешь с душем развлекаться… Выбрала поприятнее. Думала, этот достоин! В банке служит аналитиком, значит, вроде должен быть с деньгами. Не женат, пятый десяток пошел, детей нет, вроде здоровый, думаю, беру, заверните… И начала его обрабатывать, телефон его у Зинки выпросила, сама позвонила, пригласила в ресторан, а я заметила еще тогда в первую встречу, что он пожрать любит, да все мужики одинаковы… Вот сидим, я за карпом в сладком соусе сообщаю ему, как бы между прочим, о том, как я люблю готовить, и как мне нравятся театры, и живопись, благо дело нахваталась от Леонида, и про поэзию ему заливаю, это я от другого почерпнула, от скорострельщика, и о том, что мама это главное в жизни, не дай Бог про будущую свекровь дурно отозваться, все дело испортишь, мужики очень мамочек своих почитают… Ну вот. Он уши и развесил…

— Вы, — говорит, — настоящий клад! Я таких женщин нигде еще не встречал.

Я отвечаю загадочно, со вздохом:

— Ничего удивительного. Ведь я такая единственная, — и ресничками хлоп-хлоп. Сразила его наповал. Бац-бац, и в яблочко.

Потом он меня в театр повел. Встречаться начали. Ну и переехал ко мне. От мамы. Год жили, притирались. Хлопот, конечно, прибавилось: готовка, уборка, стирка, все на мне… А потом я думаю: пора подсекать, а то сорвется. Тут резко нельзя, надо чтобы втянулся… Тем более, если до сорока не женился, значит, клюет робко… А его уже сильно затянуло, крючок в самое брюхо заглотил. Я и завтраки ему в постель, и обеды на службу и ужины… Мамаша-то его так, небось, не охаживала. Наконец, говорю ему:

— Давай колечки купим.

Он насторожился:

— Зачем это?

— Ну так, как будто мы женаты…

Купили. А потом как-то раз предлагаю ему:

— Женись на мне…

А он:

— Зачем? Это все предрассудки. Штамп в паспорте ничего не решает.

Тут пришлось применить психологию:

— Решает, — говорю, — про женщину говорят: одинокая, а про мужчину: свободный. Ты не думай, ничего и не изменится, просто мне будет спокойнее, когда ты будешь не сожителем, а мужем.

Он говорит:

— Это все глупости. Это совершенно все равно.

А я:

— Ну раз все равно, то и женись…

Тут он джентльмена стал изображать из себя:

— Хорошо, — говорит, — я готов, чтобы сделать тебе приятное, пожалуйста…

Это он мне сделает приятное! А я сколько старалась, приятное ему целый год делала? Нет, милый. За стол, да за свадебку. Чего тебе еще надо? И кормят, и обстирывают, и спать кладут… Где еще такую найдешь? Словом, пошли, расписались. Скромно все. Без помпы. Это молодые дуры принцессами наряжаются и букетики швыряют, а я в этих рюшечках буду как пугало смотреться… Вот, скажут, дурища! Да и денег жаль… Подруг никого не звала. Обзавидуются… Недаром говорят, самый страшный враг — лучшая подруга. Не успеешь оглянуться, мужа в постель затянет.

А я уже проголодалась… Этот все играет. Попрыгунчик. Жена умирает с голоду, а ему и дела нет. Что там у нас осталось в сумке? Ага! Персик. Ну, милый, извини… Ты ведь не будешь сердиться, если жена твой персик съест? А ты про него и забыл? Очень хорошо… А вон он идет. Наигрался.

— Мурзик!.. Выиграл? Ничья? Идешь купаться? Вспотел? Сразу в воду не заходи. Обсохни сначала, а то заболеешь… — Мужики как дети. Скажешь: не пей отсюда — пьют. Скажешь: это не ешь — едят. Скажешь: не делай так — обязательно так и сделают. А потом удивляются. А я перестала спорить, пусть поступает, как хочет, зато вся ответственность на нем, сам и виноват, себя и обвиняй. А вот и он.

— Что? Уже? Окунулся и назад? Проголодался? Персик? Дорогой, я его съела… Как твой? Разве тебе жалко? Почему это я съела все персики? Ну так пойди, купи еще…

Если бы я знала, что тебе жаль для меня персика, я бы не стала есть. Такое впечатление, будто это последний персик на свете… Ну что ты кипятишься? Ну хорошо, я сама куплю тебе персик, хорошо, два. Не в этом дело? А в чем? Да, я хочу знать… Я? Да как у тебя язык повернулся? После пяти лет! Нечего сказать, хороший подарочек на годовщину свадьбы… Спасибо, не ожидала… Нет, зачем же? Не надо мне помогать! Уйди я сказала!.. Извинить? За что? Ты ничего такого не сделал, просто наплевал в душу и все. Да! А ты думал?.. Тебе это будет очень дорого стоить… Нет, свои вещи я понесу сама. Да как ты мог? Вечером в ресторан? Скажи, что ты меня любишь. Ну, хорошо, неси… Ты так обидел меня, дорогой, больше этого не делай… Ну ладно, ладно, я не сержусь, мой котик, поцелуй меня, вот так…

Борис Илюхин
Сонеты
Высокомерный сонет
Ивану Бунину

На мраморной скале за облаками
Наставник мой, философ и поэт,
Для неофитов начертал завет,
Стихами испещрив бесстрастный камень.
Пусть будет незамеченным веками
Моих высоких устремлений след,
Как нисходящий долу горний свет
В чаду лампад не видим дураками.
Восшедший, ты достоин высоты!
Пусть будешь в одиночестве здесь ты,
Но станешь выше праздных нареканий.
Иному за всю жизнь не пережить
Того, что ты умеешь изъяснить
Четырнадцатью чёткими строками.
«Творец, хоть и бессущен, может быть…»
Лиде Лутковой

Творец, хоть и бессущен, может быть,
Как мы, свои заботы чтёт рутиной,
Бессмертье напролёт, как миг единый,
Из атомов свивая жизни нить.
Вот и поэт – нет, чтобы просто жить
Коль с бытием ты связан пуповиной,
Противу правил, вздорно, без повинной
Всё тщится мирозданье сотворить.
Задумано ли эдак от начал,
А не от невниманья к мелочам,
Но в мирозданье завелись поэты.
И ну себе творить на все лады,
Да своевольно так, что жди беды,
Того гляди – Творца сживут со свету.
«В канву творения, в основу всех наук…»
Юрию Нугманову

В канву творения, в основу всех наук
В величественном гимне созиданья
Прообразом восторгов и страданья
Вплетён Предвечным изначальный звук.
Как отраженье всех блаженств, всех мук,
Как всех мечтаний грешных упованье,
Связующие нити мирозданья
Перебирают пальцы лёгких рук.
Всё бытие на шесть певучих жил
В единственной гармонии навито
И вверено взыскующим рукам.
Чтоб музыкант явился и открыл
Всем чудо, что в душе гитары скрыто,
И подарил непосвящённым нам.
Поэт
В безвременье, где вечность и покой,
Где разумом судьбы не омрачим мы,
Где зреют меж блаженством и тоской

Безмолвной прозорливости причины,
Текут неиссякаемой рекой
Непознанных значений величины,
А некто изъяснит одной строкой
Весь смысл, до сей поры неизречимый.
Он источает изначальный звук,
Предвосхищая речь волшбой метафор,
И чувствам нарекает имена.
Не пачкая о глину пальцев рук,
Он бытия неистощимый автор
В назначенные им же времена.
Ираида Сычева
Стеклянная любовь
Деревянная перегородка кухонного буфета разделяла два мира посуды. По давно установленному хозяйкой порядку в нижнем отделении были выставлены предметы ежедневного пользования, наверху хранился праздничный сервиз. Два мира практически не соприкасались друг с другом, да и на столе встречались редко. Впрочем, так как обеденный стол находился вблизи буфета, с полок открывался отличный вид на то, что происходило внизу.

И вот однажды, на один знаменательный праздник, подарили хозяйке удивительную кружечку с блюдцем. Да такую, что краше ее во всем буфете не было. Счастливая хозяйка в восторге от такого подарка поместила ее среди сервиза на самое видное место. Кружечка от всеобщего и пристального к ней внимания со стороны соседей, и так напоминающая дивный цветок на клумбе, расцвела еще больше.

И вот стоит она на полке прекрасная, как будто никого не замечает, но чувствует, что среди любопытствующих взглядов один сильнее остальных. Обернулась она и видит бокал хрустальный, да такой высокий и статный, что глаз не оторвать. Засмущалась кружечка, отвернулась, а сама уже словно не в своем блюдце, так и тянет посмотреть на него снова. И началась с этого времени между кружечкой и бокалом любовь неосязаемая. Бокал на кружечку смотрит и словно сладким вином наполняется, а кружечка крутится, вертится, с какой бы стороны себя лучше показать, да на красавца такого наглядеться. И век бы им так друг на друга любоваться, но случилось с ними непредвиденное. Хозяйка, любившая пить из новой кружечки утром, днем и вечером, решила, что убирать ее каждый день на верхнюю полку не стоит. Тянуться высоко, а снизу брать куда проворнее. И наступили для кружечки и бокала мучительные времена. Лишь издали, пока кружечка на обеденном столе с чаем стоит, перебрасываются они влюбленными взглядами.

Так прошел день, другой, неделя, вторая, и решила хозяйка гостей созвать. Накрыла красиво стол, сервиз достала праздничный, бокалы хрустальные, блюда расставила одно другого изысканнее. Смотрит кружечка с полки на друга милого и думает, до чего хорош он среди этого блеска, словно кавалер на балу у королевы.

Но вот пришли гости, расселись, и потекла застольная беседа. Хозяйка суетится, за всеми разом ухаживает, угодить пытается, а довольные гости за ее здоровье бокалы поднимают. Сидят за столом час, два, третий пошел, и веселее как-то стало и разговор шумнее. И вскочил вдруг один из гостей порывисто, доброе слово хозяйке сказать, но не рассчитал своих движений и задел случайно рукой бокал соседа, да так, что бокал тут же об пол вдребезги и разбился. Перехватило у кружечки дыхание, затрескалось внутри что-то, перед глазами все поплыло, смотрит она вниз и поверить не может. Но решилась она мгновенно, оттолкнулась от полки, неслучайно будто ее хозяйка почти у самого края поставила, и бросилась за возлюбленным. Разлетелись осколки в разные стороны, и остались от былой ее красоты одни воспоминания. Ахнула хозяйка в ужасе, но что теперь сделаешь? Подмела она пол, собрала все в совочек и в уголок поставила, не посмела рука выбросить. «Разойдутся гости, – решила хозяйка, – тогда и уберу куда-нибудь».

Посидели еще часок за столом, смеркаться стало. Тут все по одному и засобирались по домам. Закрыла хозяйка за последним гостем дверь и вернулась на кухню порядок наводить. Но только зашла, как тут же вспомнила про потерю свою горькую. Подошла в уголок, посмотрела на милые осколки, вздохнула, погоревала чуток, подумала, взяла совочек и вышла на улицу. Вырыла она ямку чуть поодаль от дома, высыпала туда осколки, засыпала землей, еще раз вздохнула с грустью и ушла.

Легла она спать, а ночью вдруг услыхала: за окном порывистый ветер листья колышет. Открыла глаза, а по всей комнате огоньки играют. Подошла она тихонечко,

отодвинула занавеску, а там чудо дивное, на пустом месте раскинулось дерево красоты невиданной. Пригляделась хозяйка и видит, что на дереве цветы распустились, ну точь-в-точь такие же, как на кружечке. А цветы нежные, но прозрачные, будто хрустальные. Луна дерево освещает, а цветочки яркий свет отражают, и весь дом хозяйкин разноцветными лучиками украшают. Вышла хозяйка на улицу, подошла к дереву, потянулась, чтобы один цветочек сорвать, а он сам к ней в руки и свалился. Удивилась она, стала цветок рассматривать, а вблизи он еще прекраснее. И тепло от него такое родное и знакомое, словно вновь она свою любимую кружечку с горячим чаем держит. Присмотрелась хозяйка к тому месту, куда осколки вечером закопала, и догадалась откуда дерево выросло, вспомнила, как бокал хрустальный разбился, а за ним чашечка с полки упала. Умилилась тогда хозяйка любви их стеклянной. А листочки на дереве кружатся от ветра и само дерево словно танцует от счастья.

С тех пор дерево, на радость хозяйке, каждый день и каждую ночь, переливаясь в солнечном и лунном свете, источало любовь и нежность. Постепенно, согретый теплотой одного дерева, во дворе хозяйки раскинулся удивительной красоты душистый сад. Его неземной аромат окутывал всю округу, и к хозяйке все чаще стали приходить гости. Прогуливаясь по саду, они, сами наполнялись любовью и добротой друг к другу.

Так, казалось бы, печальная потеря хрустального бокала и кружечки обернулась для многих чудом пробуждения далеко забытых чувств. И была для всех эта любовь не стеклянная, а самая что ни на есть золотая.

«Бежать навстречу дням, минутам и секундам…»
Бежать навстречу дням, минутам и секундам,
И настежь распахнуть ветрам любви окно,
Вдохнуть надежду, солнца луч игристый,
И выпить жизнь, как терпкое вино.
Дарить тепло, истомы нежность,
И черпать радость сладостных высот.
Парить над городом в час разума забвения,
На скорости промчаться поворот;
Не знать, не ведать страха, лишь улыбкой
Свой путь мечты прокладывать вперёд,
Поверить странным мыслям хоть однажды
И прыгнуть в пропасть, ощутив души полёт.

Дорогой Друг!
Мы открываем новую рубрику – «Дедушкино корневище» и начинаем ее весьма любопытным литературным исследованием всем известной, на первый взгляд, басни. Но какое же отношение, спросите вы, имеет басня «Ворона и Лисица» к современной литературе, тем паче, что автор-то ее не кто иной, как знаменитый дедушка Крылов? Что ж, во-первых, наша поляна – литературная, а жанр басни еще никто не отменял; во-вторых, многознающий исследователь – наш современник; а в-третьих, как сказано, Иван Андреевич Крылов – дедушка русской литературы, а стало быть один из ее корней… А от хорошего корня множество новых чудес произрастает…

Главный редактор
Андрей Кунарев
Мудрость дедушки Крылова, или О чем задумалась Ворона?
Попусту твердится, что к сердцу не ложится.

Пословица
…потому говорю им притчами, что они видя не видят,

и слыша не слышат, и не разумеют.

Мф. 13:15
Я автор, и, сказать вам на ушко, довольно самолюбив…

Крылов – В. А. Олениной. 22 июля 1825 г.
…время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей…

Песн. 2:12
То, что Лисица обведет Ворону вокруг пальца, ясно с самого начала: недаром воронами русский народ с давних пор называет всевозможных ротозеев, растяп,

разинь и зевак (как и тех, кто взял на себя труд этих ворон считать)[1], тогда как лиса прочно ассоциируется с вкрадчивым коварством, хитростью и всякого рода плутнями[2]. И Крылов не обманывает ожиданий читателя, начиная басню с морали, в которой прямо заявляет, чем все дело кончится:

… в сердце льстец всегда[3] отыщет уголок.
Аксиомы, как известно, в доказательствах не нуждаются, и дальнейший рассказ может показаться едва ли не искусственно «приделанным» к открывающей его сентенции. Л. С. Выготский в «Психологии искусства» утверждал даже, что «мораль, которая идет от Эзопа, Федра, Лафонтена, в сущности говоря, совершенно не совпадает с тем басенным рассказом, которому она предпослана у Крылова»[4], и ссылается на свидетельство В. И. Водовозова, указывавшего на то, что «дети, читая эту басню, никак не могли согласиться с ее моралью». Последний обеспокоенно замечал в связи с этим: «Басня „Ворона и Лисица“ изображает ловкость и изворотливость лисы, которая выманивает сыр у глупой вороны. Ее нравственная мысль – показать, как бывает наказан тот, кто поддается на льстивые слова, – урок очень практический и полезный неопытным людям. Но, с другой стороны, искусство льстеца здесь представлено так игриво, что нисколько не видно гнусности лжи. Лисица чуть ли не была права, обманывая ворону, которой вся вина состоит в одной ее глупости: плутовка забавляет вас своею хитростью, и вы не чувствуете к ней ни малейшего презрения. Здесь смех, возбуждаемый глупой вороной, в ином случае был бы не совсем нравствен. Если над ней посмеется ребенок, сам наклонный ко лжи и лукавству, то цель басни вряд ли будет достигнута»[5].

В суждении известного педагога XIX века, пожалуй, можно уловить нотки сетований Загорецкого:

… ох! басни – смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.
Знаменитая Ворона, что ни говори, – тоже «царь-птица», хоть и возведена в высокий сан лишь на словах! Разумеется, в намерения одного из родоначальников отечественной методики преподавания литературы ни в коей мере не входила идейная поддержка лгунишки и доносчика из грибоедовской комедии. Однако, следуя его логике, приходится заключить, что басня «Ворона и Лисица» потенциально вредна[6]: «дедушка Крылов», пришив мораль к басне «белыми нитками», допустил явный логический просчет и оказался не очень-то искусным автором. Такого рода просчеты, конечно, встречаются сплошь и рядом, скажем, в ученических сочинениях. Но к моменту создания «Вороны и Лисицы» Крылов был весьма искушенным литератором и давно вышел из школьного возраста. Могут возразить, мол, и на старуху бывает проруха, однако здесь явно не тот случай, поскольку речь идет не об однократной прижизненной публикации произведения (как, например, это имело место с «Горем от ума» А. С. Грибоедова), а о тексте, который поэт не только имел возможность редактировать, но и редактировал[7]. Стало быть, не заметить своего «промаха» Крылов не мог – на худой конец на него могли указать весьма пристрастные ценители и судьи – собратья по «цеху задорному». Только вот ведь какая штука: правка, которой подвергся текст, вовсе не коснулась вступительных строк. Более того: мораль крепко-накрепко спаяна с басенным рассказом рифмой миру//сыру, а это уже безусловный знак того, что поучение, содержащееся в зачине, для автора не менее важно, чем повествовательная часть. В силу этого решительно не могу согласиться с С. А. Фомичевым, считающим, что «басня <…> теряет четкость дидактической ориентации»[8], – речь необходимо вести о том, что дидактизм Крылова напрочь лишен педантического схематизма. Гений последнего нашего баснописца переплавляет плоскую умозрительность в многогранную, глубокую мудрость. Вопрос только в том, насколько точно мы понимаем ее.

Что ж, пора заняться текстом. В первую очередь обратим внимание на неопределенно-личную форму сентенции: «Уж сколько раз твердили миру…». Бесчисленные моралисты бесконечное множество раз на протяжении двух с лишним тысячелетий внушали, «что лесть гнусна, вредна», однако относит ли себя к их числу наш баснописец? Ни утверждать, ни отрицать этого читатель не в состоянии, хотя сама неопределенность указания на действователей предполагает некоторую дистанцированность от них автора: он не собирается подвергать сомнению очевидную истину, однако именно в силу своей очевидности она не нуждается и в какой-либо дополнительной аргументации. Рассказчика, кажется, в гораздо большей степени интересует другое: в чем причины того, что истина «не работает» – не идет впрок?

Заметим, что универсальность ее утверждается предельно обобщенно мыслимым адресатом: мир в данном случае означает не только род человеческий, но и едва ли не всю тварь Божию.

Заданная степень обобщения особенно заметна на фоне более ранних воплощений древнего сюжета. Но это вовсе не значит, что Крылов не учитывал опыта предшественников – скорее наоборот: он не пропустил ничего хоть сколько-нибудь ценного, зацепил своим приметливым глазом, образно говоря, каждое лыко, годное в его строку, приспособил – да так, что читателю с налету и не распознать, что в басне исконно крыловское, а что позаимствовано у «первопроходцев» темы[9]. К слову сказать, рифмой мир//сыр Крылов обязан своему ближайшему по времени предшественнику – графу Д. И. Хвостову, притчу которого «Ворона и сыр» (1802) завершает сентенция Лисицы:

Ворону хвалит мир,
Когда у ней случится сыр[10].
Другое дело, что в крыловском тигле смысл был переплавлен на прямо противоположный: у Хвостова в качестве льстеца выступает весь мир, тогда как у Крылова мир оказывается жертвой корыстных и коварных лицемеров-втируш. И жертвой – увы! – отнюдь не невинной. Заметим, что вселенское, глобальное, обозначенное в первом стихе, неожиданно (впрочем, подобные «неожиданности» и отличают настоящего мастера от дилетанта и ремесленника) соотносится с, на первый взгляд, предельно ничтожной частичкой мироздания – уголком сердца, в который всегда сумеет втереться льстец. И не только соотнесено, но, пожалуй, и уравновешено. Не в этом ли уголке коренится причина того, что обличения, проповеди и увещания оказываются в конечном счете столь неэффективны? И не в него ли метит своей басней Крылов?

Не будем торопиться с выводами – обратим пока внимание на то, что о сердце первым заговорил отнюдь не он, а В. К. Тредиаковский: его Лиска, получив сыр, насмешливо резюмирует:

Всем ты добр, мой Ворон; только ты без сердца мех.
В. Н. Капленко справедливо считает, что «современному рядовому читателю… вовсе непонятно» выражение без сердца мех, означающее ‘шкурка без сердцевины, чучело’[11]. Думаю, однако, суждение современного исследователя требует уточнения. Дело в том, что «Словарь Академии Российской» (далее – САР4) содержит любопытное и уж точно неизвестное современному читателю значение существительного сердце – ‘мысль, помышление’[12] (соответственно и прилагательное безсердечный – ‘глупый’[13]). Таким образом, Тредиаковский имеет в виду глупость, незадачливость Ворона, попавшегося на удочку хитрой Лисицы. Собственно, первый перелагатель античного сюжета на русский язык шел вослед Эзопу и его публикаторам-переписчикам, сопровождавших текст басни примечанием: «Басня уместна против человека неразумного». Именно неразумность Ворона высмеивают – кто напрямую, как, скажем, Федр, Игнатий Диакон, Лафонтен и Херасков, а кто намеком, обиняком (Сумароков, Хвостов) – и другие предшественники Крылова[14]. Кажется, именно в этом ключе рассуждал и В. И. Водовозов: «…вся вина <Вороны> состоит в одной ее глупости», – а вслед за ним и Л. С. Выготский: «…ворона <…> изображена такой глупой, что у читателя создается впечатление совершенно обратное тому, которое подготовила мораль»[15].

Но глупость, как известно, – не порок, а свойство, ее невозможно ни исправить, ни излечить, и в силу этого она сама по себе уже наказание[16] – что ж усугублять страдания убогого существа, издеваясь над ним и выставляя на всеобщее посмеяние! Не по-людски как-то: Ворону пожалеть бы, а мошенницу – к позорному столбу… Но – не получается! Потому что интуитивно мы понимаем, что крыловская Ворона наказана вовсе не за природную глупость – недаром же плачевный (для нее) финал в известном смысле можно квалифицировать как «горе от ума», то, что выражено пословицей «на всякого мудреца довольно простоты»: дураки не думают и именно этим отличаются от тех, кто разумом наделен, – наша же героиня позадумалась и… проворонила свой завтрак! Оказывается, крыловская Ворона – «с сердцем мех» во всех значениях слова сердце, т. е. не лишена ни чувствительности (на бесчувственную тварь никакая лесть не подействует!), ни ума. Во всяком случае Крылов не торопится, а точнее, не склонен обвинять свою героиню в глупости.

«На фоне естественных действий Вороны, ее желания позавтракать внутреннее действие призадумалась (sic!) выглядит комично, нелепо, – замечает в связи с

этим В. Н. Капленко. – Содержание ее „дум“ неизвестно и, должно быть, не стоит внимания» (курсив авт. – А. К)[17]. На мой взгляд, это заключение страдает излишней категоричностью, а потому едва ли может быть признано справедливым. В первую очередь замечу, что собраться вовсе не значит желать. Комичным и нелепым поведение героини выглядит в первую очередь потому, что завтрак требует целого ряда подготовительных «мероприятий»: для начала надо взгромоздиться на ель, затем собраться (вознамериться) позавтракать. Крылов, как сейчас сказали бы, дает эту картину в «режиме реального времени»:

На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсем уж собралась…
«Задумчивость» героини оказывается совершенно неожиданным результатом этих предварительных – и очень немалых! – усилий. Для читателя. А вот Крылов, кажется, именно к этому и вел: образ позадумавшейся вороны – гениальная находка великого баснописца. Только у него мы находим эту характеристическую деталь, в силу которой его героиня на фоне предшественниц выглядит, прошу прощения за каламбур, белой вороной. Конечно же, уже сам вид впавшей в задумчивость Вороны не может не вызвать смеха[18], однако достижение чисто внешнего комического эффекта – мелковатая задача для поэта такого уровня, как Крылов. Смею утверждать, что содержание дум осчастливленной Вороны не только стоит пристального внимания, но и имеет исключительно важное значение для понимания смысла басни.

Мыслями, посетившими вещуньину голову в столь, как оказалось, неподходящий момент, мы займемся немного погодя – определив, как Ворона стала счастливым обладателем кусочка сыра, ибо причина ее неожиданной задумчивости, как кажется, каким-то образом связана с даром небес. Предшественники Крылова выставляли своих падких на лесть разинь нечистыми на руку (виноват, лапу, точнее – клюв):

Однажды ворон своровал с окошка сыр…[19]
(Федр, I в. н. э.)
Негде ворону унесть сыра часть случилось…
(В. К. Тредиаковский, 1752)
Ворона негде сыр украла
И с ним везде летала…
(М. М. Херасков, 1764)
И птицы держатся людского ремесла.
Ворона сыру кус когда-то унесла…
(А. П. Сумароков, 1781)
Однажды после пира
Ворона унесла остаток малый сыра,
С добычею в губах не медля на кусток
Ореховый присела.
(Д. И. Хвостов, 1802)
«Сумароков <…> удачно заменяет Ворона вороной, тем самым существенно меняя сам регистр притчевого рассказа: по Эзопу, хитрая лиса обманула мудрого ворона – по Сумарокову, – разиню-ворону, – пишет в связи с этим С. А. Фомичев. – Так подготавливается гениальная крыловская строка <…>: „Вороне где-то Бог послал кусочек сыру…“ Здесь – бездна пространства. В самом деле, Вороне <…> оказал помощь… сам Бог, но сколь ничтожен Божий дар – всего кусочек сыра. „Чем Бог послал“, – обычно говорит хозяин, угощая гостя. Но у Крылова здесь вполне очевидный иронический парафраз: каждому же ясно, что Ворона где-то сыр украла[20] <следуют ссылки на тексты Тредиаковского и Сумарокова. – А. К.>. Так подготавливается изначально неожиданный, но закономерный финал басни: вор (плутовка) у вора (разини) украл» (курсив авт. – А. К.)[21].

Боюсь, у Крылова дело обстоит несколько иначе. Для начала отмечу, что в это построение, видимо, вкралась хронологическая неточность. Пальму первенства в деле обращения Ворона в Ворону принадлежит скорее всего М. М. Хераскову: его «Ворона и Лисица» была опубликована в 1756 г.[22]. Впрочем, это не меняет сути дела: если Ворона «ускромила» кусочек сыру, то и поделом ей. Но тогда мораль в том виде, в каком ее дал Крылов, тем более не нужна – точнее, звучать она должна была бы примерно так: уж сколько раз твердили миру, что воровать – грех и на хитрого вора всегда найдется еще более хитрый. Или так: умеешь воровать – умей ворованное удержать, бди, ибо есть и вороватее тебя, а вообще в мире вор на воре и вором погоняет… Твердить такому миру какие-то истины и впрямь бесполезно, все будет не впрок – «есть от чего в отчаянье прийти»!..

Кроме того, поговорке «вор у вора дубинку украл» в значительно большей степени соответствует другая басня Крылова – «Купец» (1830), которую завершает такая мораль:

Почти у всех во всем один расчет:
Кого кто лучше проведет,
И кто кого хитрей обманет.
Тем не менее, определенное типологическое (и даже лексическое) сходство «Купца» и «Вороны и Лисицы» действительно существует – в своем месте мы обсудим этот вопрос подробнее.

Вернемся к рассуждениям С. А. Фомичева. В них нельзя не заметить неувязки, а именно определения финала басни как «изначально неожиданного». Что неожиданного в том, о чем совершенно недвусмысленно твердили буквально все предшественники Крылова[23]? Чем же в таком случае великий баснописец от них отличается? Неужели только «жучками в епанечках»? Напомню, что последние, по объяснению Г. Р. Державина, есть «посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом», и тем самым «делают красоту сочинения»[24]. Короче говоря, неужели поэт, внуком которого ощущает себя многомиллионный народ, отличен от прочих виршеписцев лишь своим слогом? Спору нет, неповторимость стиля, так сказать, свой голос – уже немало, и без «лица необщего выраженья» истинный художник непредставим. И все же нельзя забывать, что «свой голос» имеет и Ворона. А вот со своей неповторимой, «непосредственной» мыслью у нее незадача. Думаю, стоит прислушаться к безусловно справедливой оценке С. А. Фомичева зачина крыловской басни и без предвзятости постараться вникнуть в «бездну пространства» (Н. В. Гоголь) ее смысла.

Естественность, непринужденность (или, если воспользоваться пушкинским словцом, небрежность), с которой Крылов ведет свое повествование, настолько подкупает, что читатель (слушатель) попросту не замечает одной, назовем это так, странности, которая, однако, отчетливо видна на фоне ранней версии стиха 6-го:

Первая публикация (1808 г.)

Сбиралась уж клевать кусочек свой сырку
Окончательная редакция

Позавтракать-было совсем уж собралась
Для полноты картины стоит привести рукописные варианты этого стиха:

За сыр было уже Ворона принялась
За завтрак уж было Ворона принялась
Очевидно, что поэт стремился к наиболее адекватному обозначению действий персонажа, причем наименее удачным со всех точек зрения следует признать промежуточную версию, представленную в «Драматическом вестнике» 1808 г.: «кусочек сырку» можно съесть, проглотить, слопать и т. п., но не клевать, т. е. долбить, щипать клювом, – что там долбить? Понятно, почему не прошли и рукописные варианты: глагол принялась предполагает начало более-менее длительной трапезы, кусочка для которой явно маловато, если, конечно, не предположить в Вороне наклонности к гурманству. Заметим, однако, что во втором по счету черновом варианте уже довольно явственно проступают очертания окончательной редакции.

Обратим внимание и на то, что из стиха исчезает сыр: важен оказывается не объект действия, а само действие, процесс, в процессе же не столько его содержание (поедание, насыщение), а его, так сказать, «ритуальность», включенность в определенный распорядок. Поясню, что я имею в виду. Существительное завтрак и производный от него глагол позавтракать не только обозначают утренний прием пищи, но и предполагают существование других содержательно подобных действий, а именно полдника, обеда и ужина. Посланный кусочек сыра – не добыча[25], пожива, трофей, хабар и т. п.д.е. нечто такое, что требует маломальского труда, ловкости, смекалки и пр., но самый что ни на есть обыкновенный завтрак. Только учитывая эту коннотацию, можно объяснить на первый взгляд невероятно странное поведение Вороны: она вовсе не спешит съесть посланную небесами пищу.

В чем же причина неторопливости этой птички Божией? Полагаю, в том, что, во-первых, она… сыта: минувшим днем и завтракала, и обедала, и уж, вне всякого сомнения, ужинала, причем настолько плотно, что не успела нагулять зверского аппетита – во рту оголодавшей Вороны кусочек сыра не задержался бы ни на

мгновение, тут и думать нечего[26]! А во-вторых, крыловская вещунья, очевидно, не отличается особой стройностью и худощавостью и в буквальном смысле тяжела на подъем, ибо взгромождается, т. е. потихоньку, шаг за шагом, с трудом взбирается пешком[27] – не взлетает! – на ель[28].

Но как тогда быть с происхождением завтрака – кусочка сыра? Как понимать формулу Бог послал? Р. С. Кимягарова рассматривает это выражение как иносказание со значением ‘о том, что есть, имеется’[29] – и приводит еще один случай использования Крыловым этой конструкции в басне «Купец»: «Бог олушка послал», – этими словами купец резюмирует свой рассказ о том, что ему удалось сбыть с рук гнилое сукно простофиле-покупателю, который, однако, как выясняется позже, в свою очередь обманул мошенника, всучив тому фальшивую «сотняжку». Совершенно очевидно, что по крайней мере в этом случае выражение Бог послал невозможно истолковать предложенным современным лексикографом образом. Вместе с тем заметим, что в обоих случаях – и в «Вороне и Лисице», и в «Купце» – фразеологизм маркирует ситуацию, которую можно квалифицировать как плутня, обман, надувательство и т. п.

С. А. Фомичев, склонный видеть в зачине крыловской басни «вполне очевидный иронический парафраз» фразеологизма «чем Бог послал»: «каждому же ясно, что Ворона где-то сыр украла», – кажется, ближе к истине. От безоговорочного согласия с мнением авторитетного исследователя меня удерживает лишь два взаимосвязанных соображения.

Первое: что, если мы имеем дело вовсе не с фразеологизмом или иносказанием? Что, если все надо понимать прямо, без экивоков, буквально – т. е. Крылов ведет речь не о том, что Вороне посчастливилось, выпала удача, повезло, подфартило и т. п., а о том, что Бог действительно послал ей на завтрак кусочек сыру – так же, как посылал хлеб насущный и раньше: вчера, третьего дня, неделю, месяц назад и т. д. – всегда? Разве не об этом совершенно недвусмысленно сказано в Писании: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6:26)? Святой евангелист Лука эту же мысль выразил еще более подходящим к нашему случаю образом: «Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их» (Лк. 12:24)[30]. Конечно, ворон и ворона – не одно и то же[31], но столь уж существенна разница? Ведь и тот, и та – «птицы небесные» и пищу свою получают на вполне законных основаниях!

И второе: то, что Ворона где-то сыр украла, ясно многим, положим даже, подавляющему большинству, в том числе и мне, но – не каждому! Кто-то – пусть он будет представлен всего лишь одним голосом! – с этим точно не согласится. Думаю, читателю ясно, что этот кто-то – сама Ворона.

Приглядимся к первой строке басенного рассказа:

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру…
Сказано и впрямь гениально: останься от всей басни только этот эпически размашистый стих[32], по нему, как по апеллесовой черте, сразу распознали бы руку мастера…[33] Впрочем, оставим оценки критикам – займемся смыслом. Предшественники Крылова делали Ворону (Ворона) активным субъектом действия (примеры см. выше) – Крылов превращает ее в пассивного получателя благ, однако не все так просто.

Обратим в связи с этим внимание на инверсию в зачине басни. В прямом порядке фраза звучала бы так: Бог послал где-то кусочек сыру Вороне. Можно даже предложить не столь неуклюжую – более «ямбическую» – версию: Господь послал сырку Вороне.

Информационное наполнение (как сейчас принято говорить – контент) сохранилось, а вот смысл совершенно преобразился – лишнее доказательство тому, что в художественном тексте не действуют арифметические правила: от перемены мест слагаемых сумма меняется, да еще как! При прямом порядке слов субъект действия – Бог (Господь) – стоит на первом месте, действие соответственно мыслится продолжением субъекта, проявлением его воли. Объекты же действия грамматически дистанцированы от субъекта: сначала идет объект прямого воздействия (сыр, прямое дополнение) и только затем – объект-адресат (Ворона, косвенное дополнение). По сути происходящего Ворона должна занимать последнее, периферийное место, но стоит на первом, главном. Невольно вспоминается в связи с этим: «Так будут

последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 20:16) – последняя оказалась первой, избранной, единственной достойной! И едва ли при этом действователь – Бог – не превращается в инструмент, средство, нечто второстепенное по отношению к адресату – то, что существует лишь для того, чтобы у кого-то ежедневно было набито брюхо! Разделяющее объект и действователя обстоятельство места, выраженное неопределенным наречием где-то, кажется, увеличивает дистанцию между ними и в еще большей степени размывает образ действователя. В этом легко убедиться, просто опустив обстоятельство – вольный ямб допускает подобный эксперимент:

Вороне Бог послал кусочек сыру…
Очевидно, что подобное строение в значительной степени нивелирует энергию инверсии, заставляя при чтении акцентировать вторую стопу, тем самым переводя Бога на соответствующее ему главное место.

Подчеркну, однако, что в таком свете происходящее видится отнюдь не рассказчику – он-то едва ли не самоустраняется (и практически ничем не выдает своего присутствия[34]), как бы предоставляя ситуации возможность развиваться в направлении, заданном ей самим персонажем. Здесь имеет смысл вновь обратиться к басне «Купец» – в ней фразеологизм Бог послал, вложенный в уста пройдохи, естественно, служит средством характеристики персонажа, который мыслит о Творце исключительно как о подручном, сообщнике в мошенничестве. Причем в рукописи эта мысль звучала более отчетливо по сравнению с окончательным вариантом:

Сам Бог послал мне олушка.
Вместе с тем в обоих – рукописной и печатной – редакциях сохраняется прозрачная фоновая апелляция к фразеологизму олух Царя Небесного: кого же еще мог послать Бог к обманщику, как не Своего олуха! Нельзя в связи с этим не отметить и перекличку с «Вороной и Лисицей»: плутовка недаром предполагает наличие ангельского голоска у обладательницы кусочка сыра. В САР4 словосочетанию посвящена отдельная статья: «Когда говорится о голосе, значит сладостный, весьма приятный, пленяющий, в восторг приводящий. Ангельский голос. Он поет Ангельским голосом» (курсив источника. – А. К.)[35]. Однако, как известно, в переводе с греческого ангел значит ‘вестник’. При этом как основное значение дается следующее: «В священном писании чрез Ангела разумеется существо духовное, умное, первое в достоинстве между тварей»[36]. Думаю, что исключать апелляцию к первичной семантике и учитывать только переносное значение прилагательного ангельский, как это делает Р. С. Кимягарова[37], не вполне корректно: постоянное балансирование на грани прямого и переносного смыслов – важнейший принцип крыловской поэтики. Впрочем, не будем забегать вперед. Пока еще раз подчеркну: поскольку И. А. Крылов рассматривал свои «Басни в девяти книгах» как целостный текст, можно практически утверждать, что выражение Бог послал в обоих случаях («Ворона и Лисица» и «Купец») соотносится со сферой ощущений и оценок персонажей, а не рассказчика.

Важно заметить, что приведенная только что цитата из Писания снабжена в Евангелии от Луки своего рода корректирующим разъяснением: «… когда зван будешь <на брак>, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 14:10–11). Наша «избранная» героиня, «первая в достоинстве между тварей», как раз возвышает – взгромождает – себя сама (в ранней редакции «возвышение» было обозначено напрямую: «На дерево повыше взгромоздясь») и в результате оказывается униженной[38], тогда как унижающая себя лестью Лисица «возвышается», унося с собой знак высоты и избранности – кусочек сыру… И удалось ей это, потому что плутовка оказалась великолепным психологом и сумела проникнуть в мысли счастливой «держательницы» Божьего дара!

Прежде чем совершить подобное «проникновение» в потаенный уголок сердца несостоявшейся царь-птицы, надо сделать одно немаловажное замечание относительно многострадального глагола, использованного Крыловым для обозначения состояния собравшейся позавтракать героини, – позадумалась. Современному читателю его семантика может показаться совершенно прозрачной, наиболее искушенный, пожалуй, отметит налет разговорности (если не просторечности) или легкий привкус архаичности – редко кто использует его в наши дни[39]. И до такой степени редко, что и в печати, и в устном исполнении его постоянно заменяют более привычным – призадумалась. Более того, составитель «Словаря басен Крылова» ничтоже сумняшеся толкует интересующую нас лексему как ‘задуматься немного, призадуматься’[40],

уравнивая семантику двух разных глаголов и превращая их в синонимы, а тем самым фактически узаконивает подмену одного другим.

А делать этого ни в коем случае нельзя. И не только потому, что волю автора надо уважать, так сказать, из элементарной вежливости, но и потому, что речь идет о поэтическом тексте. Современник Крылова английский поэт С. Т. Кольридж как-то поделился своими «домашними определениями» поэзии и прозы, под которыми подпишется любой одержимый высокой страстью «для звуков жизни не щадить»: «Проза – слова в наилучшем порядке; поэзия – лучшие слова в лучшем порядке»[41]. Русский народ выразил сущность поэтического искусства короче и, пожалуй, не менее точно пословицей из песни слова не выкинешь. Руководствуясь этими соображениями, присмотримся к выбранному Крыловым глаголу.

Для начала необходимо отметить весьма выразительную фонетическую перекличку ПОЗАвтракать – ПОЗАдумалась[42]. Процессы приема пищи и мышления, таким образом, парадоксально сближены – по крайней мере последний оказывается едва ли не следствием первого!.. Тут невольно вспоминается знаменитый монолог Павла Афанасьевича Фамусова, открывающий II действие «Горя от ума»:

Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй – ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Обращает на себя внимание тот факт, что философствование, вызванное гастрономическим воспоминанием (о форелях Прасковьи Федоровны), производит на Фамусова эффект, сходный с тем, что испытала Ворона, наслушавшаяся Лисицыных комплиментов, – головокружение! Но это к слову… Вернемся к предмету нашего обсуждения – глаголу позадумалась. Прозрачность его семантики, о которой я говорил выше, обманчива и отнюдь не сводима к указанному Р. С. Кимягаровой значению. Приставка по- придает глаголу значение начала действия, причем интенсивного, длительного, протяженного во времени, тогда как семантика префикса при- сообщает оттенок незавершенности, так сказать, «половинчатости» и кратковременности действия. По крайней мере именно так трактовали глагол призадуматься составители САР4 в конце XVIII столетия: ‘несколько задуматься’[43].

Итак, наша героиня задумалась не только надолго – в течение этой задумчивости Лисица учуяла, затем увидела сыр, подошла к дереву и приняла решение, как действовать! Но в таком случае – если бы Крылову в первую очередь было важно подчеркнуть длительность паузы – почему бы не использовать соответствующий глагол, например, позамешкалась, да чуть (вдруг) замешкалась (помедлила), слегка замешкалась и т. п.? Замена вполне соответствует ритмическому рисунку. Более того, вольный ямб позволяет вообще обойтись без этого полустишия и тем самым прибавить динамики в сюжет:

Позавтракать-было совсем уж собралась,
А сыр во рту держала.
И будто бы вообще ничего не изменилось! Но это, конечно, не так. Крылову нужна не просто Ворона или медлительная, вялая, нерасторопная Ворона, но Ворона задумавшаяся. К слову сказать, у нашего баснописца всего два «задумчивых» героя – помимо Вороны, это еще Котенок из басни «Котенок и Скворец» (1825), о котором рассказывается:

Вот как-то был в столе Котенок обделен.
Бедняжку голод мучит.
Задумчив бродит он, скучаючи постом;
Поводит ласково хвостом
И жалобно мяучит.
Как видим, задумчивость Котенка сопряжена с довольно-таки неприятными, даже мучительными ощущениями. А может, не только сопряжена? Заглянем в Академический Словарь – все-таки с момента появления на свет «Вороны и Лисицы» прошло с лишком два века, язык в течение столь длительного срока претерпел серьезные изменения, которые могли коснуться и глагола задуматься//задумываться…

Вот толкования – признаюсь, неожиданные – интересующего нас глагола и производных от него лексем:

ЗАДУМЫВАЮСЬ

1) услышав о чем-нибудь неприятном в смущение прихожу, безпокоюсь мыслями;

2) подвержен бываю задумчивости, страдаю задумчивостию[44].

ЗАДУМЧИВЫЙ

1) тот, которой задумывается; подверженный задумчивости;

2) печальный, в печали находящийся[45].

ЗАДУМЧИВО задумавшись, смущенно, печально, или углубись в размышление[46].

ЗАДУМЧИВОСТЬ склонность безпрестанно помнить, мыслить о печали своей, заниматься одним только тем предметом, который дух наш терзает и ничем оскорбительных воображений не разбивает; от котораго горестнаго чувство вания и самая жизнь делается несносною[47].

Что касается «горестнаго чувствования» Котенка, то тут все понятно: его дух терзаем «одним только предметом» – голодом, оттого он и «жалобно мяучит», и «задумчив бродит». Но ведь Ворона-то, по нашему предположению, сыта! Отчего же она смущена, беспокойна, печальна, горюет – словом, отчего самая жизнь сделалась для нее несносною[48]? С чего бы ей так загрустить – ведь «хлеб насущный», т. е. сыр получила? Уж не в ничтожности ли Божьего дара (С. А. Фомичев) корень зла? Сомнительно: дареному коню, как говорится, в зубы не смотрят, да и кому судить о справедливости Провидения? В чем же тогда дело? Думаю, ответ на вопрос следует искать в тексте басни. Вспомним: Крылов показывает Ворону в двух четко противопоставленных состояниях – грусти («позадумалась») и радости («от радости в зобу дыханье сперло»)[49]. Радость заместила печаль! Ну, а радость, как известно, вызвали «приветливы Лисицыны слова»[50], попавшие точнехонько в тот самый уголок сердца, о чем и предупреждал баснописец. Не бестолковость, а гордыня и тщеславие – причина того, что Ворона сначала лишилась разума, а затем и своего завтрака!

Именно в самолюбование метит Крылов, и это подтверждает текст басни. Вдумаемся в «приветливы слова» его плутовки.

Первое же произнесенное ею слово – обращение голубушка – Р. С. Кимягарова толкует как «экспресс. к голубка во 2 знач.», т. е. ‘ласковое обращение к женщине’[51] (все выделено авт. – А. К.). Такое переносное значение было зафиксировано и в С АР4 [52] Согласен: Ворона – не Ворон, т. е. не мужчина, а женщина, точнее, самка. Но правомерно ли нормы человеческого этикета безоговорочно переносить на мир животных? Басня при всей своей аллегоричности (и уж тем более крыловская басня!) сохраняет за зверьем нечто имманентно «звериное». Если проще, то ни в коем случае нельзя забывать о том, что Ворона не только женщина, но и – в первую очередь! – ворона, т. е. птица. Более того, я готов даже допустить, что в устах Лисицы голубушка и впрямь традиционное ласковое обращение к женщине. А в голове вещуньи?

Необходимо заметить: голубушка у Крылова появилась не на пустом месте. В первый раз Ворону назвала голубкой Лиса в басне М. М. Хераскова:

Я б целый день с тобой, голубка, просидела,
Когда бы ты запела…
Совершенно очевидно, что здесь голубка функционирует в роли ласкового обращения к женщине: голуби не поют, а воркуют, и любителей слушать их воркотню целый день сыщется, мягко говоря, не так много. По крайней мере лаврами певческого мастерства человечество с незапамятных времен увенчало соловья – никак не голубя.

С другой стороны, у А. П. Сумарокова встречаем обращение, очень похожее на то, что использовал Крылов:

Дружок, Воронушка, названая сестрица!
То, что Крылов учитывал опыт Сумарокова, никакому сомнению не подлежит – достаточно указать хотя бы на такие лексические заимствования, как светик, носок и сестрица, или почти скопированный стих: «Какие ноженьки, какой носок…» // «Какие перушки! какой носок!». Не прошли мимо внимания Крылова и рифма душа –

хороша // дыша – хороша, и тройное созвучье на – ица: ЛисИЦА – сестрИЦА[53] – птИЦА // сестрИЦА – мастерИЦА – царь-птИЦА. Другое дело, что указанные заимствования преобразились: версификационные и лексические находки Хераскова и Сумарокова, в большей или меньшей степени случайные, под пером Крылова обрели статус обязательности, необходимости – это действительно «лучшие слова в лучшем порядке». Так, обстоятельство чуть дыша «отыграет» в знаменитом стихе «от радости в зобу дыханье сперло» (состояние Вороны пародийно повторяет состояние Лисицы!); тройная же рифма у Крылова на самом деле гораздо сложнее, изощреннее[54]: сеСТРИЦА – маСТеРИЦА – ЦаРь-пТИЦА[55], – а сумароковские ноженьки легко выбраковываются: Лисица видит сыр и… его, так сказать, «рамку» {шейку, глазки, перушки, носок), ничего кроме, какие уж там ноженьки! Впрочем, с портретными чертами Вороны, которых удостаивает своего восхищения Лисица, дело обстоит не так просто – помимо указанной, есть еще одна причина отбора именно этих, а не иных деталей, но об этом мы поговорим немного погодя.

Крылов явно почувствовал психологическую неубедительность и обращения Воронушка: уменьшительно-ласкательный суффикс, пожалуй, не столько смягчает, сколько подчеркивает «воронью сущность» адресата: ворона остается вороной, как ни крути. А вот когда Ворона зовется Голубушкой, ситуация меняется, и радикальным образом.

Как должен среагировать Евгений на то, что к нему обращаются, допустим, Агафон? Или Акулина – на то, что ее назвали Селиной? Вероятно, в первую очередь они оглянутся кругом – в поисках тех самых Агафона и Селины, а затем постараются поправить говорящего и т. п. Кстати, наша Ворона, даже будучи самой здравомыслящей вороной в мире, могла бы все равно остаться без завтрака – от неожиданности и изумления (мол, что ж это творится с Лисицей, белены объелась, что ли, коль меня, Ворону, величает Голубушкою?!) широко разинув рот!..

Но в том-то и дело, что обладательница кусочка сыра ни капли не удивилась – «проглотила» двусмысленное приветствие, не поморщившись и не поперхнувшись, как должное. Стоит заметить, что Голубушка стоит в начале стиха и в начале прямой речи – и в силу этого начинается с прописной буквы. Вместе с тем эта графическая особенность исподволь, по крайней мере визуально возводит нарицательное существительное в статус имени собственного. Кроме того, «приголубив» Ворону, плутовка кардинально меняет и цветовые характеристики адресата своей лести: ворона естественным образом ассоциируется с темными, мрачными тонами, символизирующими низовую, «плотскую» (т. е. подверженную тлению), нечистую[56], смертельную, греховную и даже адскую сторону бытия[57], тогда как голубушка – со светлыми, высокими, чистыми, небесными, которые традиционно соотносятся с красотой, непорочностью, духовной, божественной природой, колоритом Жизни. Ворон (ворона) – голубь (голубица) составляют одну из символических оппозиций, корни которой уходят в глубокую древность[58].

Надо сказать, что Лисица (разумеется, с подачи Крылова) исключительно точно выстраивает свою хвалу: композиция держится на четко обозначенных перекличках, играющих роль смысловых скреп. Так, голубушка отзовется затем ангельским голоском и в довершение – светиком. Еще раз подчеркну: в художественном мире крыловской басни «работают» оба – как переносное, так и первичное – значения. А вот то, какое из них актуализируется, зависит от того, в пространство сознания какого именно персонажа попадает слово. Вполне можно допустить, что, называя Ворону светиком, Лисица всего лишь использует «выражение приветственное, изъявляющее ласку»[59], а предполагая у нее наличие ангельского голоска, имеет в виду вовсе не небесную природу его, а только нежность и «приятство». Однако правка, которую Крылов вносил в текст на протяжении ряда лет, позволяет утверждать обратное: поэт снимает сравнение с соловьем, продержавшееся довольно долго – в первых трех публикациях басни:

Я, чай, ведь соловья ты чище и нежнее (1808)
Я, чай, ведь ты поешь и соловья нежнее (1809, 1811)
В свое время «соловьиная» тема получила – стоит признать, довольно неуклюжее – воплощение у Сумарокова:

Ворона горлышко разинула пошире,
Чтоб быти соловьем…
Однако в значительно большей степени источником не удовлетворившего Крылова стиха[60] могла послужить хвостовская притча:

Я чаю, голосок

Приятен у тебя и нежен и высок.
Заметим, однако: Крылов старательно вычищает из речи Лисицы «прямую описательность» – не остается ни одной портретной детали, обозначающей какое бы то ни было конкретное качество. Единственный сохранившийся эпитет – ангельский – метафоричен и в силу этого двусмыслен (кто-то справедливо заметил, что «внутренне метафора всегда иронична»). Да и тот подан в модальности предположительности: «И, верно, ангельский быть должен голосок»! На этой особенности монолога рыжей обманщицы мы еще остановимся в своем месте, а пока два слова о возможном генезисе этого эпитета.

«Ворона глупая» из притчи Хвостова
от радости мечтала,
Что Каталани стала…
Большинству современных читателей имя красавицы-итальянки, обладательницы сопрано дивной красоты и высоты, известно скорее всего по заключительным строкам пушкинского мадригала «Княгине З. А. Волконской» (1827)[61], а вот в начале XIX столетия оно было едва ли не нарицательным, что, собственно, и демонстрирует хвостовская притча. Изюминка здесь, однако, в том, что Каталани звали… Angelica, Анджелика. Имя происходит от латинского ‘angelicus’, что в переводе означает ангельский[62]. Таким образом, стих Хвостова, возможно, подтолкнул, помимо прочих причин, Крылова на замену соловьиного пения ангельским голоском. Впрочем, на истинности высказанной гипотезы я не настаиваю, тем более, что решающего значения для понимания сути описанного у Крылова она не имеет, тогда как то, какое действие льстивые речи производят в сознании вещуньи, – отнюдь немаловажно. Можно ли, например, исключить, что светик с ангельским, соединившись в ее голове, превратятся в сочетание ангел света, которое в конечном счете Ворона отнесет к себе самой? Не этого ли эффекта и добивается коварная Лиса? Во всяком случае на наших глазах она преображает «смуглянку» ворону в «белянку» голубку, буквально черное выдает за белое. Такого рода словесные манипуляции, как известно, имеют четкое терминологическое определение: инверсия. Но с инверсией мы уже сталкивались в самом начале басенного рассказа. Тогда мы предположили, что поэт прибег к этому приему с вполне определенной целью – указать на инвертированность сознания героини. Что ж, кажется, это не было ошибкой: Ворона принимает «приветливы Лисицыны слова» за чистую монету именно потому, что льстица говорит на ее языке, и то, что она хочет услышать!

Однако вернемся к композиционным особенностям «похвального слова». Выше мы уже отметили, что взор Лисицы прикован к «лицу» Вороны: шейку, глазки, перушки, носок в совокупности обрамляют вожделенный кусочек сыра. Но это только внешняя сторона, самый верхний слой смысла – все обстоит гораздо интереснее. Дело в том, что у «приветливых слов» Лисицы имеется культурно-исторический прецедент, ориентацию на который – хотя бы на подсознательном уровне – не могли не различать современники баснописца. Итак, схема похвалы такова:

голубушка > красивое «лицо» > «сладостный, весьма приятный, пленяющий» голос > просьба спеть.

А теперь вспомним: «Голубица <…> покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лице твое приятно» (Песн. 2:14).[63] Совпадение практически стопроцентное. Однако это не единственная перекличка крыловской басни с ветхозаветной «Песнью песней». Буквально следом за приведенным стихом читаем: «Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете» (Песн. 2:15). Если принять распространенное мнение, согласно которому виноградники аллегорически обозначают красоту, чистоту, свежесть, молодость Суламиты – т. е. ее природные дары, – то ее признание в том, что она «собственного виноградника <…> не стерегла» (Песн. 1:5), довольно легко экстраполируется на басенную ситуацию: Ворона не сберегла своего «виноградника» – и речь идет, конечно, не столько о кусочке сыра, сколько о внутреннем мире, деформированном самолюбованием и тщеславием.

Пожалуй, сопоставление с «Песнью песней» позволяет объяснить еще одну странную деталь, а именно породу дерева, на котором расположилась на завтрак Ворона. «В докрыловской традиции <…>, – пишет в связи с этим С. А. Фомичев, – казалось несущественным, на дерево какой породы уселась ворона со своей добычей (только у Сумарокова сказано конкретно: „на дуб села“). У Крылова же – ель; возможно, это подсказано известным русским обычаем вывешивать на кабаке еловую ветку, что обусловило фразеологическую синонимичность: ель – кабак; ср.: „идти под елку“ (в кабак); „елка (кабак) чище метлы подметает“» (курсив авт. – А. К.)[64]. В эти

рассуждения вкралась явная неточность: в докрыловской традиции о породе дерева говорилось не только у Сумарокова – в поле зрения исследователя не попала Ворона из притчи Д. И. Хвостова, присевшая «на кусток ореховый». Представить ворону, сидящую на кусте орешника, довольно трудно – кажется, «отец зубастых голубей» здесь, как это часто с ним случалось, несколько увлекся[65]. Однако отдадим ему справедливость: именно он первым понизил статус «пиршественного» локуса – Крылов же «всего лишь» придал находке Хвостова более естественное «хвойное» обличье.

Но что сказать о «кабацком» генезисе крыловской ели? Полностью исключать возможность существования указанной С. А. Фомичевым ассоциации не следует, однако квалифицировать ее скорее надо как фоновую, маргинальную. Во всяком случае басня не содержит каких-либо дополнительных «зацепок» такого рода. Полагаю, что ель у Крылова навеяна ветхозаветным текстом: «ложе у нас – зелень; кровли домов наших – кедры, потолки наши – кипарисы» (Песн. 1:15–17). В Библии (в том числе и в «Песни песней») образ кедра, как правило, выступает в качестве метафоры (или элемента сравнения) красоты, богатства, роскоши, крепости, долголетия, мудрости, царственности[66]. Другое дело, что исполненный поэзии библейский образ в пространстве русской басни теряет свою символическую насыщенность: фигурально говоря, остается лишь «хвойность» дерева, избранного Вороной для утренней трапезы. Это и понятно: кипарис и кедр не столь обильно произрастают на Ближнем Востоке и в силу этого высоко ценились в древности, тогда как на Руси ельники не переводятся. Получается, что «царь-птица» облюбовала себе как бы «царственное древо» – что ж, как говорится, по Сеньке и шапка…[67]

Но вернемся к нашим сопоставлениям. Сближает Ворону с героиней «Песни песней» и портретная деталь: «…черна я, но красива… Не смотрите на меня, что я смугла…» (Песн. 1:4–5). Однако смуглость кожи Суламиты – не врожденный, а благоприобретенный признак: «солнце опалило меня: сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники» (Песн. 1:5), – объясняет она. А что, интересно, сказала бы о своей черноте Ворона?

Не менее интересные результаты дает сравнение развернутых портретных характеристик ветхозаветного и басенного персонажей:

Как видим, структуры портретов практически совпадают – за исключением того, что общая оценка облика (привлекательность) в первом случае заключает, во втором – открывает описание; кроме того, в портрете Суламиты сначала упоминается нос, а после волосы, тогда как перушки (Вороньи «волосы») предшествуют носку. А как иначе? Сыр, как магнит, притягивает взор голодной Лисицы, которая и Ворону-то увидела не сразу – лишь после того, как ее «сыр пленил».

Но главное, конечно, в том, что монументальные, по-восточному роскошные сравнения, которыми оперирует слагатель «Песни песней», в басне напрочь отсутствуют – единственная метафора ангельский голосок имеет гипотетический статус. Как уже отмечалось, в отличие от предшественников Крылов не использует оценочных эпитетов и всякого рода уподоблений[68], очищая от них в процессе редактирования[69] монолог Лисицы («хороша» – в большей степени констатация факта, нежели субъективная оценка) – оценочность переносится в уменьшительно-ласкательные суффиксы и интонационно-синтаксическое оформление. Здесь-то, думается, и надо искать ответ на вопрос, поставленный в названии статьи.

Начнем с того, что «монолог» Лисицы был, так сказать, предварительно «обкатан» Крыловым в шуто-трагедии «Подщипа» (1800).

Ну где есть личико другое так беленько,
Где букли толще есть, где гуще есть усы,
И у кого коса длинней твоей косы?
Где есть такой носок, глазок, роток, бородка
И журавлиная степенная походка? –

расхваливает Цыганка самозваного жениха Подщипы немецкого принца Трумфа. Комментируя сходство реплик Лисицы и Цыганки, С. А. Фомичев пишет: «…здесь, как и в крыловской басне, нет, по сути дела, ни одного слова лжи, разве что

подсюсюкивание („носок, глазок, роток, бородка“) и точный расчет на убежденность глупца в своих самоочевидных достоинствах» (курсив авт. – А. К)[70]. В целом справедливо, однако, различия сопоставляемых фрагментов не менее, а может, и более значимы – по крайней мере в плане изучения динамики роста поэтического мастерства Крылова.

Реплика Цыганки – грубая, неприкрытая лесть и – тут никак не могу согласиться с комментатором! – именно ложь: и «личико другое так беленько» где-то есть, и букли потолще, и усы погуще можно сыскать, и косу длинней Трумфовой и т. д. Сами использованные в данном случае синтаксические конструкции содержат необходимость сравнения той или иной черты (свойства) внешности с подобными чертами других представителей рода человеческого, а в силу этого проблематичны и вызывают у адресата лести справедливое недоверие:

Так тфой не лицемеришь?
И Цыганка вынуждена прибегнуть к дополнительной аргументации: Взглянись лишь в зеркало, так лучше мне поверишь.

Что касается «журавлиной степенной походки», то уподобление по природе своей указывает на определенную вторичность обладателя качества, эталоном которого считается его естественный, а значит, первичный, главный носитель.

А вот речь Лисицы и впрямь не содержит ни слова лжи, да и неоткуда ей взяться, ибо состоит она – когда дело идет о конкретных чертах Вороньей внешности – из назывных нераспространенных: «что за шейка, что за глазки!» – и, скажем так, «условно распространенных» конструкций: «Какие перушки! какой носок!». Определительные местоимения какие, какой по сути бессодержательны, а эмоциональное наполнение может трактоваться сколь угодно широко – восхищение, удивление, негодование, возмущение, осуждение и т. п. – точно так же, как и у частиц что за или ну и. Сказки же тоже можно рассказывать о чем и какие угодно… Расточаемые Лисицей похвалы в высшей степени двусмысленны, и потому Л. С. Выготский прав и неправ одновременно, считая, что плутовка откровенно и язвительно издевается над Вороной[71]. Прав – потому что как издевательство их воспринимает объективный реципиент, который ничего привлекательного в облике вороны не видит, неправ – потому что забывает об адресате лести. Но не так ли происходит и в реальной «человечьей» жизни? Со стороны лесть мгновенно распознает каждый, но устоять перед ней дано далеко не всем…

Подчеркну: отсутствие в Лисицыных приветливых словах конкретики в виде эпитетов и сравнений с кем и чем бы то ни было заключает важнейший для Вороны смысл: она несравненна, неподражательна, единственная в своем роде, абсолютна, она не ВОРОНА и не ГОЛУБЬ, она – это только ОНА. Механизмом лести Лисица владеет в совершенстве: указывая на ту или иную черту облика «красавицы», она лишь катализирует появление в голове Вороны уже готовых «распространений»: какие перушки! – такие: блестящие, ослепительные, несравненные, умопомрачительные, изумительные, божественные…; что за глазки! – зоркие, очаровательные, прекрасные, влекущие, незабываемые… и т. д., и т. п. Кажется, именно по этой причине Крылов отредактировал 24-й стих, который в двух первых публикациях имел такой вид:

И, вздумав оправдать Лисицыны слова…
Вороне, конечно, нет никакой нужды оправдывать чьи бы то ни было слова – пожалуй, ей не так уж и важно, что слышит их от Лисицы, поскольку оглушена литаврами и медью собственной, внутренней «песнью песней», предметом которой, разумеется, является она сама – избранная! – Ворона.

Исключительно важна здесь одна, казалось бы, чисто физиологическая деталь:

От радости в зобу дыханье сперло…[72]
<…> Ворона каркнула во все воронье горло…
Ворону переполнила радость, оттого и дышать стало невмочь, и единственным способом спастись от удушья становится громогласное КАРРРР! Все случилось буквально по Писанию: «от избытка сердца говорят уста» (Мф 12:34).

Что ж, как мы помним, Ворон у Тредьяковского был «без сердца мех» – у крыловской же Вороны сердце есть, иначе где бы еще Лисица нашла тот заветный уголок, в который сумела влезть!

На последний вопрос: почему размышления Вороны были не особо веселыми? – наверное, лучше всего ответит герой совсем другой – не крыловской – эпохи. Предоставим ему слово: «Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть, – прибавил он вдруг задумчиво, даже не в тон разговора». Читатель, конечно, узнал по этой реплике Родиона Романовича Раскольникова, так часто впадающего в задумчивость…

Эпоха другая – но проблема-то вневременная, вечная: гордыня всегда сопряжена с духом уныния. Иначе и быть не может: величие, понимаемое как абсолютное совершенство, – духовный тупик и… страшное одиночество. Загрустишь тут!..

Иван Крылов

Сочинитель и разбойник

В заключение, дорогой Друг, мы хотим напомнить вам одну из любимейших наших басен, принадлежащих перу Ивана Андреевича. Басню по теме и роду занятий нам близкую, весьма многомудрую и назидательную…

В жилище мрачное теней
На суд предстали пред судей
В один и тот же час: Грабитель
(Он по большим дорогам разбивал,
И в петлю, наконец, попал);
Другой был славою покрытый Сочинитель:
Он тонкий разливал в своих твореньях яд,
Вселял безверие, укоренял разврат,
Был, как Сирена, сладкогласен,
И, как Сирена, был опасен.
В аду обряд судебный скор;
Нет проволочек бесполезных:
В минуту сделан приговор.
На страшных двух цепях железных
Повешены больших чугунных два котла:
В них виноватых рассадили,
Дров под Разбойника большой костер взвалили;
Сама Мегера их зажгла
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться стал в сводах адских камень.
Суд к Сочинителю, казалось, был не строг;
Под ним сперва чуть тлелся огонек;
Но там, чем далее, тем боле разгорался.
Вот веки протекли, огонь не унимался.
Уж под Разбойником давно костер погас:
Под Сочинителем он злей с часу́ на час.
Не видя облегченья,
Писатель, наконец, кричит среди мученья,
Что справедливости в богах нимало нет;
Что славой он наполнил свет
И ежели писал немножко вольно,
То слишком уж за то наказан больно;
Что он не думал быть Разбойника грешней.
Тут перед ним, во всей красе своей,
С шипящими между волос змеями,
С кровавыми в руках бичами,
Из адских трех сестер явилася одна.
«Несчастный!» говорит она:
«Ты ль Провидению пеняешь?
И ты ль с Разбойником себя равняешь?
Перед твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,
Он вреден был,
Пока лишь жил;
А ты… уже твои давно истлели кости,
А солнце разу не взойдет,
Чтоб новых от тебя не осветило бед.
Твоих творений яд не только не слабеет,
Но, разливаяся, век-от-веку лютеет.
Смотри (тут свет ему узреть она дала),

Смотри на злые все дела
И на несчастия, которых ты виною!
Вон дети, стыд своих семей,–
Отчаянье отцов и матерей:
Кем ум и сердце в них отравлены? – тобою.
Кто, осмеяв, как детские мечты,
Супружество, начальства, власти,
Им причитал в вину людские все напасти
И связи общества рвался расторгнуть? – ты.
Не ты ли величал безверье просвещеньем?
Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облек
И страсти и порок?
И вон опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой!
В ней каждой капли слез и крови – ты виной.
И смел ты на богов хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
От книг твоих на свете зол!
Терпи ж; здесь по делам тебе и казни мера!»
Сказала гневная Мегера –
И крышкою захлопнула котел.
Но и тут мы не закрываем басенную тему в этом номере нашего журнала, а, памятуя о плодотворном корневище, предлагаем вниманию читателей басни автора современного, эпигона и последователя великого баснописца…

Олег Любимов
Свинья в раю
Одна свинья забралась в райский сад,
Наелась райских яблок до отвала,
Но показалось этого ей мало;
Она к престолу тянет жирный зад.
Вдруг Серафим пред нею: «Кто такая?
Куда? Зачем?» Свинья поджала хвост.
«Я, – отвечает, – новая святая,
Мечтаю занимать высокий пост.
Мне б стать Архангелом иль, скажем, Херувимом,
А нет, так райской птичкой буду я,
Чтоб веять сны о времени счастливом
И песни петь не хуже соловья».
Но Серафим в ответ: «Шутить изволишь!
Твоё ль свиное рыло не узнать?
Тебя сюда пустили для того лишь,
Чтоб яблоки гнилые подбирать.
И без тебя в раю певцов давно хватает,
И не к лицу тебе терновый тот венец!
Гляди-ка сколько яблок пропадает…
Ешь! Иль пойдёшь к чертям на холодец!»
–
За аппетит свинью никто не осуждает,
Ведь всякий толк в свинине понимает,
Но где угодно, даже и в раю,
По аппетиту различишь свинью…
Премудрый черт
Случилось как-то раз, что Чёрт
В своём семействе ждал приплод, –
Как будто мало на беду
И без того чертей в аду.
А слухи разные ходили –
Среди чертей давно твердили,
Что всяк родившийся в раю,
Уж тем решил судьбу свою,
Что, нет на свете лучшей доли,
И чёрт, рождённый на просторе
Средь райских кущ и облаков,

Уж не таков,
Как остальные,
Мол, у него власы златые,
И нет ни рыла, ни рогов!
«Мне всё равно: будь сын иль дочка,
Родить должна ты ангелочка!» –
Кричал, прощаясь, чёрт жене.
Про то шепнули Сатане.
«Глупец! – воскликнул он. – Младенец всякий свят!
Но в рай ему попасть иль в ад
Понятно будет лишь когда
Пройдут года
В земном угаре спёртом,
Где всякий сам,
Не прибегая к чудесам,
Иль ангелом становится иль чёртом».
Петух на воле
Один Петух, перелетев ограду,
Пошёл гулять по саду…
Да ненароком как-то заплутал
И в рощу соловьиную попал.
«Дивлюсь!» – он кукарекнул: «До чего же
Ужасен этот свист и трескотня!
С утра я здесь – у них одно и тоже:
„Фью-фью! Чир-рик!“ И так день ото дня!
К чему нужны такие повторенья?
Ещё птенцом я слышал соловья
И то сказать… Да разве ж это пенье?
А нет бы он, к примеру, пел как я!
Для пользы дела, по веленью свыше,
Три раза: утром, днём и ввечеру,
И не на ветке сидя, а на крыше,
На зависть скотному и птичьему двору!»
И тут Петух расправил крылья важно,
Кривыми лапками слегка переступил,
Закрыл глаза, напрягся и протяжно,
Всю местность звонким криком огласил…
Умолкли птицы, затаясь в испуге,
Лишь «Кукареку!» льётся в небеса,
А в этот час тихонько по округе
Уж рыскала голодная лиса…
–
Когда бы не учил Петух вокалу певчих птиц,
Не стал бы он добычею лисиц.
Владимир Эйснер
Жить не обязательно
Пролог
– Дядь Саша, зачем вам каменный топор?

У резчика по дереву Александра Гарта множество всяких инструментов, среди которых этот увесистый топорик-молоток сразу бросается в глаза.

– А просто как память, положи на место.

– Расскажите, пожалуйста!

– Погоди чуток.

Мастер шлифует чашу из жилистого капа карельской березы, тончайшая пыль дымится над верстаком. Кажется, вот-вот из бугристых, изработанных рук выйдет мягкий огонь, обожжет, отвердит изделие и придаст ему благородный оттенок старого загара.

– А кой тебе годик? – улыбаясь, смотрит дядя Саша на меня поверх очков.

– Тридцать четыре, – смеюсь и я.

– Правда?

— Правда. Неполных тридцать пять.

— Надо же… А мне шестьдесят восемь — в два раза!

— К чему вы это?

— Этот молоток из куска базальта я сделал в свои тридцать четыре. Мастер открывает шкафчик на стене. Неспешно ставит на маленький столик в углу розетку с вареньем и протягивает мне заварник:

— Беги, сполосни. Чайковать будем.

Александр Генрихович много лет назад работал на Севере охотником-промысловиком. Его живописные истории для меня лучше всякого кино. Записал, как умел, и эту.

1. Нетерпение сердца

В середине июня черно-оранжевый силуэт ледокола взломал горизонт. Там стало дымиться море и прошли караваны, а здесь, между островами архипелага, все еще стоял лед. Сашка стал опасаться, что в этом году припай, береговой лед, вообще не тронется, такое бывает, и он не сможет отремонтировать и подготовить к сезону раскиданные по островам ловушки на песца. Наконец, в конце июля прошли дожди и выдались теплые дни, а в начале августа хиус, резкий северо-восточный ветер, оторвал припай. Над архипелагом засияло солнце. Гарт столкнул на воду старенькую деревянную лодку, уложил в нее рюкзак с запасом еды на три дня и запустил мотор. Собаки своей не дозвался. Таймыр еще щенком обжегся о выхлопную трубу и с тех пор невзлюбил лодку. Стоило начать сборы на выезд, как он заползал в самый дальний угол или вообще убегал в тундру — ищи-свищи.

Вот пишут в книгах: «Буря налетела внезапно». Так не бывает на Севере. Резкая перемена погоды дает знать о себе резкой чертой на горизонте. Гарт увидел эту темную полосу, когда до самого южного острова на его охотничьем участке оставалось километра два. «Успею!» Но вдруг качнулись берега, море прогнуло спину и пошла длинная, пологая зыбь — первый привет от шторма. Еще две волны прокатились под лодкой, белый барашек с гребня догнал суденышко и мотор замолк: вода залила магнето. Охотник пересел на весла — до берега рукой подать. Следующий вал выбил весло из уключины и лодка встала боком к волне. Вскочив на ноги, Гарт стал грести оставшимся веслом то с правого, то с левого борта, изо всех сил стараясь держать судно поперек волны, но уже попал в прибой и лодка, полная воды, стала погружаться. Сашка успел снять карабин и вновь закинуть его за спину дулом вниз, торчащий над плечом ствол мешает грести, как вал ледяной воды накрыл с головой. На берег Гарт выполз без карабина, без шапки, без сапог. Выплюнул песок. Вытряхнул воду из ушей. Вонзил в густой воздух кулак. Будем жить!

Направо, как зубы дракона, — скалы из песка. Раз за разом накрывал их прибой. И налево камни. И там с грохотом разбивалась волна. Лишь посредине песчаная дорожка, по которой и выбрался на берег. «Так. С чем мы остались?» Сашка ощупал, охлопал себя. Нож на поясе и патрон в кармане. Ладно. Раздеться. Отжать одежду. Вновь натянуть мокрое и бегать. Так бегать, как никогда еще не бегал. Такой поднять градус, чтоб одежда высохла. На мху за линией прибоя Сашка нашел несколько крепко скрученных волнами рулончиков бересты. Это драгоценность. Внутри они сухие и, разлохмаченные ножом, легко загораются.

Ветер гнал и гнал льдины на берег. Волны громоздили их одна на другую и дробили о скалы. От тяжких ударов прибоя стоял низкий гул и земля ощутимо дрожала под ногами. В белом кипятке пены плясал черный бензобак от мотора. Если не удастся развести костер… Сашка согнул из палки небольшой «индейский лук», тетиву для которого сделал из отрезанной от брючного ремня полоски кожи. Вытащил зубами пулю из патрона, насыпал несколько крупинок пороха в ямку на дощечке и перемешал с «трутом», черным лишайником с камней. Спрятался за валуном и, вращая тетивой небольшую палочку в ямке, вскоре добыл огонь.

Ветер сильно дул в уши. Гарт надергал мха, растеребил его, и заткнул уши мохом.

2. У костра

Пошел «зарядами» мокрый снег. То густо — руки не видать, то перестанет совсем. Махом по щиколотку намело. «Господи! Подожди с непогодой. Пусть угли нажгутся!»

Костер Сашка шатром выстроил, многослойно круглыми палками обложил, как старые охотники научили. Сквозь щели ветер огонь раздувает, ближние слои горят, дальние сушатся, угли внутри собираются.

Вместе с дровами Сашка стал подбирать пластиковые бутылки и фляжки от лосьонов и шампуней, куски пенопласта, непонятного назначения баночки-коробочки и пустые разноцветные зажигалки.

Все, что может гореть, Гарт накидал в старый рассохшийся бочонок и принес к огню. И еще нашел две стеклянные бутылки, обрывок веревки и небольшую пластиковую канистру. С канистры он срезал верх и боковую сторону. Надел этот «шлем» на голову, натянул на него капюшон и мысленно сказал спасибо человеку, бросившему или уронившему этот сосуд за борт. Но теперь ледяная вода стала стекать по спине. Дождавшись перерыва в дожде, Гарт подсушил майку над костром и вытер спину. Затем просунул под куртку на спине толстую круглую палку. Один ее конец упрятал под брючный ремень, другой завел под капюшон.

И тотчас увидел себя со стороны: на голове канистра, на спине палка, из ушей мох торчит, из штанин вода течет. Пугало-пугалом, но не до смеху. Озноб, как в лихорадке. Ветер последнее тепло с тела срывает.

В прошлом году на реке погиб рыбак. Такой же бешеный ветер с мокрым снегом выбросил его лодочку на песчаный островок в двух километрах от поселка. Ни деревца, ни кустика. Нашли его через три дня под перевернутой лодкой, где он пытался спрятаться от непогоды. Замерз при плюс двух.

Надо хоть какое-то укрытие. Несколько почти целых поддонов и разнокалиберные обломки досок разыскал Гарт среди плавника на берегу. Подтащил их к костру и укрепил кольями в песке. Пустую серединку поддонов засыпал песком и галькой, щели заткнул мохом. Часов через пять-шесть ему удалось пристроить к «домашнему камню» стенку в рост высотой, надежную защиту ветра.

На берегу прибой накидал барьер из мелкобитого льда, в котором тут и там высились оплывшие скалы паковых льдин. Об эту бело-синюю стену разбивались волны, над ней метались чайки и свистел ветер.

Было что-то грозное, жуткое, неистовое в бесконечных атаках моря на берег. Вот разбитый в клочья, вдребезги, в пыль, растекается исполинский вал по камням и льдинам. И кажется, никогда уже не поднимется, смирится, успокоится, стихнет, но пройдет минута, другая, он возродится вновь, и вновь обрушится на берега и, вновь отброшенный, начнет сначала. «Но что это там чернеет среди льдин? Неужели бензобак?» Его сорвала со штуцера волна. Но как он оказался по эту сторону ледяной стены? Как его не прихлопнуло льдиной, не разбило о камень? Сгибаясь под ударами ветра, Гарт подошел ближе и увидел чудо: просвет в ледяном заборе. Всего-то метра два шириной была эта калитка. Но именно сюда протолкнула остроносая льдина бензобак и зеленую пластиковую бутылку, в которой Сашка возил солярку для разжигания костра.

Бачок был полупустой, часть бензина съел мотор, часть вытекла, но литровая бутылка с соляркой радовала полными округлыми боками и пробка на ней держалась крепко. Радости Сашкиной не было предела! Костер все же угасал под мокрым снегом. По краю он парил, а посредине из последних сил рубили дым чуть живые красные сабельки. Лить в огонь бензин из канистры нельзя: канистра непременно взорвется в руках, потому что в емкости над бензином скапливается взрывоопасная смесь бензина и воздуха. Сашка стал обливать бензином дровеняки и бросать их в костер. Но без толку: бензин мигом обгорает, а палка мокрая была, мокрая осталась. Тогда он стал бензин в емкости пластиковые наливать и в середину костра их палкой проталкивать. И сразу похвалил себя за верный ход: бензин не вспыхивает, а горит вместе с пластмассой, жар костру добавляет.

Так Сашка проплясал двое суток. Не просушился, конечно, но к полусырому своему состоянию притерпелся. Ноги сначала стали красными, а потом посинели. Согревал он их так: подержит обломок доски над костром, а потом на него становится. В обломке бруса Гарт вырезал углубление размером с кулак, раз за разом наполнял его водой из базальтовых ямок на берегу и подсовывал ближе к углям костра. Эту горячую, солоноватую воду он пил и прогнал озноб из тела.

3. Спать

Но вот появились разрывы в облаках, а ветер стал порывистым. Это значит, циклон выдыхается и скоро стихнет.

В один из походов за дровами Сашка вдруг обнаружил себя лежащим ничком на снегу. Навряд ли так, в беспамятстве, проспал он больше десяти минут. Холод отозвался неуемной дрожью в теле и привел его в чувство. Но и это короткое забытье освежило и дало сил.

Осадки прекратились. Гарт избавился от надоевшей канистры на голове, и просушил одежду. Какое это наслаждение – надеть все сухое и теплое, и глотнуть горячей воды!

На пышущий жаром черный овал на песке Сашка уложил две доски, от которых сразу пар повалил, и пошел второй костер устраивать.

И вдруг услышал: твить-тивить-тюрлю! На большом валуне, метрах в пяти от костра сидел «шведский соловей», крупный, нарядный варакушка-самец с красным окошком на синей грудке и задиристо торчащим вверх хвостиком, рыжим у основания и черным посредине. Ни дать ни взять – раскрашенный воробушек.

– Косточки греешь, соловушка? Ты как сюда попал? Не должно быть вас так далеко на севере!

– Цвить-вить, ци-ци… цвить-вить-тех-тех… чиррр-чиррр, тир-ли… (Был ветер. Сильный ветер с юга. Меня с женой подхватило и понесло. Уж и не чаяли живыми остаться. А потом нашли столько мух, жуков и личинок под бревнами на берегу, что быстро отъелись и решили здесь дом строить. Кто же знал, что посреди лета вдруг снег пойдет… ци-ци-ци…)

– Кушать хочешь? Не найти тебе под снегом ни букашки, ни козявки? Сам страдаю, земляк! Как только раздобуду чего, непременно поделюсь!

Варакушка нахохлился, распушил перышки, хвостик его опустился, и птичка стала похожа на неряшливый пестрый шарик с торчащим впереди носом-колючкой. Впрочем, не до птичек. Охотник быстро забыл о пернатом госте, а когда оглянулся, тундрового соловья уже не было на камне.

Когда второй костер хорошо разгорелся, Гарт положил на угли два бревна близко одно к другому. Такой костер старые охотники называют «нодья», он долго, медленно тлеет-горит, а дым зверя отпугивает.

Вдруг Сашка с удивлением обнаружил, что хромает. На правой ступне под большим пальцем был большой, сочащийся кровью порез, а вот где поранился – вспомнить не мог. Ранку охотник присыпал пеплом, уселся на теплые доски, накинул на ноги пуловер и заснул, едва коснувшись спиной постели. Но тут же и проснулся: доски, постеленные на кострище, нестерпимо жгли тело. Однако пропитанный усталостью мозг требовал одного: спать! Сашка приподнимался, крутился с боку на бок, вновь и вновь впадая в сонное беспамятство, но неизменно просыпался от жары. Наконец, не в силах больше терпеть этой пытки, он вскочил на ноги.

За двое суток вечная мерзлота под костром глубоко оттаяла, большой объем песка не только просох, ной накалился и отдавал жар. Чтобы кострище остыло, нужно просто подождать. Но какой там ждать! Сашка спал. С криком откинул он доски в сторону и заснул возле кострища на четвереньках, плечом в камень. Спа-а-ть… Очнувшись от боли в локтях и коленях, поднялся. На море все еще гуляли белые барашки, но гул прибоя превратился в мерный рокот, а ветер стал мягким и теплым. Полоса синего неба появилась на западе. Радость какая! Синее небо – это циклон выдохся и стихает. Если бы желтое – циклон повернул на север и скоро ударит в спину. А еще двое суток… об этом и думать не хотелось. Гарт растер колени и локти, уложил доски на место, накинул на ноги пуловер и заснул, как умер.

4. День третий

И приснился ему странный сон. Будто он нашел на берегу лист жести. И палкой давит на середину листа вниз, а края его поднимаются вверх. Все сильнее и сильнее давит, и края поднимаются все выше и выше. И получается своеобразная такая корзина для бумаг с мятыми ребристыми краями. Но не успел он толком удивиться, как уже проснулся от пронзительной боли в правой ступне: будто шило всадили!

— Ты чего! — заорал Гарт в полусне и, как пружиной подкинутый, сел на постели.

Никого рядом не было. Только крупная чайка-бургомистр нехотя отлетела и растворилась в тумане. Он подогнул ногу и стал рассматривать порез под большим пальцем ноги. Ранка опять кровоточила. Пуловер, которым Гарт укрыл ноги, лежал, отброшенный в сторону, вот чайка и клюнула, где кровь. Бургомистры, самые большие чайки, — разбойники и «санитары» тундры. На птичьих базарах воруют яйца у маленьких чаек-моевок, кайр и чистиков. Выведутся птенцы — и птенца украдут, разорвут на части, чтобы своих накормить, леммингов, куличков, утят и гусят ловят, ослабевшего от голода песца насмерть забьют, остатки медвежьей трапезы подчистят, падаль подберут. Чайка-бургомистр приняла Гарта за мертвеца. И это было неприятно, как насмешка сильного над слабым.

Кругом стоял густой туман, как и должно быть после зюйд-веста.

Нодья, верная работница, дымилась. Сашка заковылял к костру, и тут оказалось, что все тело его разбито, как будто по нему катком проехали, но сильней всего болела голова. За ухом вспухла большая, горячая шишка. Очевидно, приклад карабина напоследок приложился.

Вспомнилось, как ударила в грудь и с такой силой завернула назад откатная волна, что он чуть «мостик» не сделал, аж в спине хрустнуло. Вот тут, наверное, и упустил винтовку. Значит, искать надо у самого берега. «Найдешь, как же! Там сейчас льда навалило, карабин в грязь вдавило…»

Без оружия в тундре всяко-разно маячит голодовка, об этом даже думать не хотелось. Охотник подновил костер-нодью и выпил из обгоревшего своего деревянного сосуда горячей воды. И сразу голод напал, такой голод — целого кабана съел бы! И очень стало ему себя, дурака такого, жалко. Зачем уехал на дальнее зимовье за двести с хвостиком километров от поселка, где до соседа, старого волка Полукарпыча, сорок километров зимой, а летом, вдоль берега, все шестьдесят? Зачем поперся на этот остров, если внутренний голос советовал подождать? И стыдно было, что упустил карабин. Оружие бросил. И совесть мучила, что Таймыра оставил. И кашель, мушки в глазах. Но — будем жить! Выпил еще воды и еще два костра разложил. Окружил себя огнем и дымом. Юго-западный ветер имеет привычку возрождаться на севере. А сиверко нагоняет большие паковые льдины и обломки айсбергов. На них бесплатно катаются те, которые в любой мороз босиком ходят.

Ранку Сашка вновь засыпал пеплом, отрезал полоску от низа рубашки, замотал ногу и вырезал себе сандалии из дощечек. Отрезал рукава от куртки, завязал их спереди — получились носки. Расплел найденную ранее веревочку на шнурки и укрепил сандалии на ногах шнурками. Походил туда-сюда — годится! Еще бы чего на зуб положить! Привязал нож к двухметровой палке и пошел вдоль берега свое новое хозяйство осматривать.

Примерно в трехстах метрах от костров бежал ручеек. Он вздулся и бурлил, как настоящая река, даже пена к берегам пристала. В устье ручейка был водоворот, там кружились, плавали, ныряли и гонялись друг за дружкой маленькие уточки-морянки, легкомысленные и жирные создания с большой вкусной печенью. Охотник подошел к уткам метров на десять, но они не улетели, лишь отплыли подальше.

При воспоминании о жареной утиной печенке у него слюнки потекли и голова закружилась. Круто развернулся и пошел вдоль пляжа искать крепкую палку. Лук и стрелы — что же раньше-то не сообразил? Как смастерить лук и стрелы, он знал с детства. Вскоре большой лук и три стрелы из длинных палочек были готовы. Но Сашка тут же убедился, что стрелять из такого лука можно, а попасть нельзя. И стрелы неровные, и навыка нет. Тогда он расколол доску и выстрогал штук пять относительно ровных стрел. Но даже с расстояния в семь-восемь метров не попал ни в одну уточку, только стайку распугал. Как-то сами собой слезы потекли. Голод, как зверь, терзал внутренности. И тогда Гарт в отчаянии закричал в небеса:

— Боже, где ты есть? Помоги! Научи, где найти еду, не дай ослабеть телом!

5. Бочка

В тундре, среди зеленого и красного мха, то и дело попадались толстенькие белые запятые. Это ягель, олений мох. Его можно есть, если выварить с добавкой золы, а

так он горький, утверждали бывалые зимовщики.

«Ничего, стерплю», – решил Сашка, сорвал несколько барашков ягеля и стал жевать. И выплюнул. Горечь нестерпимая. Как же его олени едят? И не вываришь – кастрюлька на дне моря. Надо сделать кастрюлю, плохо без посуды.

И тут, как по заказу, попалась ему на глаза бочка. Она была закидана сверху всяким мелким древесным мусором, лишь торцевая часть чуть отсвечивала красным. Очистил от мусора, покачал – плещется. Неужели солярка? Камнем отбил-открутил пробку на днище и наклонил бочку. Грязная вода. Но не обиделся на Нептуна: слишком много удачи сразу – тоже нехорошо.

А бочка не просто удача – это счастье. Вырубить днище и сделать себе из этого куска жести кастрюлю, а в бочке можно от дождя спрятаться! Гарт откатил свое «счастье» к биваку, и пошел железяки искать, из каких можно бы зубило сделать, днище у бочки вырубить. И так воодушевился, что и кашлять стал меньше и головная боль поутихла. Теперь он искал не дрова, а железо, и нашел много. Почти в каждой старой дровеняке торчал гвоздь, а то и несколько. Нашел еще один большой поддон и один маленький. Большой был большими гвоздями сколочен, маленький – маленькими. На длинной песчаной косе к северу от бивака лежал почти целый переходной мостик из полубруса, скрепленный стальным тросом и скобами. Неподалеку – кусок щитовой стены здания с дверным проемом без двери, с кусками штукатурки на стенах, батареей отопления и электропроводкой. Очевидно, следы наводнения. А неподалеку от мостика лежала лодка. Лодка – лодочка из тонких бамбуковых палок. Лохмотья прорезиненной обшивки остались на бортах. Гарт сбил с этой игрушки глину и осмотрел. Киль ее из толстого, красиво загнутого, темного дерева смотрелся сказочной завитушкой. Несколько ребер было расщеплено, очевидно, уже здесь льдины приложились, но сам факт того, что бамбуковая лодочка из Китая, Бирмы, Индонезии, или где там их еще делают, добралась до островка в Арктике на 75-й параллели, крайне его удивил. Или ее с Юкатана Гольфстрим принес? Лодочка была длиной в четыре шага. Он отволок ее «домой» и уложил у костра. Решил: лодочку переверну, щели мохом заткну – вот тебе и крыша готовая! Из одного треснувшего бруса ему удалось извлечь толстый железный болт. Пользуясь этим шкворнем как рычагом, он выдернул из мостика три скобы, и отбил обе накладные треугольные петли от дверного косяка. Подобрав на песке длинный кусок толстого манильского каната, смотал его в бухту и отнес повыше на берег. Лодка затонула в прибойной полосе, значит, неглубоко, он надеялся, что ее не раздавило льдом. Нужно лишь сделать ворот, зацепить ее, вытащить на берег, подшаманить и отправиться домой на веслах. Если море вернуло бензобак, то вернет и весла.

Рядом с мостиком Сашка подобрал красную пластиковую зажигалку. Сколько он их уже пожег в костре, несмотря на то, что некоторые еще давали искру! Эта тоже была пустой, но так весело искрила, что он очистил ее от песка и положил в карман. Есть бензин. Правда, не чистый, а с моторным маслом. Но надо будет все же попробовать как-то накачать в нее бензин. Если держать зажигалку в тепле, скажем в нагрудном кармане, неужели не вспыхнет бензин?

Скобы были острыми. Гарт взял одну и сунул сгибом в огонь, а потом выпрямил на камне. Получилась острая г-образная железка. Поставил бочку пробкой вверх, и стал, ударяя шкворнем по скобе в месте сгиба, пробивать во множестве дырки в жести вкруговую по краю бочки. Дальше – больше. В дырки эти он втыкал треугольную дверную петлю и резко ударял сверху. Перегородки между дырочками разрывались сразу с двух сторон. Таким образом он откромсал все днище бочки. Лишь последнюю перегородку отломил покачиванием. И сразу заскучал. Бочковая жесть была толстой. Миллиметр или полтора. Не имея специального инструмента, из такой жести ни кастрюли, ни ведерка не сделаешь. Да и о работе жестянщика Сашка имел лишь теоретическое представление. Никогда не видел, как делают даже самую простую вещь – печурку для балка. Работу все же довел до конца. На камне загнул заусенцы на крышке и бочке и затупил их куском базальта, чтобы случайно не пораниться, а бочку очистил песком от ржавчины изнутри и вымыл ее в морской воде. И все это время скрипел зубами от боли в желудке – хоть криком кричи. Во время особенно сильных приступов голода Гарт бегал на ручей пить воду, это немножко помогало терпеть. Каждый раз он видел в его устье весело жирующих уток и решил усовершенствовать свои стрелы. На камне выпрямил три тонких гвоздя, на остром крае бочки отбил с них шкворнем шляпки, и осторожно, чтоб не треснуло древко, забил эти наконечники в стрелы. Только для оперения стрел не нашел ничего подходящего и решил, что и так сойдет. Но когда стал подкрадываться к ручью, заметил, что уток нет – улетели. Ну, надо же! Все как сговорились!

6. Диалог
Между тем подошла пора устраиваться на ночь. Полярный день еще не кончился, но солнце уже надолго исчезало в закатном дыму. Сегодняшний туманный вечер был особенно мрачным.

Сашка выгреб угли из костра на месте предыдущей ночевки и накидал туда влажного мха, чтоб быстрее остыло, и бокам было мягче, а из углей раздул еще один костер метрах в десяти от «спального места». Муки голода не ослабевали, но хуже было сознание полной безнадеги: без оружия еды не добыть, скоро так ослабнет, что и бургомистров прогнать не сможет, расклюют еще живого. И нашло на Сашку затмение: стал нож рассматривать. Если быстро, наверное – быстро? А душа? Что станется с душой? «Постыдись! – услышал он вдруг голос внутри себя, – мужик ты или нет?»

– С ума сойти. Все мысли о еде.

«Утром распогодится и все изменится».

– Утром… Трое суток не жрамши!

«В поте лица своего добудешь ты хлеб свой». – Добудешь? Все море отняло!

«Разум у тебя никто не отнимал. Где все живое питается?»

– Тундра и море.

«После шторма на берегу креветки, капуста, рыба».

– Точно! Ведь стихло… Пойду!

«В туман не ходи – медведи».

– Да я сейчас руку свою грызть начну! Вот копье у меня!

«Потерпи. Отлив утром, а сейчас вода у барьера».

На берег Сашка не пошел, но и ждать до утра не собирался. Пошел на ручей пить, взял с собой бутылку для воды, лук и стрелы. Опять стрелял по уткам, и опять промахнулся. И прижался спиной к валуну, и заплакал. И расплакался горько, как в детстве. И смахивал слезы, но они текли. И пусть. Некого стесняться. Наверное, от слез и стало море соленым, от горя всякой твари живой.

Вернулся вконец обессиленный, постелил себе доски, накидал на них высохший мох и лег, глотая слюну. Спал плохо, часто просыпался и ходил подновлять нодьи. Сообщение «внутреннего голоса» встревожило. С «босыми» у охотника сложился вооруженный нейтралитет. Чаще всего медведи убегали сами, едва завидев человека или услышав лай собаки. Сашка не убегал. Не убежишь. Зимой и летом носил он с собой, кроме карабина, ракетницу или фальшфейер. Лишь однажды медведь побежал прямо на него и не остановился на выстрел из ракетницы, хотя горящий комок заряда закрутился в снегу рядом с ним. Сашка припал на колено и с расстояния в десять метров выстрелил ему в голову. И промахнулся. Свинцовый кончик тяжелой пули оставил синюю черту между коротких ушей. Медведь стал тормозить, вытянув вперед лапы и припав на зад. Вторая пуля попала ему в горло. Когда успокоилось дыхание, охотник медленно подошел. Это был небольшой, чуть крупнее пестуна, самец. Наверное, трехгодовалый. И очень худой: кожа и кости. Желтые глаза его уже остыли, но крупные квадратные лапы все еще бежали, черные когти, длиной с мужской палец, все еще скребли лед. А его скребла совесть. Зря убил. Струсил. Мишка уже понял свою оплошность и стал отворачивать. В нападении не зверь был виноват – человек. Он только что добыл нерпу, освежевал ее, снял шкуру, сложил ее конвертиком и спрятал в рюкзак, а печень, самую вкуснятину, понес домой на палочке, не хотелось рюкзак пачкать. Этот запах и учуял голодный мишка. Только сейчас, страдая от болей в желудке, Сашка понял и того обезумевшего от голода медведя.

7. Странный сон и чайка
И опять приснился охотнику странный сон: будто он дома, в семье, и будто они с младшим братом занимаются непонятным делом: кладут на стакан лист бумаги и вдавливают его внутрь стакана баночкой из-под клея. Бумага сминается, они

вынимают ее за ребристые края и ставят рядом со стаканом. Получается странный такой ребристый сосуд бумажный. И они делают много таких сосудов, и брат все время вопросительно смотрит на Сашку. «Стоп! Где я уже видел такой сосуд?» Да в предыдущем сне! Только там он был из жести. На корзинку для бумаг похожий, но из жести! В сильном возбуждении Гарт проснулся. Он понял, как сделать кастрюлю из куска толстой, плохо гнущейся жести! Тут же раскочегарил посильнее нодью и бросил на нее донышко от бочки. Жесть надо сильно нагреть, «отпустить», как говорят кузнецы. Отпущенная жесть – мягкая и хорошо гнется!

Пока крышка нагревалась, он соорудил из четырех обломков бревен четырехугольный сруб: просто вкопал наполовину в песок два бревна сантиметрах в тридцати друг от друга, еще два положил сверху, укрепил верхние гвоздями, а в центре этого сруба выбрал досочкой небольшую ямку. Двумя палками выхватил из жара донышко бочки и уложил его на этот сруб. Стал его вбивать в сруб другим бревном и, по мере того, как жесть остывала, ударять все сильнее. Крышка вмялась в сруб, и последние удары Сашка сделал уже, чувствуя под «трамбовкой» песок. Края жестянки равномерно смялись и загнулись кверху. Не желая ждать, пока крышка остынет, он в нетерпении снял свои носки-рукава и выхватил еще горячее «изделие» из сруба-оправки. Так вот же она, та самая ребристая корзина для бумаг! А еще говорят, что нет вещих снов! Кастрюля готова! Еще бы чего в эту кастрюлю положить! Гарт до того воодушевился, что и спать расхотел. Обошел свои костры, подкинул толстых дров и с радостью увидел, что туман истончается. «Голос» был прав: утром погода изменится, а сейчас, наверное, прилив. Волны плещутся у самого барьера. Чтобы набрать съедобных листьев морской капусты, или, если повезет, оглушенную рыбку найти, надо раздеться и лезть в ледяную воду, а неизвестно сколько там зыбкого ила-песка накидало и выберешься ли, если застрянешь по самые по… повыше коленей, то есть.

Он улегся на теплые доски и засыпал ноги теплым мохом – крррасота! Но заснуть не успел. Из тумана возник бургомистр. Вразвалочку подошел поближе и стал охотника рассматривать.

– Что, опять крови хочется? – Сашка кинул в птицу обгорелой палочкой. Но чайка лишь пригнулась, как боксер на ринге, она не сочла нужным улететь.

Лук под рукой. До бургомистра метра три-четыре. Стрела с гвоздиком… Чайку откинуло в сторону вверх лапами. Ага! Гарт вскочил, но бургомистр со стрелой в боку уже улепетывал к морю. Сейчас переберется через барьер и уплывет!

Он догнал бургомистра у самых льдин и свернул ему шею. Но странно: голод, мучивший парня без малого трое суток, вдруг пропал. Лишь одышка непонятная появилась, пока он догонял птицу. Да и не едят чаек, не слыхал никогда.

Бургомистры с гуся величиной. Размах крыльев больше метра, тело длинное, узкое, клюв и глаза оранжевые, лапы розовые. Замечательные летуны. Подолгу парят против ветра над прибоем. Смотришь – спикировал в воду, выхватил рыбку и опять раскинул крылья над волной. И этот был крупный. Наверное, не чайка, а «чайк». Длинное узкое тело было длиной сантиметров восемьдесят. И весу килограмма два. Но никакой радости, что наконец-то, есть еда, почему-то не было. Сашка попытался ощипать птицу, как гуся или утку, но перо оказалось очень крепким, аж пальцы заболели. И тут охотник вспомнил, что его сосед, Полукарпыч, летом обувается в «чуни» из шкуры гагары. И по дому в них ходит, и за водой на речку. Влаги эти самодельные калоши не пропускают, нога всегда сухая. «Чайки, – подумалось Сашке, – те же гагары. Тоже все время на воде или в воздухе. Должна и у них крепкая кожа быть, перо и пух непромокаемые». Он отвязал нож с древка и снял шкуру с чайки, как с песца, – чулком. Ни жиринки не было под шкурой птицы, как обычно бывает у гагар и уток. Вывернув шкуру мездрой наружу, Гард затолкал ее под мох, на мерзлоту. «Еще одну чайку добуду, шкуры выделаю – вот тебе и носки готовые!»

Любопытствуя, почему эта чайка такая тощая, Сашка вскрыл ее желудок. Остатки рыбы и темный комок с радужными разводами. Осторожно вынул комок палочкой и расправил его на камне – промасленная тряпка! Кусок ветоши, каким механики моторы обтирают. Ну и ну! От жадности заглотил или на «масло» позарился? Мясо у птицы было только на грудине. Охотник отделил его ножом. Получилось два куска граммов по триста. Остатки тушки он положил под мох рядом со шкурой. Кастрюля есть, можно суп сварить.

Хотя голод прошел, Сашка все же поджарил один кусок на палочке и съел, макая это

своеобразное жаркое в морскую воду. Мясо оказалось жестким и пахло рыбой, как нерпятина, но все же это была еда!

8. Белуха, сайка и «босой»

Сытого охотника стало в сон клонить. «Поели, теперь можно и поспать!» – жаба-сын из мультфильма «Дюймовочка» знал, что говорил. Но перед сном Сашка все же твердо (ужжжасно-преужжжасно твердо) решил отныне жить по велению разума, поэтому обошел костры, подбросил толстых дров, опять крепко-накрепко привязал нож к древку из лиственничной палки и положил это «копье» под левую руку. Левша.

И приснилось ему, будто он на тренировке у штангистов.
И парни они крепкие, ноги толстые, морды красные.
И стали приседать с грузом и пыхтят, и пыхтят.
И так уж пыхтят, что охотник проснулся.
А пыхтение все сильней и сильней.
Гарт вскочил и глянул на море.
Туман отошел к берегам.
И солнышко светит!
Радость какая!
Утречко!
У самого берега одна за другой показывались из синей воды длинные белые скобки, тут же исчезали и появлялись вновь. Над морем стоял легкий дымок, с пыхтением вылетавший из этих скобок. Чайки то и дело выхватывали из синевы блестящих рыбок, на льду подпрыгивал и тявкал песец.

Белуха!
Белуха идет.
Белуха сайку гоняет.
Белуха и мне обед доставит.
Быстро подновить костры и к морю!
Белуха прижимает сайку максимум на полчаса.
Гарт во всю прыть кинулся к морю с «кастрюлей» в руке.
Белухи – это матово-белые весом до двух тонн киты. Питаются они в основном рыбой-сайкой, косяки которой загоняют в бухты. Во время охоты белухи даже не поднимают голов над водой. Только колесо спины увидишь, фонтан пара из дыхала разглядишь, и тяжелый вздох услышишь.

Сайка – это небольшая, длиной с мужскую ладонь, рыбка, родня трески. Спинка у нее черная, брюшко белое, а жабры красные. Голова большая, в треть туловища, рот огромный. Тоже, небось, хапает рачков только так! Спасаясь от китов, сайка жмется на мелководье и со страху даже на камни выпрыгивает. Тут ее и ловят люди, чайки, песцы и все кому не лень.

Решив стать рыбаком, Гарт первым делом разделся догола (после рыбалки все сухое надеть) и перебрался через барьер. Между льдом и водой отлив обнажил узкую полосу песка, на которой лежали мятые медузы, длинные ленты морской капусты, какие-то дохлые «ракоскорпионы» и всякая мелочь пузатая. А в море жировали, кроме белухи, многочисленные нерпы, моржи и лахтаки. Это такие усатые тюлени побольше нерпы, но поменьше моржа. Их еще морскими зайцами называют.

Сашка забрел выше коленей в воду возле большого камня, где кипела вода. Слой рыбок там шел плотной массой. Он завязал снизу штанины на брюках и гостеприимно подставил косяку штаны. Через пару минут вывалил добычу в кастрюлю. С горкой! Счастье какое! Тут же откусил от нескольких рыбок головы и съел тушки сырыми. Непорядок с этим рыбным народом: в «рассоле» живет, а пресный! Запил рассолом. Вторую и третью порцию рыбы он просто вывалил в ямку: потом подберет. И вдруг – как в плечо толкнули. Оглянулся. В воде у самого берега брел медведь. Он то и дело останавливался и взмахивал лапой. Целый дождь стеклянно сверкающих рыбок взлетал вверх. Умка не спеша подбирал их с песка и опять заходил в воду. Брюхо его раздулось, как бочка. Сашка дал задний ход. «Босой» не чуял человека: ветер дул с его стороны, а видят медведи плохо. Гарт затянул поясную веревку на своих полных рыбацкого счастья штанах, боком-боком пробрался к барьеру и стал карабкаться по льдинам наверх. И они, конечно же, стали осыпаться и шуршать! Когда в первый раз перелезал, хоть бы одна хрупнула. А теперь, как назло, стали катиться вниз! Охотник был на гребне барьера, когда медведь поднял голову. Он заметил человека и стал нюхать воздух. «Не унюхаешь, Миша! Ветер в мою пользу!» Сашка быстро спустился, и быстро надел куртку. Если вдруг это медведица, неудобно как-то нагишом перед дамой. Схватил свои полные штаны и поволок их

домой. До первой нодьи было метров сто. И тут увидел, что «босой» поднялся на берег и бодрым маршевым шагом следует за ним. Дыма он учуять не мог: ветер дул с моря на сушу. Гарт развязал одну штанину и побежал. Задом-задом. Лицом к медведю, спиной к нодье. Полоса черно-белых рыбок покрыла красный мох. «Кушай, Миша, кушай гостюшка дорогой, пока я огонь раскочегарю!» Но медведь лишь слегка притормозил, видать, рыба ему надоела. Сашка скинул куртку: «Пока обнюхивает, успею добежать!» Но Михайло размышлению предпочитал действие. Он понял, что его дурят, и перешел на рысь. Гарт бросил рыбу и перешел на галоп. На аллюр три креста — фьюить! С разгону сиганул через костер, присел, развернулся, и бросил в набегающего зверя пару горящих палок. Они не долетели и должного действия не произвели. «Босой» лишь наклонил горбатую треугольную башку и стал осторожно головни обнюхивать. Этот скот или никогда дыма не чуял или из другой галактики пожаловал! Медведь стал обходить костер кругом, попал в струю горячего дыма и отшатнулся. Сашка вынул из костра головню подлиннее и облил ее соляркой. Палка ярко вспыхнула, он заорал и сунул огонь прямо нахалу в морду. Мишка отбежал в сторону, и медленно, нехотя, пошел прочь. Дойдя до штанов с рыбой, распорол их одним ударом и стал Сашкину добычу пожирать. Вот злодей! У парня в глазах потемнело. Он вновь с криком атаковал грабителя огнем. Когда «босой» побежал, бросил в него самодельное копье. И попал! Потапыч извернулся, зубами вырвал копье из ляжки, бросился удирать вдоль берега и вскоре скрылся из глаз. «Во как я его! Бежит, аж шуба заворачивается!» Подобрав копье, вытирать его Сашка не стал. «Отныне я — ужжжасно хрррабрый и чрррезвычайно могучий охотник по прозвищу Меткое Копье, и пусть кровь врага напоминает о победе!»

Выбрав валун повыше, Меткое Копье влез на него и осмотрелся. Но никаких «босых» в пределах видимости не было. Нервное возбуждение требовало выхода. «Индеец» бодро нарезал у костра штук пять кругов почета и, потрясая окровавленным копьем, исполнил дикий танец Храброго Охотника.

Пора было одеваться. Но идти на берег как-то не хотелось. А вдруг еще один «босой» за камнем прячется? Потоптался, потоптался у огня и решил, что среди храбрых охотников, наверняка, попадаются и осторожные, которые днем с огнем ходят. И сделал себе факел из бересты. Облачившись, немного прогулялся по пляжу, пособирал морской капусты. И нашел оба весла! Они, целехонькие, лежали недалеко от того места, где потерпевший кораблекрушение выбрался на берег. Жаль, топоры плохо плавают. А как бы сейчас пригодился!

Этим же вечером, заготавливая дрова для костра, Гарт неожиданно открыл убежище своего знакомого папы-варакушки. Под широкой доской среди древесной мелочи и трухи обнаружилось сплетенное из травинок уютное гнездышко. Четверо оперившихся птенчиков было в птичьем домике. Двое еще открывали желтые ротики и призывно пищали, а двое поникли головками, наверное, уже погибли… Взрослые птицы отлетели в сторону. Невзрачная самочка нахохлилась и превратилась в рыжевато-серый шарик, самец же пропел печально: твить-тюрлю-тюрлю! и уставился на человека черными дробинками глаз.

— Ай, махонькие мои! Голодаете? У меня рыбы — во! Я — щас!

Гарт вспомнил, что если взрослые птицы и могут некоторое время обходиться без еды, то птенцам даже малейшая голодовка противопоказана: она приводит к необратимым изменениям в организме и к смерти малыша.

У костра охотник распластал ножом несколько рыбок и вырезал из их спинок с десяток длинных «червей». Быстро вернулся ко гнезду и положил по два «червяка» в открывшиеся ему навстречу желтые зевы. Два птенчика проглотили еду, двое были уже мертвы, и Гарт осторожно удалил трупики из гнезда. Несколько «толстых жирных червяков» Гарт оставил на досочке у самого гнезда, вернулся к огню и стал наблюдать за поведением взрослых птиц. Они сначала с недоверием попрыгали рядом с угощением. Затем папа-варакушка решился и проглотил одного «червяка». Удовлетворенно пискнул, и сразу же к нему подлетела самочка и тоже съела полоску рыбы. Будем жить, земляки! Гарт нарезал еще рыбных полосок, но рыбьи скелеты не стал выбрасывать, а тоже пододвинул их к досочке у гнезда. «Тут еще много вкуснятины осталось, выклевывайте, трудитесь!»

9. Сережет

Весь оставшийся день Гарт потратил на перетаскивание рыбы, изготовление иголки из куска проволоки, зашивание штанов и стирку. Штаны изнутри покрылись рыбной слизью, а куртку медведь пожмакал и оторвал карман. Куртка у Гарта была что

надо! У знакомого прапорщика он выменял офицерскую шинель на два «хвоста» – две невыделанные песцовые шкурки. Одна милая вдовушка, умница и рукодельница, эту шинель обрезала, подшила, пристрочила к ней накладные карманы и просторный капюшон. Гарт стал захаживать к этой милой даме в гости, и у них сложились хорошие отношения. Она работала в бухгалтерии рыбозавода. Звали ее Сережет Азретовна, для Гарта она стала Сережей. Когда пришла пора улетать на зимовку, и Гарт стал укладывать рюкзак, Сережа спросила:

– Опять, что ли, без напарника, один-одинешенек?

– Ты же знаешь, что у нас многие так живут.

– Не так чтоб и многие. И опытные.

– И я пятый год.

– В тундре второй.

– Второй не первый.

Она вздохнула тяжело:

– Не выпадай из руки Господней, и пусть не сжимает Он ладонь свою слишком сильно! Осторожней там. Мой вот так же уехал – и все. Искали-искали, весной вытаял в торосах…

– Ну что ты меня живого хоронишь. Нельзя же так в дорогу!

– Не сердись. Тяжело мне. Как заново… – и она глянула на Сашку черными кавказскими глазами.

Отцом Сережет был «горный орел», из ссыльных балкарцев. Он и настоял на этом имени. Гарт как-то спросил Сережу об отце. Но она лишь отмахнулась:

– Уехал, когда разрешили кавказцам домой. Плохо помню его. Здесь родилась, здесь выросла. После школы съездила к нему. Две недели не выдержала. Другое там все: и обычаи, и природа, и люди. Не мое. Вернулась…

На зимовке охотник часто вспоминал Сережет. Куртка сидела как влитая, а связанная ее руками шапочка из козьей шерсти была удобной и теплой. А сейчас, вспоминая утонувшую лодку, три дня голодовки и стремительный драп от «босого», Сашка подумал: «А не слишком ли ты сжимаешь ладонь свою, Господи?» Громко прочитал «Отче наш» и успокоился. Есть великая, укрепляющая дух сила «в звучаньи слов живых».

Рядом с «домашним камнем» мох с тундры был уже вчистую ободран и вытоптан. Там обнаружилось глинистое место. Гарт заострил дощечку и выкопал в глине яму до мерзлоты. Насыпал туда рыбу, залил морской водой, – вроде как рассол, – и уложил сверху листья морской капусты, резерв питания.

Вечером Гарт изготовил себе деревянную тарелку и ложку, сварил в самодельной кастрюле фирменное блюдо «сайка-чайка», в которое вместо соли добавил морской воды, и со вкусом поужинал. Голод – лучший повар.

10. Дальняя прогулка

Утром Сашка сделал куском обсидиана четыре царапины на домашнем камне.

Четыре дня.

Живой, здоровый.

А кашель сам пройдет.

Позавтракал остатками ужина, связал из жердей две высокие треноги, уложил на них поперечину, стал доставать из ямы рыбу и развешивать ее, чтоб завялилась. Для этого он наделал много крючочков из найденной алюминиевой проволоки. Рыбку протыкал крючком через глаза и подвешивал к поперечине. Через день подсохнет, заветрится и можно есть, как семечки. Так развешивал, пока не надоело, штук

двести нанизал. Варакушкам тоже оставил с десяток крупных рыбок. Решив отложить охоту на уток, Сашка стал стаскивать к кострам любой подходящий для строительства избушки-времянки кусок дерева: доску, рейку, ящик бревно, горбыль. Предпочитал, конечно, доски. Они попадались не часто. Много досок и обломков досок он бездумно истопил за эти дни, и теперь приходилось все тащить издалека. В одном месте обнаружил пять средней толщины бревен в шесть шагов длиной и переволок их по воде к месту своей «высадки» на берег. Растает лед – сколотить плотик, искать карабин.

В другом месте нашел старую-престарую замасленную телогрейку, дырявые валенки, кирзовый сапог, несколько ящиков из-под водки, поломанную раскладушку и мотоциклетную шину. Очевидно, этот мусор когда-то был выброшен на лед, а течением льдину прибило к острову. Другая льдина вытолкнула первую высоко на берег, а затем лед растаял. Все это богатство Сашка перетащил к себе: авось пригодится. Поднимая кусок доски, неожиданно обнаружил под ней большого лемминга. Толстый до безобразия, лежал он на боку в уютном теплом гнездышке из мха и шерсти, и не сделал попытки убежать, а лишь болезненно пискнул и закрыл лапками глаза. Как человечек испуганный! Решил, наверное, что ужжжасное чудовище его съест. Толстый живот этой красноватой мыши жил отдельной жизнью: там что-то билось, толкалось и явно просилось наружу. Гарт сообразил, что это «Frau Lemming». И такая она толстая, потому что рожать собралась. Может, вот сейчас, в эти минуты и родит. И человеку, существу из другого мира, тут делать нечего. Извинившись, он аккуратно положил доску на место, и присыпал древесной трухой и мхом, как и было.

Постепенно Сашка уходил все дальше от берега. Разжег догорающим факелом еще один костер и продолжил свой путь уже без огня в руках. Через каждые двести-триста метров попадались ручьи. В устьях ручьев кружились маленькие кулички-плавунчики или утки морянки, несколько раз по-над берегом пролетели кряквы, чайки-моевки гомонили над водой.

Обувь оставляла желать лучшего. Пока он двигался по песчаной береговой полосе, проблем не было, но стоило отвернуть в тундру, которая летом болото, как деревянные подошвы пропитались водой, рукавные носки намокли и холод сжал подошвы ног. Вскоре Сашка перестал чувствовать ступни, они стали как деревянные. И еще Сашка сделал важное открытие: на острове есть или недавно были олени и волки. Об этом говорили остатки волчьей трапезы в низине, на берегу ручья. Чисто обработанные песцами и чайками белые кости крупного быка еще держались на сухожилиях, не успевшие превратиться в рога мягкие панты были обгрызены почти до самой головы, – от силы с неделю-две лежит здесь этот остов.

Песец-щенок в черно-серой детской шубке с увлечением грыз копыто и, облизываясь, отскочил в сторону, когда человек приблизился, щенку все еще хватало еды на остатках волчьей трапезы.

Гарт пошел по этому ручью вверх. Он тек с горки, на вершине которой стояла триангуляционная вышка. Подле треноги – едва различимые следы гусениц вездехода, значит, весной по большому снегу работали здесь геодезисты – небольшая бухта ржавой железной проволоки, одна бутылка из-под водки, другая из-под шампанского (неплохо жили мужики!), изъеденные ржавчиной пустые консервные банки и с десяток больших гвоздей-двухсоток.

С вышки хорошо просматривался весь остров. Гарт вспомнил карту. Размерами остров был примерно десять на шесть километров и имел форму сапога с широким голенищем на северной стороне и шпорой на южной оконечности. От «голенища» отходила низкая широкая отмель, напоминающая собой размотавшуюся портянку. «Шпора» представляла собой скалистый островок, соединенный с основным массивом тонкой перемычкой. Рассматривая этот остров на карте, понимаешь, почему первооткрыватели назвали его «Ботфорт». Ботфорт и есть. Базовая Сашкина изба печальным кубиком виднелась на соседнем острове. Всего-то пятнадцать километров. Неужели не удастся подтащить к берегу и поднять лодку и придется куковать на этом «сапоге» до ледостава?

«Таймыр, пес мой верный! Как ты там? С голоду пухнешь или леммингов ловишь?»

На юго-западной стороне Ботфорта Сашка заметил три рыжих пятна, очевидно бочки, и решил перекатить их к дому. Перевел свой взгляд на «шпору» и сердце так и забилось: олени! Табунок голов на десять-двенадцать. Черными пятнами выделялись

их тела на буро-зеленой тундре. Двое или трое лежали, остальные мирно паслись. Значит, волки далеко, иначе олешки не пошли бы в узкое место, где их можно передушить за пару минут.

Надо будет поменьше топить. До стада километров пять-шесть и ветер сейчас не в их сторону, но если почуют дым – уйдут. Переплывут пролив, исчезнут на материке.

Сашка прихватил с собой найденное богатство: проволоку, гвозди, бутылки, и в прекрасном настроении поскакал с горки вниз.

11. Морж

И стал почему-то напевать песенку из Маяковского:

«Дней бык пег,
Медленна лет арба.
Наш бог бег,
Сердце наш барабан».

Бодрый ритм этих строк хорошо подходил и к ритму прыжков с камня на камень и к состоянию души: на острове дикие олени. А как добыть – придумает! И так прилипла к нему дурацкая эта песенка, что не мог отвязаться. Пробовал и на «Славное море – священный Байкал» поменять, и на «Раскинулось море широко» и на «Ach, mein lieber Augustin» и даже на знаменитую марктвеновскую «Режьте, братцы, режьте…» – ниччче не помогат! Только утвердишь в мозгах другой ритм, только настроишься на другую волну, как споткнешься, шагнешь не в такт, и опять выплывает:

«Дней пег бык,
Медленна арба лет».

Стоп-ка! Сашка просмаковал вторую строчку, о которую зацепилось сознание: «медленна арба лет…» медленный арба лет… Медленный чего?

Арбалет!
«Вот оно что!
Вместо лука – арбалет!
И уток набью, и оленя добуду!»

От радости Гарт аж подпрыгнул на месте, и оказалось, что уже дошел до первой из замеченных сверху бочек, и это совсем не бочка.

Это был морж клыкатый!
Большой, усатый.
Мертвый.

На голове его зияли глубокие, заполненные засохшей кровью, царапины, очевидно, от медвежьих зубов и когтей, низко опущенная голова с небольшими острыми клыками покоилась на камне, передние ласты были подогнуты под туловище и еще хранили в себе движение. Животное это издохло внезапно, за секунду до того, как уйти в море. Но следов борьбы двух гигантов Арктики видно не было. Очевидно, медведь подкараулил моржа на материковом лежбище, но тому удалось вырваться и доплыть до острова, где он и погиб от ран. Произошло это еще до шторма: перед моржом лежал такой же ледяной вал, как и перед биваком. Значит, мясо есть нельзя – трупный яд. Но шкура пригодится на крышу для избушки. Гарт сделал обычные надрезы и стал снимать шкуру. И тут обратил внимание, что пенис у моржа действительно почти весь костяной, и поговорка «хрен моржовый» не лишена твердого основания.

Шкура у этого ластоногого толстая, грубая, многослойная, нож быстро тупится, приходилось без конца шоркать его о камень, а тушу Гарт ворочал вагой: морж был длиной в три шага и весил, наверное, полтонны. Долго Сашка с этим делом промучился, аж взмок. Хотел отрезать голову, уж больно красивые клыки, ноне смог найти хряща между позвонками и чуть нож не сломал. Эх… Топор нужен! Напоследок решил вспороть трупу брюхо, чтобы вытащить печень. Любой печенью можно выделывать шкуры, но лучше всего – моржовой. А очень надо было выделать шкуру бургомистра. Но едва проткнул туше живот, как тут же, зажав нос, и убежал: нестерпимая вонь, чуть не вырвало. Шкура моржа оказалась такой тяжелой, что Сашка мог ее только волочить. На подходе к биваку уже и сам едва ноги волочил.

Из ямы у домашнего камня неожиданно выскочил песец-щенок, наверное, тот самый, который грыз оленье копыто на старой волчьей трапезе. Отбежал в сторону и стал тявкать.

– Вот сссобака! Обворовал, да еще и лаешь!

Охотник громко хлопнул в ладоши и прогнал нахала.

Яма была пуста. Штук тридцать рыбок, которые там еще оставались и из которых Гарт собирался сварить уху, этот ловкий воришка сожрал. И дыма не побоялся. Ладно. Зато рыбки на перекладине хорошо подсохли на ветру.

Ими Гарт и пообедал. Закусил морской капустой и запил водой. Жить можно. Затем оттащил шкуру моржа, на которой остались прирезки мяса и сала, в сторонку, уложил ее мездрой кверху и оставил чайкам.

Мездрить вручную – руки отпадут. А чайки начисто и жир, и мясо выклюют и зачищать не надо.

12. Арбалет

Идея сделать арбалет для охоты так Сашку захватила, что ни о чем другом он и думать не мог. Арбалет – оружие сложнее лука, но зато и не в пример точнее. Опыт постройки арбалета у него имелся. В подростковом возрасте деревенские мальчишки делали арбалеты с самым настоящим стальным луком, в качестве которого служил зуб от конских граблей. Он изогнут дугой, отлично пружинит и бросает стрелу до ста метров, смотря как тетиву натянешь. Подростки целые соревнования устраивали, и даже на спор воробьев с веток сшибали.

Я не буду здесь утомлять читателя описанием устройства самодельного арбалета. Скажу лишь, что за время своего «сидения на Ботфорте» Сашка изготовил их несколько, и каждый был лучше предыдущего. Наконечники для стрел он вырубил из краев кастрюли в форме буквы «И», а в месте сгиба оставил шипы и насадил наконечники на небольшие палочки толщиной в мизинец. Такие двуглавые стрелы для охоты на птицу Сашка видел в краеведческом музее в Дудинке.

Этим же вечером наипримитивнейшим изо всех арбалетов, в котором спусковой крючок был просто прибит гвоздиком сбоку к ложу, он добыл еще одну чайку, а во втором ручье, после пары промахов, подстрелил и пару уток-морянок. Арбалет бил сильно: при удачном выстреле птице отрывало голову.

Все три птичьи печенки, как ни хотелось их съесть, Гарт запихнул под мох рядом с первой – бургомистровы шкурки выделывать. Обеспечить себе сухие ноги стало первоочередной задачей. Кашель усилился. Охотник чувствовал себя не очень хорошо, но все же выстрогал еще пять деревянных наконечников: три кругло-конусных с небольшой разницей в диаметре, и два плоских с широким острым листом. Подровнял, отшлифовал наконечники камешком и сделал с них в глине отпечатки. Когда высохнет глина, залить полости расплавленным алюминием и получатся относительно тяжелые «настоящие» наконечники для охоты на оленей и тюленей.

Мясо с грудок всех трех птиц Гарт срезал, обмакнул в морскую воду и положил под мох, в «голодильник», а все четыре птичьих тушки сварил в кастрюле.

Получился густой, жирный «шулюм», который он с непривычки к специфическому запаху, даже не смог одолеть и оставил половину на завтрак.

13. «Утро туманное, утро седое…»

Проснулся Сашка раным-рано от кашля, встал и подновил костры.

Чайки облепили шкуру моржа, как тараканы кусок хлеба.

Рука сжала арбалет, но тут же и разжалась.

Стрелять не моглось, не хотелось.

Не утро, а радость Божия!

Солнышко расплылось в подушку.
На подушке лежало рыжее облако.
Однолетние льдины стали сиреневыми.
Угрюмые скалы стали черно-розовыми.
Бургомистры стали прозрачно-розовыми.
Фиолетовые айсберги стали сине-розовыми.

Триангуляционная вышка стала светло-розовой.
Бревна, доски, мох и песок стали густо-розовыми.
Дальняя двуглавая гора, днем незаметная из-за вечных туманов, тоже скинула одеялко и выгнула к небу упругие вершины, покрытые розовым шелком. На море тихо-тихо. Штиль. Лохматый жгут прибоя спит в глубине. Перышко, оброненное чайкой, – на воде, как на зеркале. Разве бывает ураган? Разве бывает несчастье? Рразве ббывает ббешеный пррибой, рразбивающий скалы, дрробящий камни и перретирающий щщебень в пессок? Нет, не бывает!

«Есть дни, полные свирепого ветра, непроглядного тумана, жестокой обиды и горьких слез. Но все они затмятся одним днем. Вот таким, как сейчас. Волшебным Днем Красоты. Из которого ты будешь черпать силы всю жизнь».

Насмотревшись-налюбовавшись, Гарт выискал среди плавника крепкую жердь, снял штаны и стал расталкивать в стороны льдины в месте своей «высадки» в надежде найти карабин. Подтаявшие льдины легко крошились и рассыпались на длинные прозрачные иглы. За полчаса он пробил себе дорогу к морю и стал месить ногами ил, надеясь таким образом нащупать свое оружие. Не нашел, но зато под конец своих стараний, когда ноги закоченели и стало невмоготу, заметил под краешком льдины что-то серое, вроде как кончик тряпки. И поднял из грязи свою рыбацкую шапочку, связанную руками Сережет!

«Вот спасибки-спасибище, Боженька мой!
Вот спаси-и-ибо тебе, Сереженька моя!
Вот спасибо тебе, внутренний голос!
Больше я эту шапочку не потеряю!
Ни за что, никогда не потеряю!
Гвоздиком к бестолковке прибью!
Нет, гвоздик гладкий, вдруг выскочит.
Длинным толстым шурупом прикручу!
Ай, спасибо-спасибище всем, всем, всем!»
Шапочку Сашка постирал в мягкой воде ручья, повесил сушиться на перекладину треноги и поставил на огонь шулюм: пора завтракать. Доел остатки вчерашнего ужина, и остался на донышке кастрюли самый цимес: жирок и гуща. Достать его своей неловкой деревянной ложкой он не мог, а пить через край не захотел. Хорошо бы сейчас иметь кусочек хлеба! Корочкой жирок собрать, мякишем вымакать, горячим чаем запить. Эх, как не ценим мы иногда простых радостей жизни!

Позавтракав, отправился за оставшимися двумя бочками. Следует так же вырубить из них донышки и сделать себе ведро и миску.

Возле туши моржа было столпотворение. Там хлопотали бургомистры, чайки-моевки, маленькие бесстрашные крачки, поморники, черные вороны и песцы. Вот счастье привалило тундровому народу! Не надо трудиться, жесткую шкуру разгрызать-расклевывать. Но ведь какие бессовестные: никто и спасибо не сказал!

Одно рыжее пятно оказалось бочкой, а второе… вторым была мина! Ржавый железный шар около метра в поперечнике, с отверстием в центре. Гарту уже попадались такие болячки во время странствий по островам архипелага, поэтому он и подходить не стал: никто не знает, что на уме у этой ржавой железяки, снаряженной для убийства.

Бочку он катил, пока не надоело, затем понес на плечах. У домашнего камня с грохотом сбросил ее на землю и тут из кастрюли выскочил и ударился в бега перепуганный вчерашний песец-щенок в куцем своем летнем наряде. Вот прохиндей! Хозяин жирок не вымакал, так он вылизал! Охотник хлопнул в ладоши и напугал песца: ворюга скрылся. А Гарт понес кастрюлю на берег, тщательно ее вымыл и с песочком выдраил.

14. День рожденья
Чтобы выделать шкурки бургомистров, Сашка положил все четыре печенки в деревянную тарелку, взял одну утиную шкурку, тоже снятую чулком и завязал у нее горлышко. Получился небольшой мешочек. Откусывая кусок за куском от птичьей печени, он стал ее тщательно пережевывать и выплевывать жеванину в мешочек. Так он жевал и плевал, пока не сжевал все четыре печени. Эта кашица под действием ферментов слюны начинает бродить. Тогда следует намазать ею подлежащие выделке шкурки и оставить в теплом месте до почти полного высыхания, а потом размять. Такой способ хорош, когда никакой кислоты нет под руками.

Чтобы не так скучно было жевать, Гарт уселся на берегу любоваться пейзажем. Жует, обозревает. И заметил, между прочим, что нерпы много проплывает у берегов. Жаль, нерпа, убитая летом, сразу тонет. Если глубоко – не достать со дна. Срочно нужно плавсредство. Глубину проверить, лодку и карабин достать, а может, и сапоги найдутся.

Закончив жвачное дело, он натянул шкурки на дощечки, мездрой кверху, намазал мездру бурой нажеванной кашицей и поставил болванки сушиться недалеко от костра. Время от времени подходил разминать и вытягивать кожу. Главное – не давать ей пересушиться, а то потрескается, начнет рваться и вся работа насмарку. Затем он сделал пятую царапину на камне и отчаянные свои деньки-денечки посчитал. Шестого августа выехал на остров Ботфорт, рассчитывая пробыть на нем два-три дня. Значит, сегодня десятое. Десятого августа – день рожденья дочери!

«Здравствуй, доченька! Тебе сегодня семь лет. Поздравляю! Из маленького беспомощного существа к двум годам выросла симпатичная, кареглазая девчоночка со своим характером и своими склонностями. Только научившись говорить первые слова, ты уже любила напоминать о себе: брала меня за руку и вскидывала кверху милое пухлое личико:

– Это ля!

В три года научилась вертеться перед зеркалом. Вытащишь из шифоньера мамины наряды, „оденешься“ и спрашиваешь:

– Папа, ля кафиваля?

– Красивая, красивая. Ты самая красивая девочка в мире!

Скоро научилась ты и песенки петь. Перевирала и переделывала на свой детский язык слова, но не мелодию.

– Мы ат души, Минхаузин, тиба погладарим!

Или:

– Ля игалю на галмоське у похозих на еду.

– Доченька! Надо говорить: „у прохожих на виду!“

Но доченька упрямо повторяет:

„…у похозих на еду. К созаленью,

День лождень ю

Только лаз в году!“

– Эх, доченька, попадись мне сейчас хоть кто-нибудь похожий на еду, – как бы я ему камнем засветил!

Дай Боже тебе, доченька, здоровья, разума и хороших учителей!»

День рожденья выдался замечательный. К обеду вдруг комары загудели: это значит, плюс восемь или больше. Сашка надергал из мостика гвоздей и скоб, перетащил поближе к воде найденные ранее бревна и сколотил плот. Верх этого плавсредства он расшил досками, а каждое бревно притянул к соседнему скобой. Получился плотик шириной чуть больше метра – маловато для устойчивости, но нетерпение его было слишком велико. Хотелось скорее осмотреть дно и найти лодку. Когда-то еще будет такая «зеркальная» погода? Не придумав, как прикрепить весла к плоту, он сделал себе из доски двухлопастное весло. И уже хватило ума (или горький опыт стал сказываться?) привязать это весло к плоту. Как Сашка и предполагал, шельф вокруг острова полого уходил вниз, и лишь метрах в тридцати от берега начиналась черная непроглядная глубина. Ни карабина, ни сапог он не заметил, но лодочку свою деревянную нашел сразу. Она лежала оверкиль на глубине около трех метров. Нос ее покоился на каменной плите, корма зарылась в ил. Сашка лег на плотик лицом вниз и стал утопленницу рассматривать: не помяло ли ее льдом, не лежат ли рядом

рюкзак, лопата и топор? Солнышко четко высвечивало все досочки обшивки, все потеки смолы, все гвоздики на заплатках. Лодка выглядела целой. «Достану – в тот же день буду дома!» Отлив стал тихонько относить плотик в море, но Сашка продолжал лежать и смотреть как завороженный. И увидел с левого, мористого борта лодки, петлю лямки рюкзака. Уррря! Вскочил с намерением исполнить танец Зоркого Глаза, но тут увидел, что весло плывет уже метрах в двух от плота – не достать. Нет – достать! Оно же привязано! Достал, похвалил себя и погреб к берегу. Дальнейшее было делом техники: Гарт развел у самой воды костер и поставил рядом с ним свою деревянную миску с пресной водой, чтобы после «водолазных работ» промыть глаза. Если открывать глаза в ледяной морской воде, то в них потом неприятная резь появляется.

Манильский канат Гарт распустил, а концы связал. Получилось метров тридцать тонкой крепкой веревки, которой он притянул плот к скале у воды. Обвязал куском веревки тяжелый камень – получился якорь. Себя Сашка привязал к плоту. Заткнул уши мохом, подгреб к лодке и опустил якорь. Рюкзак, чуть подкопав ил, он достал без проблем. Вытолкнул его на плот и вылез сам. Стал по плотику бегать, по плечам себя хлопать. И опять какой-то вредный дядька заговорил внутри:

«Кончай плясать. Беги греться!»

– Подожду, когда муть уляжется. Потом – еще раз.

«Зачем?»

– Лодку переверну, на киль поставлю. Иначе и воротом не вытащить.

«Забудь про лодку. Ее из ила не вытянешь, старая, трухлявая, только борта изорвешь. О себе подумай: пятый день босиком в тундре. Да будь ты хоть Геракл, когда-то же кончится здоровье!»

Гарт разозлился:

– А я сюда не на прогулку приехал, а путик наладить. Пусть лодке кранты, но в ней лопата и топор. Мой рабочий инструмент. Переверну – достану. И так уже пять дней потерял.

«Еще больше потеряешь! Сейчас же – греться и пить горячее!»

– Во-во! Покомандуй еще! А то я не сам себе хозяин?

Сашка нырнул еще раз: пока есть запал в душе и жар в теле, надо действовать. Нос лодки лежал на скале. Удалось просунуть руки под край борта. Присел, напружинил ноги… «А ну, штангист, рывок!» Но – увы! Лодка лишь чуть шевельнулась.

Все же из чистого упрямства (сколько раз он эту лодку на берегу ворочал как хотел вверх-вниз, слева направо, и за «морду», и по-всякому!) нырнул еще два раза, пытался перевернуть лодку, подхватив ее посредине, пробовал взяться и ближе к корме, но едва не застрял в жидкой грязи, вынырнул уже без воздуха в легких и с трудом отдышался.

«Хватит! Подумай о детях!» У костра Сашка долго стучал зубами и подпрыгивал, придерживая рукой причинное место и удивляясь устройству человеческого организма.

От ледяной воды кожа становится красной и минут на пять-десять такой жар разливается по телу, – хоть спички зажигай! Но важное для каждого мужчины место сжимается в комок и начинает так болеть, что глаза на лоб вылезают. А ведь тоже часть тела твоего. Что же оно-то не прогревается? Но это к слову. А в тот момент Сашка был чрезвычайно доволен. Вновь и вновь поглядывал на расстеленные на камнях спальник и одежду, и не верил своему счастью. В аптечке, в которую он сто лет не заглядывал, были рыболовные крючки и моток лески, катушка ниток с большой «цыганской» иглой, всякого рода пуговицы, ржавые ножнички, гильза от карабина, патрончик от мелкашки, древняя медная монета и кусок грязной ваты. Не хватало только дохлой крысы и одноглазого котенка из книги Марка Твена о Томе Сойере.

В самом низу все же обнаружилось полпачки (пять таблеток) аспирина и столько же от поноса. Репутация тех и других была подмочена пребыванием в морской воде.

Таблеток от кашля, конечно же, не было. Уезжал ведь на три дня. И кашлять не собирался. Ладно… Гарт разложил содержимое аптечки на камни сушиться.

Лепешки и вяленое мясо в целлофановом пакете были целы, дно рюкзака волнующе оттягивали две банки сгущенки, в одном кармашке прощупывалась плитка шоколада, в другом – фальшфейер. Но особенно грела душу походная двухсотграммовая фляжка с питьевым спиртом. Лишь спички совершенно размокли, но огонь ведь был. «Эх! Как же крепко я буду спать этой ночью!» Но сначала – праздновать! Гарт вытащил из «холодильника» все три птичьих грудки, нарезал их мелкими кубиками, добавил нашинкованную полосками морскую капусту, сложил в кастрюлю и поставил на огонь. Пока рагу «ассорти а ля Ботфорт» тушилось на медленном огне, Сашка добавил в соседний костер крепких лиственничных дров. Они дают сильный жар – даже бутылка плавится. В стальную крышку от аптечки он мелко наломал тонкой алюминиевой проволоки и поставил на самый жар. Расплавленный алюминий залил в загодя сделанные в глине «наконечниковые» пустоты. Причем во все три конусные пустоты, в самое острие будущего наконечника, вставил обрубки гвоздей. Получилось пять наконечников. Два простых и три «бронебойных», с гвоздями. Какие будут лучше – покажет время. И еще он сделал себе из бутылки стакан, для чего обмотал бутылку несколькими витками ниток от распотрошенной веревочки, облил этот кружок соляркой и поджег. Прокручивая бутылку в руке, подождал, пока веревочка почти сгорит и резко окунул бутылку в море. Горлышко треснуло и отвалилось. Чтобы не порезаться, заовалил края стакана куском базальта и протер его песком.

Вечером разложил на ящике у костра сушеное мясо и лепешку, кусочек шоколада и сгущенку, водрузил в центр стола фляжку со спиртом и украсил это изобилие букетом из красного лишайника, белого ягеля и зеленых листочков щавеля.

– Твое здоровье, доченька!

15. Заболел

Первые ложки рагу «ассорти а ля сапог» показались очень вкусными, а потом аппетит сразу пропал. И резко сменился отвращением к еде. И сразу какая-то немыслимая тоска навалилась.

Гарт накинул куртку, взял в руки факел и спустился к морю. Великолепное, помидорного цвета, солнышко катилось по горизонту на высоте одной ладони от синей черты и никак не могло на эту черту опуститься. Потому что еще четыре дня. Потому что 14 августа заканчивается на этой широте полярный день. 14-го солнышко впервые чиркнет краешком по горизонту, словно пробуя его на прочность, а уже 17-го уйдет на весь диск. На две недели разольются по тундре немыслимой языческой красоты рассветы-закаты. Затем наступит нормальное чередование дня и ночи, а 29 октября солнышко впервые не покажется над горизонтом, чтобы воскреснуть седьмого февраля.

До начала полярной ночи осталось два с половиной месяца, а ведь еще по многим островкам ловушки не налажены и дров на зиму мало заготовлено. Чтобы собирать и подтаскивать к зимовью дрова, нужна лодка, а она лежит на дне моря. Придется теперь запасной безмоторной лодочкой-«мыльницей» пользоваться, веслами махать.

И еще какое-то нехорошее предчувствие, какое-то предвиденье тяжкого горя вдруг ожило в душе. От него сжималось сердце и прерывалось дыхание, но понять его и назвать по имени он не мог. Отчего так тяжело, будто камнем придавило, из-под которого не выбраться. Как будто никогда больше солнышка не видеть, и это вот солнышко – последнее в его жизни. От чего же так болит душа?

С тяжелой головой и тяжелым сердцем забрался Гарт в спальный мешок и провалился в сон. Но уже через пару часов проснулся от сильнейшего озноба. На теплых досках, в теплом спальнике, в свитере и шерстяных носках его всего колотило как тогда, в первый день босиком на снегу. Это температура поднимается. Вот влип, так влип. Теперь так просто не отделаться… И вспомнился некстати «строительный» анекдот про мастера и нерадивого студента. «У меня жар. Всего трясет!» – утверждает студент, в надежде, что его отпустят в общагу. «Трясет, говоришь? А ну – марш, решето трясти, песок сеять!» Неожиданно Сашка закашлялся, и кашлял сильно, до рвоты. Едва успел вскочить и отбежать в сторону.

Проглотил таблетку аспирина и обильно запил водой. Температура на время действия таблетки понизилась, затем опять полезла вверх. Он выпил еще одну таблетку, и с тем же успехом: через пару часов озноб колотит – хоть к решету становись. Эти

колебания Сашку вымотали, и решил: будь что будет, пусть эта вредная тетка поднимается, сколько ей надо, а там посмотрим.

Дул легкий южный ветер, в небе сияли загнутые крючками перистые облака: «cirrus uncinus». Пока эти львиные когти видны на небе, будет тепло и не будет сильного ветра. В самый раз пройтись по путикам, поправить земляные тумбы, проверить капканы и заменить испорченные колышки на целые. Погода в самый раз. Только ноги не держат.

Льдины на берегу сокращались, как шагреневая кожа. В середине августа наступило лето: в воздухе танцевали комары и гудели оводы. В тундре, среди камней, распустились крошечные синие камнеломки и желтые полярные маки, неожиданно появились, как будто выскочили из-под земли, фиолетовые шары мытника. Все раскрывалось навстречу долгожданному теплу. Все спешило расцвести и дать семя. Тундра, наконец, задышала полной грудью. «Будь же ты вовек благословенно, что пришло процвесть и умереть».

— Цвить-цивить-тюрлю! — Давний знакомый, ярко раскрашенный папа-варакушка, неожиданно появился на камне у изголовья и бодро пропел:

— Ци-ци-вить! Тех-тех, ви-и-вить-вить!

Тут же прилетела и невзрачная жена варакушки, и двое темно-серых желторотых детишек пожаловали.

— Ах, соловушка ты мой! Сохранил семью! Выжили! Вот молодцы! Дать вам еще рыбки?

Гарт надрезал одну полувысохшую рыбку вдоль спины, развернул ее и осторожно подвинул к птицам. Но варакушки не стали клевать угощение. Очевидно, им в этот теплый день хватало насекомых, червей и личинок.

— Так вы поблагодарить прилетели? Очень мило, очень мило, земляки. Весьма тронут. Прилетайте еще. Поговорим.

Прощебетав еще несколько песенок, варакушки улетели к ручью.

Сашка очень приободрился: «Малышня такая выжила под снегом, а ведь им до дому добрых пять тысяч километров. Тебе же, вон, всего пятнадцать. Не вешай носа, — вперед и вверх!» В первую очередь — подумать о завтрашнем дне. Чтобы все было под рукой.

Откашлявшись, а кашель был сухой и жесткий, Гарт побрел на берег за дровами. Бронхит бронхитом, огонь — святое. Сашка брал по одной-две нетолстых дровеняки подмышку, доволакивал их до «дому», бросал у камня и отдыхал.

«Если завтра хуже, вот дрова у меня».

Набрал в бутылку воды: «Вот вода у меня».

У постели чуток сушеной рыбы: «Вот еда у меня».

Снял шкурки с оправок — чуни шить: «Вот обувь у меня».

Из четырех костров два потушил, два подкормил: «Хватит пока».

Под вечер он решил делать стрелы. Выстрогал две и устал. Забрался в спальник и лег. И стал смотреть в небо.

«Зачем мы живем? Зачем мы живем на свете? Зачем, Всевышний, посылаешь Ты нас в этот жестокий мир, не спрашивая, хотим мы того или нет?

Говорят, что человек родится, имея задание от Тебя, которое надо выполнить, и лишь потом можно спокойно уйти. Но всем ли Ты даешь такое задание? Это правда, что многие с раннего детства знают свое призвание, но еще больше таких, которые работают „куда пошлют“, и я такой. На червяка наступить — и то жалко, а я мучаю животных капканами, стреляю в них пулями, ловлю их сетью. Разве это было мне предназначено? Ты же знаешь, Господи, что я и такие, как я, не от злобы это делаем. Мясо и рыба, добытые нами, нужны для поддержания жизни других людей, а

меха – на одежду. Но вот в отношении меня, именно меня, такой ли была Твоя задумка? Хотел ли Ты, чтобы я тратил жизнь свою, отнимая жизнь у животных? Или я Тебя не понял? Или я еще в детстве отстранился и не слышал Тебя? Зачем Ты, Господи, построил мир на крови? Зачем, чтобы жить, надо убивать? Зачем лишь самые крохотные существа получают энергию от Солнца и воды? Остальные, даже лемминг, гусь и олень, живут, убивая живое. Почему Ты не устроил мир так, чтобы все жили от света Солнца?»

Так Сашка говорил с Ним, и с жаром доказывал Ему преимущества однополярного мира перед бинарным. Все превосходства однопартийной системы им вдалбливали и в школе, и в институте. И Сашка пытался в меру сил своих, и в меру жара простудного объяснить их и Ему. Вот если бы Он выбрал немножко времени, ну хоть пару минуточек, чтобы поговорить с ним, заплутавшим сыном Адама, с глазу на глаз, как бы он был счастлив!

16. Тет-а-тет

Вдруг на ящик рядом с ним присел парень в длинной белой рубашке, с широкими крыльями за плечами, а лицом – ну точь-в-точь как Сашка в семнадцать лет. Если это «голос», то, наконец-то представилась возможность его увидеть!

– А скажи, дружок, как тебя зовут? Пора знакомиться.

– Александрос, – ответил «дружок», как ждал.

– А что значит твое имя? Поясни.

– Защитник человеков.

– Хорош защитник! Ни слова, ни намека, что буря идет!

– Мы не властны над погодой. Разумные люди сами знают погоду наперед.

– Благодарю за «шпильку». Но мог бы намекнуть, что лодка затонет, я-то надеялся проскочить прибойную полосу, даже голенища сапог не поднял, их и сорвало. Бегал потом босой.

– Я тоже растерялся. Никогда такого шторма не видал. Но все же подсказал тебе, куда плыть и где вылезть, чтоб о камни не ударило.

– Э-э, нет! Полоску ту песчаную я сам узрел. Никакого «голоса» не припоминаю.

– Ты был в таком состоянии, что действовал по наитию и как бы не слышал меня. Подсознание в таких случаях быстрей сознания. Вспомни же и вторую «калитку». И бензобак от мотора, вытолкнутый как бы случайной льдиной именно в эту прореху в ледяном заборе.

– Хм-м… А песенка про пегого бычка с выходом на арбалет – твоя работа?

– Моя, – не стал отпираться Александрос.

– А сон, как сделать кастрюлю?

– Тоже моя идея. И позволь заметить, что ты не очень-то быстро соображаешь: три раза пришлось по голове постучать.

– Ка-а-кой ты вежливый!

– Себя вспомни. Очень ты был вежлив на плоту? Как аукнется, так и откликнется! – и ангел надул губы, как мальчишка.

– Ишь какой!

– Да уж. Весь в тебя.

– Извини. Я больше не буду.

– Что с тебя взять? Принимается.

— Скажи, а канистра, бочка, морж, сайка — это тоже ты?

— Дохлый морж и рыба тут ни при чем. Бочку ты тоже сам заметил. А вот канистра — да, это я тебе несколько раз повторил: «Посмотри!».

— Спасибо от души. Без этой «шапки» я бы…

— Пустяки. Работа у нас такая… Но ты кой-чего не заметил, за что я тоже жду от тебя спасибо. Благодарность — это та субстанция, которая нам нужна как человекам хлеб.

— Я с некоторых пор чувствую и присутствие твое и подсказки. Арбалет и кастрюля — вот, вроде, и все… Нет, постой! Спасибо, что вывел меня на берег между камней. Подсознание — штука непонятная… Как ты это сделал? Не волю же мою сломал?

— Конечно, нет. Это запрещено. Можно лишь намекнуть. Подсказать. Сослаться на похожий случай. Человек должен сам принимать решения.

— А почему же столько неправильных и даже гибельных для себя решений принимает человек?

— А потому что… видишь, я светлый! — Александрос качнул сияющим белым крылом, — а есть еще черные. Место светлого — справа, место черного — слева.

— Но если ты такой умненький и все тебе заранее известно, то «скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?»

— Не кудесник и не любимец, а всего лишь служебный дух.

— Служебный дух? Меня сейчас очень беспокоит мое здоровье, а ты ведь знаешь будущее. Скажи…

— Не скажу! — с раздражением буркнул Александрос. А Сашка почувствовал нечто вроде злой радости: наконец-то вывел этого красавчика из себя!

— Почему? (Не слезу с него, пока не узнаю!)

— Можешь не верить, но будущее нам известно еще меньше, чем вам.

Гарт крайне изумился:

— Ничего нам не известно! Мы тыкаемся во все углы, как слепые котята.

— Неправда! Ты ведь с утра планируешь день и чем тебе заняться?

— Так.

— И неделю, и месяц, и год, и жизнь ведь планируешь примерно?

— Вот именно, примерно!

— А точнее и нельзя, ты не один на свете. Будущее свое ты каждую секунду куешь из настоящего вместе с Ним: прямо пойдешь — женату быть, направо пойдешь — богату быть, налево пойдешь — убиту быть. А вот наше будущее целиком от вашего зависит. А мое — от твоего. Понял?

— Меньше половины.

— Знаешь, что в тебе самое плохое? Часто ты серьезные вещи в шутку превратить пытаешься. И делаешь это так неумело, что скоморошеством отдает. И сразу… сразу слева от тебя мой недруг возникает. — Он встал и отряхнул рукой свою белую рубаху, как кузнец свой фартук от сажи отряхивает.

— Ну, мне пора!

— Подожди, не сердись, дружок! Что же ты, хранитель, бросаешь меня с температурой и с этим… с недругом оставляешь!

— Молитвы матери охраняют тебя лучше всех ангелов. И черный лишь может кружить вокруг, пока… пока ты сам его не позовешь, — Александрос смотрел прямо на Сашку и глаза его были полны слез, — а мне пора, я существо подневольное. Не понимаете вы, люди, какое это счастье — самому выбирать свой путь!

— Помоги, Александрос! Помоги выздороветь! Не оставляй меня одного, защитник мой!

— Я не волен оставить тебя, даже если б и захотел. Но и мне надо время от времени по своим делам. Я скоро вернусь. Я рядом.

— Скажи, по крайней мере, надо ли пить таблетки?

— Конечно, надо! Нельзя долго терпеть головную боль.

— А потом?

— А потом… Как станешь засыпать, позови (это я, пожалуй, могу тебе сказать) в свой сон Петра, соседа своего. Он всю жизнь в тундре. Опытный. А мне пора.

«А говорил, будущего не знаешь!» — хотел Гарт крикнуть ему вслед, но Александрос неожиданно исчез, как растворился, лишь легкое сияние еще мерцало над старым ящиком у костра.

17. Не храбрый портняжка

Оставшись один, Сашка кинулся проверять аптечку. Осталось две таблетки аспирина, а «поносных», как и было — пять. Сашка хотел их выкинуть, а потом подумал: «Стоп! А вдруг — это самое… к бронхиту еще и диарея привяжется? Не-ет, пусть лежат пока». Никаких таблеток он пить не стал, решив выдержать характер и узнать, сможет ли вообще утром подняться.

Уложив по бревну на обе нодьи, он опять залез в спальник, хорошенько подоткнул мох под бока, прочитал на ночь «Отче Наш», а закончил молитву так: «А теперь, Господи, если есть на то воля Твоя, пусть придет в мой сон Петр Поликарпович Ольховик, мой сосед и коллега. Поговорить надо. Аминь». Но заснуть не смог. Кашель душил его. И сильно душил. При каждом приступе, казалось, голова лопнет. Пришлось нарушить слово и выпить таблетку аспирина. Головная боль уменьшилась, но кашель все также разрывал легкие.

Убедившись, что заснуть не удастся, Сашка решил приняться за чуни. Покрутил шкурки в руках, еще раз промял их и примерил на ноги — годится! А шить там всего ничего: три-четыре стежка в носке, бывшее птичье горло затянуть, да завязочки пришить. Долго, по стежку-стежочку шил он эти галоши-тапочки. Когда стали готовы, положил в них стельки из сухого мха — красота, а не лапти!

Прошелся в них у костра — слишком мягкие, каждый камешек стопа чувствует. Тогда опять обул свои деревянные сандалии и привязал их к ногам. Вот теперь — самое то! Опробовал новую обувь прогулкой к ручью. Постирал свои носки-рукава и повесил их на колышек у костра. Высохнут — на место пришить.

Давно уже подметил Сашка: всякое посильное занятие отвлекает от мрачных мыслей. Когда не лежишь, а сидишь или ходишь, кашель не так мучает.

Под утро, когда солнышко явственно пошло вверх, он тоже подтянул постель повыше и попытался заснуть в положении сидя, но только смежил веки, как обратил внимание на возмущенные крики чаек, все еще пировавших на моржовой шкуре недалеко от бивака. «„Босой“, что ли?» — охотник выглянул из-за камня. Шкуру с увлечением теребили медведица и два медвежонка. «Босая» пыталась отгрызть кусок от толстой роговой пластины, в которую за эти дни превратилась и без того жесткая кожа моржа, а малыши просто лизали то, что им осталось от чаек, совсем как собаки вылизывают тарелку. Гарт взял в руки дымящуюся головню и поднялся над камнем:

— Эй, мамаша! Не наевшись — не налижешься! Во-он там целый моржина на берегу лежит. Бегите скорее, а то чайки расклюют!

Медведица зашипела и стала задом-задом пятиться прочь от шкуры, от охотника, от костра, совсем как охотник недавно пятился задом от толстого «босого рыбака».

Медвежата, совсем еще маленькие, с собаку величиной, повторили все действия матери. Припадая на передние лапы, кланяясь и шипя в сторону человека, вся троица стала удаляться.

Как ведут себя бурые медведи при встрече с человеком, Сашка знал из книг, самому не приходилось видеть близко бурого мишку, а белые медведи, завидев поблизости человека, шипят как гуси, только сильнее. На метеостанции их отпугивали огнетушителем. Или направляли на них шипящую струю воздуха из шланга компрессора.

Даже здоровенные медведи тут же удирают. Наверное, в медвежьем разуме уложилось: кто громче шипит, тот и сильнее и сейчас как врежет леща!

А сейчас Гарт смотрел на эту дикую семейку и было ему жаль, что она так быстро уходит. Три черных носа, шесть черных глаз, желтоватые шубы, зеленый мох. Красные лишайники, белые чайки, небо и солнце. Рокуэлла Кента сюда поскорей! «Как жаль, что я не родился художником! Но с получки обязательно куплю фотоаппарат!»

Откланявшись, «босые» побежали, но медведица вдруг остановилась и стала возбужденно водить носом, сразу забыв и про человека и про жесткую несъедобную шкуру. Еще пара секунд, и она взяла направление. Теперь ее бег принял целеустремленность и красоту, а все тело вытянулось навстречу запаху еды. Медвежата не поспевали за матерью, но спешили изо всех сил. Давай, давай, мамаша! Там еще много осталось, хватит вам на троих. Улыбаясь про себя, Сашка забрался в спальник, устроил изголовье повыше и так, полусидя, заснул. И сразу увидел соседа. Старый охотник Петр Поликарпович Ольховик приехал в гости. И вроде как они пьют чай и обсуждают свои дела охотничьи, и как бороться с простудой, если вдруг что. Прозвучали слова «золотой корень», но тут Гарт закашлялся и проснулся.

18. Сосед

Подновив костры, он отколол от доски несколько толстых щепок, забрался в спальник, прислонился спиной к камню и принялся выстругивать стрелы. И стал вспоминать.

…Полукарпыч приехал к нему в гости, как только установился надежный снежный покров. Он предупредил соседа по рации, и Сашка успел сварить душистый наваристый суп из оленьей грудинки и напечь пышек на соде. Гарт знал, с какой стороны должна появиться упряжка Полукарпыча, и часто выходил смотреть. Нетерпение было так велико, что он даже на крышу залезал. С крыши и заметил. По тундре скользила живая черточка. Как будто черной ниткой белый носок штопаешь и потихонечку, равномерно ее по ткани протягиваешь.

Через час он уже встречал гостей. Каюр, высокий мужчина на копыльях позади саней, с размаху всадил остол (палку с железным наконечником) в мерзлый грунт: «Р-р-ру!» Псы остановились и легли. Таймыр не зло, для порядку, облаял вновь прибывших. Вожак упряжки, крупный, широкогрудый пес, так же ответил. Гарт прикрикнул на Таймыра:

— Фу!

Каюр скомандовал вожаку:

— Сидеть, Облак! Тихо!

— Здоров, соседко! — и взмахнул рукой.

«Соседко» он произнес невнятно. Можно было понять и как «соседка». Это Гарту не понравилось, но промолчал. Он потихоньку разглядывал старого охотника.

Пожилой сероглазый мужчина в валенках и не с карабином, а со снайперской винтовкой СВД за плечами. Он привязал вожака за ошейник к столбу, раскрыл мешок на санях и дал каждой собаке, начиная с вожака, по куску черного мяса, наверное, моржатины.

— Облак! Тайга! Туча! Иртыш! Алдан! Чара! Ярик! Дубок!.. Какой важный собака! — заявил он вдруг и шагнул к Таймыру с намерением погладить его, но Таймыр зарычал

и отошел в сторону.

— Правильный собака. Кличешь как?

— Таймыр, — ответил Гарт неохотно. Настроение у него моментально испортилось. Сашка ждал, что Полукарпыч, о котором он был наслышан как о приветливом и доброжелательном человеке, сейчас назовет свое имя и спросит имя соседа, а он начал с собаки.

— Правильна кличка! Ни колдун-ведьма не возьмет, ни лихоманка не пристанет. Че ж упряжку не заводишь, коли знаток?

— Не знаток. Я технарь. Проходите, чайковать будем.

Гарт был в полной растерянности. Этот живущий на краю земли мужчина утверждал то же самое, что и его отец, колхозный пастух. Собакам нельзя давать имена людей, но нельзя их называть и «простыми» кличками типа Бобик, Тузик, Шарик, Полкан. Такую собаку легко «испортить», наслать на нее болезнь или увести. Называть собак следует именами, над которыми «глазливый» человек не властен. Например, по названию реки, горы, горного хребта, отдельного дерева или лесного массива, острова, полуострова, моря, океана или природного явления и т. д. Все эти слова обозначают сотворенное Богом. А над творением Божьим колдуны не властны.

Пастушеская собака его отца была беспородной дворняжкой, но носила гордую кличку Вассер (Вода). О такую кличку любая ведьма себе зубы обломает. Но, честно признаться, Сашка знавал множество всяких тузиков и шариков, которые доживали до глубокой старости и ни разу не были заколдованы колдунами, уязвлены ведьмой или уведены вором. Впрочем, вышеуказанные категории граждан в его родной деревне и не проживали. Все были нормальные, лояльные, законопослушные советско-колхозные люди.

Интересно другое: родители Александра Гарта — потомки немцев-переселенцев, переехавших из Германии в Россию примерно десять поколений тому назад. Эти переселенцы, разумеется, и веру, и суеверия свои привезли. Но как получилось, что и немцы, и русские имеют одинаковые суеверия касательно собак? Не отголосок ли это обычаев древнего индоевропейского племени, из которого потом выделились кельты, германцы и славяне?

Пока Сашка хлопотал по хозяйству и «метал» на стол все, что было в печи, Полукарпыч продолжал разглагольствовать о собаках трескучим тенором, совершенно не подходившим к его высокой крепкой фигуре. Он так и не сделал попытки представиться или назвать свое имя.

Сашка уже имел не один случай убедиться, что многие охотники — люди со странностями, но вот такое… Наконец, он догадался глянуть гостю в глаза и увидел пляшущие там озорные огоньки. Мужик развлекался.

«Ах, так! Ну, держись, сосед!»

Улучив просвет в монологе Полукарпыча, Гарт обратил его внимание на свой обеденный стол и стал расхваливать его на все лады. Дескать, он родной брат тому самому столу, что стоит в трапезной римского папы, и на котором пьются изысканнейшие вина и едятся вкуснейшие яства. А получил Гарт его как презент от кардинала Болтанелли, с которым некогда вместе учился в школе, но который оказался сыном итальянскоподданного и рванул за бугор. Что же касается собак, то кардинал предпочитает пекинесов. Самый пекинессейший из пекинесов частенько ходил гулять под этот стол, и если принюхаться к правой передней ножке, то еще можно уловить запах его благородной мочи.

— Благородная, гришь? — прервал его гость. Коротко глянул на хозяина и заявил:

— А ведь ты шельма!

— Не шельмей некоторых!

Полукарпыч рассмеялся, протянул Сашке руку и присел к столу. Два охотника-соседа плотно пообедали и выпили по сто граммов спирта из запасов хозяина. Но когда Гарт потянулся налить по второй, Полукарпыч заявил:

— Хорош. Привыкать к ему, а надо оно?

Ну и ну! Выпив первую, отказаться от второй? Но бутылку Гарт убрал.

И магазинный чай Полукарпыч отказался пить, а достал из кармана холщовый мешочек, высыпал из него в эмалированную кружку несколько корешков и залил кипятком.

— Пробуй!

Настой был вкусным и отдавал приятным конфетным запахом.

— Что за трава?

— Золотой корень. Ото всех болезнев помогат. Лутше него тока оленья кровь. Свежа, горяча, как есть.

Сашка стал расспрашивать и выяснил, что золотой корень растет по каменистым осыпям и на этих широтах, правда, не вырастает таким крупным, как в тайге. А оленя нельзя гнать или преследовать. Умереть он должен в одну секунду. То есть от пули в голову или в шею. Только «не испуганная кровь» целебна. «От цинги, от жара, от живота помогат и кости быстрей срастаютца».

Отвар оленьей грудинки — лекарство от простуды, а нутряной жир — от больной спины. Раньше так и лечились, не было ни таблеток, ни аптечек, ни раций, без которых сейчас в тундру не выпустят.

В этот вечер, за неспешной беседой, Гарт узнал много нового, обогатился опытом повидавшего тундровую жизнь человека. Особенно запомнился ему такой совет:

— В хороший год не клади по многу капканов, пес везде идет, любу приваду берет. Убей быка тонного, запах от него. Поруби на куски, обваляй в снегу и водой полей, штабы не так легко ему грызть было. Да снегу гору навали, пусть лазит, ходы делат, пес это любит. Капканы с толком раскидай, штабы на вытянутой цепке один другова не доставал. Штук пять-шесть будет, когда и семь. Кажный день проверяй, по стока-ту штук снимать бушь. Живые ишшо. Убил, дома в момент «шубу» скинул. Тепла тушка — не мерзлая, быстрей и ловчей. Таких оленев вдоль бережку раскидай, где вода под рукой, — до Нового года план твой. С конца декабрю станет мало его. Кочевник он, разбегатца. Да и повыдушат люди наши. В конце февралю возвертатца начнет, но уже меньше его. Куды как меньше и сторожкой станет, опасаетца железа, нейдет в капкан, и некогда ему: гон. А тама и сезону конец. Кто успел, тот взял.

Утром, провожая Петра Поликарповича, Гарт кивнул на винтовку, оптика на которой была заботливо прикрыта колпачками:

— А я не люблю зимой со стеклами. Дохнул — иней. Пока протрешь, олени ушли.

— Аккуратней дыши, — усмехнулся Полукарпыч, и добавил озабоченно: — Волк на путик пошел. Пугаю, а то в длинну ночь даст прикурить. У тебя-то как?

— Не видал пока.

— Ну, и не дай Бог. А то всю работу спортят.

Пока Полукарпыч разворачивал нарты и приводил в порядок собачьи алыки-постромки, Сашка успел разглядеть, как его сосед пугает своих врагов. Насмерть «испуганная» волчья морда скалила желтые клыки из-под небрежно накинутого на тушу куска парусины.

Сашка долго смотрел упряжке вслед. Ольховик получил прозвище «Полукарпыч» не от созвучия с отчеством своим. А потому, что никогда больше половины плана не давал. Зато каждый год. Даже когда песца в тундре — шаром покати. Откладывал, очевидно, на черный день, а потом сдавал. Поди докажи, когда взято. Если правильно обработанная шкурка год-два в холоде пролежала, — от свежей не отличить.

Начальство его за это не любило, но Полукарпыч мало беспокоился.

— А что они меня — уволят? Я тридцать лет тута. За войну — три «Славы» и ранение. А ну-ко?

У этого человека, говорили Гарту охотники, есть брат-погодок, Михаил Поликарпович. Но не ужились братья. До ссоры доходило, до драки, карабин друг от друга прятали. И разъехались. Свое решение и тот и другой объяснили начальству так:

— Он все неправильно делат!

Михаил взял зимовку в тундре, Петр — на побережье. Говорят, ростом, ухваткой, отношением к людям — во всем они разные. Но голоса до того похожи — по рации не отличить.

Сашка Гарт вырос в дружбе со своими сестрами и братьями, вражда между родными была ему вчуже и напоминала историю про Каина и Авеля.

19. Черныш, Малыш и стрелы

Когда стрелы были вчерне готовы, Сашка выгладил их острым куском обсидиана, расщепил хвосты и вставил в расщепы не перья, а тонкие деревянные пластины, которые закрепил нитками. Противоположные концы он подстрогал под каждый наконечник отдельно, обмазал у костра горячей древесной смолой и насадил наконечники. Получилось пять стрел. Из них две простые, а три с куском гвоздя в острие. На эту работу ушло два дня. Или три. Сашка забыл делать черточки на камне, а когда опять стал их делать, никак не мог вспомнить, сколько же дней он не царапал камень, и сделал две черты.

Когда становилось темно перед глазами и нож и деревяшки падали из рук, Сашка поворачивался так, чтобы солнышко светило в лицо, и просто лежал, впитывая свет. Почему-то очень важно было чувствовать кожей свет. Если было совсем невмоготу — пил воду.

Чайки привыкли к его лежачему положению и перестали кричать. Лемминги стали шуршать у самых ног. Черный ворон повадился каркать, пролетая над костром. Песец в черно-бурой летней шубке, наверное, тот самый воришка, стал подходить близко и тявкать.

— Что, Черныш, кушать хотца? — спросил у него Сашка.

— Вау! — ответил Черныш.

— Погоди, сейчас! — стараясь не делать резких движений, Сашка достал из кастрюли кусочек недоеденного рагу «ассорти а ля Ботфорт» и кинул Чернышу под ноги.

Песец отскочил, но потом осторожно, не сводя с человека настороженного взгляда круглых желтых глаз, подкрался, схватил кусочек и убежал. Буквально через десяток секунд появился вновь. На этот раз он не тявкал, а лишь выжидательно смотрел на человека и облизывался. Сашка кинул ему еще кусочек рагу. Черныш съел его «не отходя от кассы» и снова облизнулся. Сашка кинул ему сушеную рыбку. Но так, чтобы она упала неподалеку. После некоторых колебаний, Черныш рыбку рывком подобрал. Проглотил и подошел поближе. Вскоре он уже брал у Сашки еду из рук. Осторожно брал, самым кончиком остренькой мордочки прикасался, быстро хватал и убегал.

— Черныш, а ты не лопнешь? — Гарт медленно поднялся со своего ложа. Он скормил этому верткому щенку полкило мяса и с десяток рыбок, а тот все еще попрошайничал.

Проследив за песцом, Гарт увидел, что он давно уже набил брюхо и теперь просто закапывает подачки в мох. Метрах в тридцати, за небольшим камнем. Запас делает. Нимало не смущаясь тем, что человек все видит.

— Ах ты, жулик! Пока то не съешь, больше не получишь!

Черныш еще долго танцевал в трех метрах от Гарта, но убедившись, что подачек больше не будет, скрылся.

И еще Гарт прикормил лемминга. Несколько этих бесхвостых красноватых мышей то и дело шмыгали по своим дорожкам у самых ног, затем один лемминг осмелел, подобрался поближе, схватил лапками рыбку и стал ее поедать, быстро-быстро шевеля усатой мордашкой. Это было очень забавно.

— Малыш, ты же вегетарианец, нельзя тебе рыбу!

Малыш бросил рыбку и юркнул под мох, но спустя мгновение появился снова и стал это лакомство доедать. Наверное, соль нужна всем живым существам и тундровые мыши тут не исключение.

Гарт осторожно убрал оставшуюся рыбу и положил на мох кусочек шоколада. И шоколад пришелся ко двору. И он был съеден с завидной скоростью. Тогда Гарт положил махонький кусочек на ладонь. Малыш без страха взобрался на ладонь и кусочек съел.

— Хватит, а то живот заболит!

Малыш покрутился, покрутился на горячей от жара ладони, свернулся калачиком и закрыл глаза: «Поели, теперь можно и поспать!»

Сашка держал его так, пока не устала рука, а потом осторожно стряхнул на мох возле лемминговой дорожки. Малыш понял и побежал домой.

Сашка же не мог ничего есть, хотя и понимал, что надо. На второй (или третий) день закончились топливо. Он поднялся и побрел за дровами. И понял, насколько ослаб: стоило наклониться, и в голове раздавался звон, а перед глазами разливалась темень. Это его очень испугало, и он через силу съел кусочек черствой лепешки, и запил водой. Эх, как нужен сейчас горячий, свежий олений бульон!

Штаны опять стали спадать. Веревочку все туже подтягивал. Кашель и жар как прописались в охотнике, но последняя таблетка, как последний патрон — на крайний случай.

Что следовало делать, Гарт знал. Но о том, чтобы идти в тундру, ползти, скрадывать оленей, и думать не хотелось. Его мир ужался до двадцати шагов в одну сторону: от костра к берегу, и до ста шагов в другую сторону: от костра к ручью.

— Александрос, ты где? — крикнул Гарт в отчаянии. Но не услышал ответа, хотя чувствовал его присутствие ангела рядом.

«Вот! Защитничек! Как болтать-рассусоливать, так пожалуйста, а как помочь — не дозовешься! Еще день-два и задушит меня бронхит».

Гарт разозлился, обул свои птичьи чуни и сказал себе так: «Пока можешь ходить, — ходи. И сейчас же ты, чудо в перьях, пойдешь и проверишь оружие. А потом — на охоту! Пусть суждено твоим косточкам остаться на этом острове, но не скажет о тебе твой сын, что отец его умер раньше смерти».

Охотник воткнул в песок обломок доски-дюймовки, отсчитал двадцать шагов и выстрелил в нее стрелой с «бронебойным» наконечником. Промахнулся. Но со второго раза, стреляя с колена, попал. Стрела не пробила доску, но расколола ее. Годится.

20. На охоте

Утром Гарт выпил последнюю таблетку аспирина, выбрал себе крепкую палку-посох и с тремя стрелами у пояса вышел в направлении триангуляционной вышки. Южный ветер стих, грядет перемена, надо осмотреться.

Оленей он увидел сразу километрах в двух от него. Они двигались от моря вглубь острова по направлению к проливу между островом и материком. Олени всегда идут против ветра, а он поменялся на северо-восточный, или по-местному, на хиус. После южака хиус обязательно наносит туман. И он уже надвигался. Темно-серое облако широким языком пересекало пролив. Выйди Гарт на полчаса позже — не увидел бы оленей. Но увидел, и глаза враз стали зоркими, а ноги — крепкими. Вот и шанс! Может, последний. Гарт отбросил посох и стал скрадывать табунок так, чтобы быть

под прямым углом к ветру. Когда накатил туман, он был уже в двухстах метрах от стада и не боялся упустить его из виду. Еще через час он подобрался на сто шагов и стал осторожнее. Кашлял Сашка теперь, зарывшись лицом в мох, и это было тяжело до удушья. Будь у него карабин, уже можно было стрелять без опасения промахнуться, но предстояло подползти на двадцать шагов. А лучше – на десять.

Олень – жвачное животное и не может все время пастись. Треть своего времени он проводит, пережевывая проглоченное ранее, совсем как корова или овца. Для этого важного дела олени ложатся. Правда, редко всем стадом. Обычно одна из старых важенок продолжает пастись и время от времени вскидывает голову, обозревая окрестности.

На этот раз табунок улегся жевать жвачку в долине небольшого ручья. Гарт выполз на крутой берег и оказался шагах в тридцати от переднего жевуна, крупного быка с мощными красивыми пантами на которых уже стала лопаться шкурка, высвобождая молодые, покрытые липкой черной кровью рога.

Для маскировки Сашка вырвал несколько кустиков тундровых злаков и поместил их перед своей головой. С корней посыпались комочки земли, он невольно стал их рассматривать и увидел, что в них кишит жизнь. Какие-то насекомые с блестящими крылышками и без них, крохотные личинки или куколки, пузатенькие жучки-червячки, тоненькие многоножки-сороконожки и разноцветные живые ниточки стали разбегаться-разбредаться в стороны и карабкаться вверх, к свету.

«Всегда занимали тебя тайны в мудрых книгах и научных журналах, и никогда не глянул ты себе под ноги. А тайна – вот она! Два месяца живет этот жучок-червячок, затем на десять месяцев замерзает до неотличимости от камня, а потом оттает, даст потомство, и замерзнет вновь, чтобы через положенное время возродиться. А ты – большое сильное существо, но стоит тебе замерзнуть – и ты умрешь. Почему такая никому не нужная крохотулька не боится мороза, чуть почувствует тепло – оживает, а „царя природы“ холод убивает навсегда? Почему Творец решил сделать так, а не иначе? Почему такое чудо проскочило мимо внимания биологов?»

Долго пролежал Сашка, размышляя о том, как дивно устроен мир, дышал в мох перед собой, и кашель (о, радость!) не тревожил его.

Когда олени опять пошли пастись, он «положил глаз» на того быка и с расстояния около десяти метров прицелился ему в лоб, чуть ниже основания рогов.

От бронхита помогает только «неиспуганная» оленья кровь, утверждал Полукарпыч. Животное должно умереть мгновенно, не успев осознать своей гибели.

Вдох. Медленный выдох.

Щелчок тетивы, свист, – удар!

Олень подпрыгнул и завалился набок.

Гарт подбежал и ножом перехватил ему горло.

Закон природы: один не умрет – другой не проживет!

Потоком хлынула кровь, и Сашка пил ее, горячую, горстями. Никогда до этого он не пил оленьей крови, а тут – как с ума сошел. Пил захлебываясь, и пил еще.

Черный ворон, я не твой!

Наконец, с последними ударами оленьего сердца прекратились и толчки крови из раны. Сашка привалился спиной к теплому оленьему брюху, раскинул руки-ноги в стороны и заснул, а может, сознание потерял.

Пролежал он так недолго. Пришел в себя от резкого крика ворона, вскочил и осмотрелся. Птица сидела на камне неподалеку неподвижно, как изваяние. «Оголодал земляк? Нетерпится? Погоди чуток, и тебе достанется». Сашка сделал надрезы на туше, чтобы снять шкуру. Но вдруг вспомнил, что давал себе обещание жить по велению разума, а не по хотению сердца, вернулся на берег ручья, принес арбалет и положил рядом. «Босой» – что акула. Молекулу чует.

Освежевав добычу, охотник вырезал хороший кусок мякоти из ляжки и бросил ворону, а тушу расчленил на части и разложил их на мху, чтобы мясо заветрилось. Закончив работу, съел кусок печени, заедая солеными комками свернувшейся крови из рассеченного оленьего сердца. Сырая оленья печень на вкус как свежевзбитое сливочное масло, ее много не съешь.

Туман по-прежнему то накатывал густой волной, то чуть расходился. Надо спешить. Начнется морось и погасит костры.

Гарт уложил часть мяса в рюкзак, а все остальное собрал в кучу и прикрыл шкурой от чаек. Но только взялся за лямки – каркнул ворон.

Сашка вскинул голову. На берегу напротив появился дракон. Четыре волчьих головы: крупная и три поменьше. Так не бывает! Где пятая?

Парень резко повернулся. Позади него стоял матерый и вбирал запахи. До него было шагов двадцать.

Окружили!

Охотника обложили!

Обошли по всем правилам!

Вот когда Гарт пожалел, что он не двуликий Янус и не может одновременно смотреть и вперед и назад. И в одной рубашке перед волками. Чтобы не испачкать куртку кровью, он снял ее и бросил рядом. На куртке капюшон. Накинуть – хоть какая-то защита, а так, если прыгнет сзади, сразу клыки в затылок.

Черная волна древней пещерной ярости накатила на человека. Тело вросло в землю, мышцы напряглись, нож стал продолжением руки, а зубов махом выросло штук сто, острых как шилья.

– Не отдам! – зарычал он. – Сами добывайте! – и повторил это заклинание несколько раз.

«Четырехголовый» замер: он внимательно слушал. Матерый сзади скалил зубы, казалось, он смеется.

Охотник медленно, без резких движений, надел куртку и поднял капюшон. Та-ак! Чтобы привести примитивный арбалет в боевое положение, надо опустить его вниз, наклониться, стать ногами на лук и потянуть тетиву руками-ногами-спиной, пока на крючок не западет.

Это секунд пять-шесть. Захотят, за это время в клочья разорвут. Но волки не тронулись с места. С арбалетом у груди Гарт стал пятиться назад, на противоположный берег ручейка, и пятился до тех пор, пока в поле зрения не попал и «сам». Неприятно иметь врага за спиной.

– А ну, пошел, пошел отсюда, если шкура дорога! – охотник шагнул навстречу волку и поднял арбалет к плечу, – ты стрелу получишь, мамка твоя – нож, а малых ногами раскидаю!

Матерый мягко прыгнул в сторону, сделал большую дугу и присоединился к своему семейству на том берегу ручья.

С оружием наготове Гарт пошел на них, выкрикивая короткие злые слова. Но не успел он поравняться с рюкзаком, как волки растворились в тумане. Гарт опустил арбалет и увидел, что он пустой! Обронил стрелу? Нет. Две висели на поясе, одна торчала в голове оленя. Забы-ы-л положить стрелу в желоб! Ну, не осёл ли? Сашка коротко рассмеялся, затем стал смеяться все сильнее и никак не мог остановиться, а потом смех перешел в кашель.

В другой кашель.

В щадящий больные бронхи.

В такой, от которого мокрота отходит.

Охотник отнес рюкзак «домой» и вернулся с волокушей. Перетащил к огню все до косточки, даже ноги, голову и толстый сизый шар оленьего желудка. И все это время кашлял. И плевался, как верблюд. И устраивал передышки. Ужас, сколько гадкой липкой слизи в легких больного человека!

Мясо он отделил от костей и уложил в яму, выстланную мохом. В другую яму уложил кости, в третью – жир: олень был очень жирный.

Затем Гарт вскрыл олений желудок, намазал его зеленым пахучим содержимым оленью шкуру, сложил ее конвертиком и прикрыл сверху плащом. Пусть ферменты работают, шкуру выделывают.

Над островом стоял туман и сыпала мелкая бесконечная морось. Устал Гарт, как пес, до боли в сердце. Куртка и штаны на нем промокли, но запасная рубашка, свитер, пуловер, носки и спальник, загодя уложенные в поваленную набок бочку, остались сухими. А вот и суп в кастрюле поспел! Сашка забрался в бочку, покрутился, устраиваясь, – ноги наружу торчат. Тогда он пристроил на бочку найденную ранее бамбуковую лодочку вверх килем, прикрыл ее днище пленкой из «поленоэтилена» и придавил жердями. В бочке он постелил брезент и свитер, сверху – спальник. Наложил себе дымящегося мяса в деревянное блюдо, налил бульона в бутылочный стакан, прикрыл костры досками и залез в бочку. В тесноте – не в обиде. «Диоген жил в бочке, мне просто переждать». Но еда не шла. Не хотелось, не жевалось, не моглось. Зато выпил стакан горячего душистого бульона. И второй. И с каждым глотком, с каждой каплей испарины чувствовал, как болезнь уходит из тела. И заснул. Проснулся, поел холодного мяса с белыми корочками жира на нем и заснул опять.

21. Подружились

«Белый шум» – древнейший из шумов земли. Так шумит волна, трава, ручей, дождь, рожь, лес. Крепко спится, хорошо работается, легко думается под белый шум.

Сашка слушал дождь. То барабанит, то отстанет, то совсем перестанет. А он под крышей. Тепло и сухо. Но что это за скрежет такой врезается в белый шум. Будто крыса под полом у самых ног. Сашка приподнялся на локтях и глянул.

В полуметре от него пристроился на мху Черныш. Его темная шубка блестела от влаги, но лег он так, что вода с крыши стекала стороной, а сам он оставался сухим. Охотник мысленно похвалил зверька за сообразительность. Но чем он там занимается? Присмотрелся – батюшки! Да он же переднюю ляжку оленью грызет! Достал из ямы кость, на которой еще довольно мяса оставалось, спрятался от дождя под крышей, и уплетает ворованное на глазах у хозяина! Ну, не нахал ли? Гарт сначала хотел песца шуганутъ, но потом постыдился животное под холодный дождь выгонять, да и учили в школе, что чувство частной собственности – суть вредный пережиток капитализма.

Пора было вставать по своим делам. Как он ни осторожничал, вылезая из бочко-лодки, Черныш все же выскочил. Отбежал в сторонку и стал за человеком наблюдать.

– Не убегай, Черныш. Учись. Смотри, как люди живут!

Сашка был рад этому любопытному щенку. Ему не хватало Таймыра, с которым он привык разговаривать, как с младшим братом. Гарт быстренько сдернул плащ со сложенной конвертиком оленьей шкуры, накинул его на плечи и занялся кострами. Дальний совсем потух, над ближним, прикрытым обгорелыми досками, чуть вился белесый пар. Снова разжег костры, и поставил на ближний кастрюлю с олениной.

Черныш появился с подветренной от кастрюли стороны и стал принюхиваться. Но вдруг насторожился, поднял ушки топориком и прислушался.

Затем резко подпрыгнул и ударил обеими передними лапками по мху. Из-под лап выскочил лемминг и бросился по леммингoвой дорожке наутек.

Песец в два прыжка настиг лемминга, но схватить его не успел. Мышь круто развернулась, села на задние лапки, упираясь в утоптанную дорожку куцым хвостиком, и резко засвистела, ощерив острые желтые резцы. Песец несколько

мгновений смотрел на мышь сверху, и так и сяк наклоняя голову. Потом вдруг мгновенным движением схватил лемминга передними зубами за шиворот и подбросил кверху. Мышь закувыркалась в воздухе, песец опять с чрезвьиайной быстротой ухватил ее резцами, с треском раскусил голову и проглотил.

– Ловок! – заметил Гарт. – Но зачем такая долгая прелюдия и сложные пируэты? Не проще ли догнать и тут же, без долгих разговоров, съесть?

– Вау! (Ты же видел, как они чувствуют дистанцию. Тут же разворачиваются и готовы вцепиться тебе в губу! А кусаются пребольно!)

– Леммингу сверху еще удобней кусаться!

– Вау! (Нисколько! У него от кульбитов в голове пертурбация: не сообразит, где верх, где низ. Тут уж не зевай – голову ему прокуси. А то в язык вцепится. Больно – ужас как!)

– Какие ты слова знаешь интересные… Где учился-то?

– Вау! (Мама с папой учили и на примере показывали. А вы, люди, разве не таким способом мышей едите?)

– Признаюсь по секрету: мы вообще мышей не едим!

– Вау! (Это почему же? Вкуснее жирного мыши́ нет ничего на свете!)

– Н-ну… видишь ли… у нас несколько иное представление о том, что вкусно и что нет.

– Вау! (Уже заметил. Нет, чтобы мясо сырым съесть, вы его сначала нагреваете, а когда оно всякий вкус потеряет и станет как тряпка, тогда едите. Непонятно все это, не по-нашему.)

– Уважаемый Черныш! Я постараюсь донести до своего народа все способы охоты и манеру жизни твоего народа. А пока держи кусок сырого мяса. И спасибо за урок!

А тут и дождь перестал. Сквозь разрывы в облаках стало видно синеву.

Боже мой, какая радость!

Какая это радость – синее небо!

Даже клочок синего неба – какая это радость!

Нельзя жить без неба. Глаза сами вверх тянутся. За ними душа.

Небо – это вечное утро. Кто, глядя на небо, не вспомнил детство свое?

Далекие предки Гарта, первые охотники, наверное, так думали:

«Вон там облака. За облаками – вечная синева.

А за синевой – тоже все на крови?

На боли, на горечи стоит»?

Черныш уже без страха забрался под крышу и принялся с увлечением грызть кость. А Сашка почувствовал прилив силы в душе. Опять он хозяин. Опять есть у него домашнее животное, о котором надо заботиться, и которое даст знать о приближении врага. Кстати о врагах: арбалет-то под дождем оставил! Тетива на нем намокла и провисла – не выстрелить! Вот разгильдяй, так разгильдяй! А если «босой» появится, опять в него головнями швырять? Крайне недовольный собой, Сашка подсунул свое оружие поближе к струе дыма: часа через два-три опять будет в норме. Тут закипел олений бульон в кастрюле и охотник сел завтракать. Не завтрак, а пир! Есть хлеб. И лепешка на соде. «Вот ты, Черныш, утверждаешь, что самая вкуснятина – это толстый, жирный лемминг. А по мне так ничего нет вкуснее горячего оленьего бульона с черствой лепешкой!»

— Хочешь кусочек? — сказал Сашка Александросу с набитым ртом.

— Опять дразнишься? Ты лучше вспомни, какой ветер дул в те три дня, пока ты болел.

— Три? На мой счет — два.

— На мой — три. Ветер вспомнил?

— Как не вспомнить! Южак. И теплынь была — оводы и трясогузки появились.

— Оводы нам ни к чему. Южак — это на полрумба круче к берегу волны ложатся, по-другому ил-песок намывают. И размывают.

— Что-то не врублюсь… при чем тут «размывают»?

— Вот. А обижаешься, когда тебе на позднее зажигание указывают!

— Но-но, полегче! А тупице пальцем покажи!

— Ты на берег давно ходил?

— Вчера. Воду брал, в суп добавить.

— И ничего не заметил?

— Заметил. Лед растаял.

— Глазастый, прям страсть… А подо льдом ты ничего не оставил?

— А-а-а! — кусок застрял у Сашки в горле, — кормилец мой!

— Я думаю, не мешало бы глянуть.

— Спасибо, Сашок, бегу!

22. Карабин

Плотик качался на легкой волне у самого берега. Гарт скинул с ног свои «птичьи перья» и сиганул на влажные бревна. Пара гребков веслом — и вот он камень, за который он ухватился тогда, пропуская над головой волну. А чуть дальше — черная палочка под водой. Ствол. И неотличимое от песка рифленое цевье карабина, укороченной охотничьей винтовки. На глубине меньше метра. Веслом он отодвинул ствол в сторону, и, когда показался плечевой ремень, просунул в петлю конец весла и поднял свое оружие на плотик. И ног не замочил! На берегу Гарт поцеловал карабин в соленое мокрое ложе и прижал его к груди. «Боже мой! Опять я стал полноценным мужчиной, работником великой тундры. Добытчик и охранник мой у меня в руках! Спасибо тебе, Александрос!»

Вынул затвор — все в песке. В стволе ил. Открыл магазин — пять патронов выпали на ладонь. И тут все в грязи, но с каким удовольствием будет он сейчас чистить-блистить своего друга и добытчика!

Грязь из ствола винтовки Гарт осторожно удалил «амелиневой» проволочкой и промыл его кипятком. Смазал изнутри остатками солярки, хоть оно и нельзя — соляркой.

И разобрал, промыл, прочистил.

И положил карабин на камень сушиться.

И патроны рядом. Пять тяжелых желтых патронов.

Затем он занялся делом. Вскипятил морскую воду в кастрюле, окунал в нее нарезанное тонкими ломтями оленье мясо и развешивал сушиться.

И все нет-нет да и глянет на карабин.

И все не верил счастью великому.

И все улыбался, а потом запел.

23. Дела домашние
В этот радостный день Сашка успел поразительно много.

Когда мясо было развешено, он пододвинул вешала поближе к костру так, чтобы дымком протягивало и чтобы чайки не могли ухватить. Вырубил днище из второй бочки и сделал «кастрюлю» по примеру первой, а края вытянул повыше. Получилось ведро. Дужку к нему согнул из найденной ранее на триангуляции железной проволоки.

Черныш доставил охотнику немало веселых минут. Он свернулся клубочком неподалеку, прикрыл нос пушистым хвостом, и следил за всеми действиями человека с величайшим любопытством.

При ударе железом по железу возникал отрывистый резкий звук, от которого у песца непроизвольно захлопывались глаза.

Получалось: удар – морг, удар – морг, удар – морг!

Наконец, Чернышу это надоело и он убежал на дальний песчаный бугор.

Гарт нагрел воды в ведре, насыпал чуть золы в деревянное блюдо и пошел на ручей. Там побултыхался, помылся, используя вместо мыла золу, смыл с себя болезнь и усталость. Бодрый и веселый вернулся «домой» и взялся готовить свое любимое блюдо, холодец из головы и ног оленя. Сколько возни, пока все косточки очистишь-приготовишь, и варится долго. Но зато и вкуснятина – за уши не оттянешь!

Черныш совсем перестал бояться, сидел рядом, по-кошачьи уложив хвост кренделем и время от времени выражал свое восхищение громким «Вау!» Гарт бросил ему кусок оленьего уха с толстой бляшкой жира на нем. Черныш жир съел, а ухо пожмакал и оставил: оно, мол, от старого быка, не угрызешь.

– Привередничаешь, паря, уже и оленина тебе не мясо, а ведь раньше ты и мышами не брезговал! – упрекнул его охотник.

– Вау-вау-вау! – затявкал Черныш. (Мыши – они жирные, мягкие и в любой мороз теплые. Вку-у-сно. Не то что это жестяное ухо!)

– А куропаточку не желаете, уважаемый?

– Вау-вау! (Кто ж откажется? Только добыть трудно, они сторожкие).

– А как ты насчет моржатины? Тут неподалеку есть. Правда, не первой свежести, но народы вкушают. И ты бы прогулялся. Жирку бы поел, на зиму б запасся, а то тощий такой – смотреть жалко!

– Вау! – печально тявкнул Черныш и сокрушенно потряс головой. (Был уже там, плюху получил от старших, и бургомистр чуть глаз не выклевал. Но мне повезло. Недалеко от тебя целое скопище превкусных костей с мясом. Чем не еда?)

Охотник принялся объяснять песцу действующие на территории России права частной собственности на «кость пищевую», но в один особенно красноречивый момент обнаружил, что слушателя нет. Убежал.

24. У моря
Спокойно, хорошо было на душе. И не хотелось, чтобы день кончался, а хотелось его продлить. Поужинав оригинальным блюдом – горячим холодцом, Гарт прикрыл кастрюлю досками и пошел на пляж. Уселся на камень, положил карабин на колени, вдохнул соль морскую. Легкий хиус гнал волну от берега в море, и возле самых скал не было никакого волнения, лишь легкая паутинная рябь.

Хорошо, тихо на душе.

Море. Берег. Чайки. Закат.

Черныш прибежал и лег рядом.

Стайка уточек выплыла из-за мыса.

Нерпа показала свой нос у самого берега.

За ней проплыл лахтак. Толстый. Между головой и попой проливчик и кажется, эти части тела плывут отдельно. Наверное, жирный.

Солнышко нехотя погрузилось в море.

Вода вблизи стала красной, чуть дальше оранжевой, зеленой и синей, а у горизонта – опять киноварь. Тихо-тихо. Капает с усов нерпы вода, чайка перебирает перышки, рыбка воду плавничком режет.

И слышно, как стучит и замирает сердце.

И слышно, как согласно дышат море и тундра.

И забываешь, что вал прибоя притаился в глубине.

«В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть.
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых
И дышит непонятная
Живая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненья далеко.
И верится, и плачется,
И так легко, легко».
Думал ли Михаил Юрьевич, что его мысли прозвучат через полторы сотни лет в Арктике, на семьдесят пятой параллели?

– Александрос, ты здесь?

– Здесь. Надо чего?

– Нет. Просто не хочется быть одному.

– И мне.

Сашка встал и пошел вдоль берега. Вспоминал отчий дом, своих сестер и братьев, детей, друзей, Сережет. Черныш легкими прыжками следовал за ним. И пусть. Говорят, Бог троицу любит. К биваку он вернулся поздней ночью. Разобрал крышу, откатил бочку в сторону, устроил себе постель, положил слева карабин. Накормил Черныша и забрался в спальник. А «домашняя животная», как говорит Полукарпьи, свернулась калачиком в ногах. Так и заснули.

25. Избушка

Утром раненько Гарт занялся строительством избушки. Надоело непогоду в бочке пережидать. Он выстрогал себе тяжелую деревянную лопату из лиственничной доски и вкопал угловые столбики на площадке размером два на три шага. Обшил столбики с обеих сторон досками, а серединку заполнил подручным материалом: камнями, песком и мхом. За три дня поднял стены чуть выше своего роста, чтобы ходить внутри не пригибаясь.

Очень плохо было без молотка. Своим железным шкворнем Гарт в первый же день пальцы себе поотбивал. И тогда вспомнил, что деревенские умельцы сверлили стекло медной трубкой, под которую подсыпали мокрый песок.

Песка кругом – море. Кусок алюминиевой трубки Гарт отломил от найденной ранее старой кровати-раскладушки. Подыскал подходящий обломок базальта, расклинил его в камне на берегу и стал сверлить своим «индейским луком», как будто огонь добывал: туда-сюда, туда-сюда. Не очень быстро, но все же за полдня, с перекурами, Гарт просверлил базальт алюминием. Насадил камень на рукоять – получился молоток-топорик, которым он и гвозди выпрямлял, и гвозди забивал, и

доски по размеру обрубал.

Бамбуковая лодочка очень пригодилась. Сашка разобрал ее и сделал из крепких бамбуковых стержней стропила для крыши, а саму крышу устроил односкатной с уклоном в сторону моря и покрыл ее шкурой моржа. Этакий домик-скворечник получился. Два оконца затянул кусками полиэтиленовой пленки. Не прозрачные окошки, но свет есть. Очень не хватало второй пары рук. Был бы сын рядом, сейчас ему одиннадцать, как бы помог отцу!

— Хорошая ты у меня получилась, избушка, но только беспечная ты какая-то, а как печку сложить из камней без глины или раствора — не знаю.

«Избушки — это которые на курьих ножках, а я — самый настоящий охотничий балок! Печку сделай из бочки, ты видел такие у друзей. Если вдруг зимой непогоду пережидать придется, печка — самое то».

— Ладно, уговорил, балок. Попробую.

Сашка разрубил оставшуюся бочку пополам, в одной половинке вырубил окно — топку. А кусок жести из «окна» подвесил на петлях из гвоздя на то же место. Получилась дверца. Закрывалась она со скрежетом и не очень быстро, но все же тело печки в течение нескольких часов было готово. А вот на изготовление трубы из остатков жести ушел целый день. Но вскоре и она встала на место. И стал балок, как дом с печкой, лежанкой и окошком — заходи и живи!

26. Инга

За эти дни от беготни по камням, чуни из птичьих шкур на деревянной подошве основательно истрепались. Пора было подумать о настоящей обуви. Хорошие непромокаемые сапоги получаются из шкуры нерпы. Оседлав свое плавсредство — неуклюжий плотик — Сашка убил нерпу из карабина и достал ее со дна моря деревянным багром с железным гвоздем-крючком на конце. Чтобы багор тонул, пришлось привязать к нему камень. Нерпа оказалась крупным самцом весом, наверное, килограммов восемьдесят.

Черныш едва дождался, когда Гарт снимет шкуру с добычи и принялся тут же пировать, вгрызаясь в бок тюленьей туши.

— Погоди, не спеши! — Сашка отрезал ему кусок мяса с жиром и положил на камень. И тут же увидел вторую нерпу. Она подплыла так близко к берегу, что, казалось, хотела вылезть на песок. «Вторая шкура не помешает», — решил Сашка, свистнул нерпе, и тихонько, без резких движений, поднял к плечу винтовку. Но выстрелить не успел: нерпа ушла на глубину. Ладно. Сашка положил карабин рядом и стал разделывать добычу, время от времени бросая взгляд на море. Но появление нерпы все же проморгал. Она внезапно вынырнула у самого берега, и, неловкими рывками, как и все тюлени, стала выползать на песок. Сашка опять поднял карабин к плечу, но стрелять не спешил. Насторожило необычное поведение тюленя, да и что за радость убить животное, которое само под выстрел подставляется? Он опять тихо свистнул сквозь зубы: нерпы чрезвычайно любопытные создания и очень любят тихий музыкальный свист. Нерпа подползла шагов на пять и уставилась на человека черными, не отражающими свет глазами.

Стараясь не делать резких движений. Сашка уселся на песок и опустил карабин.

— Тебе что, жить надоело? А ну, двигай назад, пока я добрый!

Но небольшая нерпа эта подползла еще ближе. Теперь Сашка, если бы захотел, мог бы притронуться к ее носу палочкой или дулом винтовки.

«Ненормальная, что ли?» — и тут Сашка заметил, что нерпа ползет по следу, оставленному в песке тушей первой нерпы, когда охотник выволакивал ее на берег.

«Самочка! — догадался Гарт. — Самца своего ищет по запаху».

— Не ищи, — сказал Сашка, негромко. — Убил я его. Не знал, что вы пара. Но вообще-то мне нужна шкура на сапоги.

Нерпа была уже на расстоянии вытянутой руки и, тщательно принюхиваясь, пододвигалась все ближе. Гарт взял два камешка в руки и постучал ими один о

другой. Нерпа, совсем как собака, покрутила головой так-сяк, прислушиваясь, затем принюхалась к испачканной жиром Сашкиной руке и, наконец, осторожно, самым кончиком носа, притронулась к пальцу.

Сашка подушечками пальцев прикоснулся к ее усатой мордочке.

Нерпа отпрянула. Но потом опять подползла ближе и опять стала принюхиваться. На этот раз она позволила Сашке погладить себя по «щеке» и притронуться к передним ластам. Но тут налетел Черныш и куснул нерпу в бок. Нерпа бросилась в воду и нырнула.

— Ну и дурень же ты, Черныш! Всю малину испортил. Щас как дам леща!

— Вау! (А это вкусно?)

— Вкусно-вкусно… Рыба такая. Вот это что!

— Вау! (Рыбу я люблю. Но нерпа жирнее.)

— Тебе что, целой туши мало? Ведь за месяц не съешь! Я ж эту самочку приручить собрался, а ты — кусаться! А вдруг она теперь больше не подплывет? Если еще хотя бы раз тявкнешь на нее, будешь иметь дело со мной! — И Гарт потряс перед носом песца толстой суковатой палкой.

Черныш обиделся, отбежал в сторону, завалился на бок и стал кататься по мху. Он так нажрался, что стал похож на бочонок на ножках. Даже хвост и уши у него стали короче и лоснились от жира.

Гарт освежевал нерпу и уложил тушу в яму, а шкуру тщательно постирал в морской воде, как учили старые охотники.

Перед выделкой шкуру надо тщательнейшим образом обезжирить. Для этого ее набивают на деревянный каркас и вывешивают на мороз. С мерзлой шкуры жир легко соскабливается стальной ложкой. Летом шкуру так же набивают на каркас, привязывают к нему камни и опускают в море. Жир с поверхности мездры выедают морские рачки капшаки или мормыши, по-ученому — эвфаузиды. Начисто выедают, только за процессом этим надо следить, а то и шкуру сожрут.

Сашка быстренько сколотил из подручного материала четырехугольную раму, натянул на нее нерпичью шкуру, привязал к раме камни, отплыл немножко от берега и опустил каркас на глубину примерно трех метров. И тут увидел в воде тень.

Нерпа медленно поднималась из глубины к поверхности. Усы и «брови» ее распушились, пятнистое тело легонько изгибалось, огромные зеленые глаза были раскрыты. Сашка застыл с веслом в руке.

Боже, какое красивое животное! Какое оно неуклюжее на берегу и какое совершенное в воде! А глаза! На воздухе глаза нерпы — просто черные пуговицы, а если смотреть на них через слой воды, видно всю прихотливо окрашенную радужку, все жилки-прожилочки, все пятнышки на ней. Засмотришься!

Беззвучно вынырнув у самого плотика, нерпа, чьи глаза опять стали невыразительными черными провалами в голове, с любопытством уставилась на человека.

— Иди сюда, русалочка зеленоглазая, иди, познакомимся! — Гарт тихо свистнул и протянул к нерпе руку.

Нерпа подплыла и легонько притронулась к руке охотника носом. Сашка почесал ей мокрую щеку и пригладил усы.

— Как же назвать тебя, чудо морское, каким именем окрестить? Кольчатая нерпа называется по-немецки Ringelrobbe. Но это слишком длинно. Назову тебя просто Inge. Будь у тебя уши, Инга, почесал бы за ушком, а пока только мордочку поглажу, лады?

Инга уцепилась передними когтистыми ластами за край плота и внимательно слушала. А Сашка и дышать забыл. Нет, она все же ненормальная, эта маленькая самочка.

Неужели она не поняла, что от человека исходит смертельная опасность?

Но какая же радость сердцу человеческому от общения с вольным животным! Вот мы говорим: «дикое животное». А какое ж оно дикое, если стремится ближе к человеку? Обнюхивает его руки и смотрит ему в глаза. Наверное, вот так, накоротке, общались с животными Адам и Ева, когда давали каждому имя и разговаривали с каждым на его языке.

Легонько пошевеливая двухлопастным веслом, Гарт отогнал плот к берегу и привязал его к большому бревну. Улыбаясь, пожал Инге когтистый ласт и пошел по своим делам.

27. Будни промысловика

А работы было выше головы. Для начала Гарт выдолбил в базальтовой глыбе на берегу довольно большую выемку и стал собирать в нее мочу. Для выделки тюленьей шкуры жеванина из печени – слишком слабый «химикат». Да и где взять столько печени на трех-четырехразовую обработку шкуры? Моча же действует как дубитель, выделанные таким способом шкуры не пропускают воду.

Затем Гарт привел в порядок ближние кочки-тумбы для капканов и отремонтировал сами капканы.

Делается ловушка на песца просто: выбирают место повыше и на него насыпают еще гальки, камней или песка, что есть под рукой, и прихлопывают лопатой так, чтобы получилась ровная площадка высотой сантиметров до сорока и площадью примерно в 0,4 кв. м. В эту площадку втыкают девять высоких колышков в виде римской цифры V – один колышек в острие «цифры пять» и по четыре – по бокам. Колья вгоняют в грунт с интервалом восемь-десять сантиметров, с расчетом, чтобы песец не мог просунуть голову сквозь этот заборчик. Внутри огороженного кольями пространства, вблизи острия «цифры», кладут небольшой плоский камень, а на него камень потяжелее. Зимой, с началом сезона охоты, когда все замерзнет и колышки выдернуть нельзя, между рогами «цифры» устанавливают капкан, на плоский камень кладут кусочек пахучего нерпичьего жира или свежей рыбы, и прижимают эту приваду тяжелым камнем. Уголок привады оставляют непридавленным «на виду, на запаху». Вокруг тумбы-кочки разбрасывают «накроху» – кусочки рыбы, мяса или жира.

Как правило, пурги-метели не задувают высокую кочку полностью и ее видно издалека. Песцы – народ любопытный. Обязательно прибегут проверить, что это чернеет на снегу. А там та-а-кой запах! И вкусные кусочки мяса кругом накиданы. Песец их выкопает, съест и полезет за большим, жирным, зажатым между камнями куском. И наступит лапкой в настороженный капкан.

Есть и другие способы ловли песца. Некоторые охотники ставят «пасти», где эту белую лисичку придавливает и убивает падающее бревно.

Но все эти хитрости охотничьи хороши только раз в три, а то и в четыре года, когда есть в тундре песец. Один «урожайный» год чередуется с тремя-четырьмя «неурожайными», когда песца или очень мало, или нет совсем.

А почему такая странная цикличность численности у этих белых лисичек? А потому что лемминга бывает много только один раз в три-четыре года! А почему такая странная цикличность численности у лемминга? А потому что болеют эти подвижные красноватые мышки и во множестве умирают. Или так их много становится, что выедают все корма и массами бегут искать новое место, по дороге попадаются им реки и озера, при форсировании которых лемминги тысячами гибнут в воде, замерзают от переохлаждения на берегу или становятся добычей тех же песцов, чаек, хищных рыб и птиц. И остается мало мышей в тундре. И песцы уходят в другие места. Если нет лемминга в таймырской тундре, значит, есть в приленской, нету в приленской, зато появился в чукотской и малоземельской. Никогда не бывает Великая Тундра без лемминга и без песца.

Я не стану утомлять читателя описанием выделки шкуры мочой, не очень это красивая, но очень «пахучая» работа, скажу лишь, что дня через три-четыре, пошитые на скорую руку, кривоватые сапоги из нерпичьей шкуры были готовы, Сашка уложил в них мох вместо стелек и получил надежную непромокаемую обувь.

И притопнул ногой, и пожалел, что нет зеркала, посмотреть. И крикнул негромко:

— Александрос, ты здесь?

— А куда ж я денусь?

— А вот деваешься! Деваешься иногда непонятно куда. Не докричаться!

Александрос промолчал.

— Скажи, пожалуйста, ты силен в толковании Писания?

— Читал, но большим знатоком назвать себя не могу, тем более, толковать сложные места. И чего это тебя бросает от сапог до Книги?

— Да есть там, в самом начале, одно место, которое повергло меня в величайшее изумление, и которое я сейчас, за выделкой шкуры, опять вспомнил.

— Ну-ка, ну-ка…

— После описания грехопадения Адама и Евы, написано так: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их». (Бытие 3:21). Не значит ли это, что Господь Бог и был первым охотником? И первым скорняком, и первым «швецом» на Земле? Ведь прежде, чем пошить одежду из кожи, надо убить животное, скажем, барана или козла, и выделать шкуру. А это, ты видел, очень трудоемкий процесс, неприятный и долгий.

— Адам и Ева первый на Земле грех совершили. А по Ветхому Завету «без пролития крови не бывает прощения» (К Евреям 3: 21). И во искупление греха Господь пролил кровь какого-то животного, скорее всего агнца. Я полагаю, что убит был этот барашек прямо перед глазами согрешивших, и они впервые увидели смерть. Печальная история… А выделать и пошить — это уже другое дело. Я лишь служебный дух, тебе надо поговорить со священником.

— Спасибо, Александрос, я думаю, ты недалек от истины. Пойду на бережку посижу, на воду посмотрю…

И еще в этот день Гарт, наконец-то, сделал себе зажигалку из той самой красной пластиковой, что нашел в первые дни возле бамбуковой лодочки. Легонечко срезал и отогнул с торца часть донышка, налил в емкость бензин из НЗ, прижал донышко на место и заклеил щель древесной смолой, которую наскреб с бревен на берегу. Если постоянно держать ее в кармане, зажигалка отлично искрила и давала устойчивое пламя.

«Во, какой я соображучий!» — похвалил себя Сашка.

Ближние капканы он привел в порядок относительно быстро и с каждым днем стал уходить все дальше от балка. С широкой галечниковой косы северного берега открылся ему великолепный вид на весь архипелаг и на «домашний» остров с черным кубиком избушки на нем.

Гарт долго стоял и смотрел, не в силах оторвать взгляда. Всего-то пятнадцать километров, а не достать. Неужели придется кантоваться на этом Сапоге-Ботфорте до самых морозов, ждать, когда в бухте установится надежный ледяной покров?

«Таймыр, пес мой своенравный! Как ты там один? Небось, давно уже доел кусок нерпятины и теперь голодаешь? Или тоже рыскаешь по берегу, подбираешь, что море выбросит?»

Стоял ясный теплый день, легкий зюйд-вест слегка раскачал море. Мелкие белые барашки на волнах катились в сторону… катились в сторону одинокого зимовья!

Сашка бросил в море обломок бревна, переждал пять минут и бросил второй, а затем и третий. Когда дровеняки отплыли достаточно далеко, он мысленно провел по ним прямую линию от берега, где стоял, до берега домашнего острова. Воображаемая линия прошла чуть правее избушки, и Сашка ощутил жар в сердце.

«Сделаю большой устойчивый плот, дождусь прилива и попутного ветра и часа через три — дома!»

Мысль эта настолько его воодушевила, что он весь день провел как в лихорадке, разве что не летал по острову. Скорее-скорее отремонтировать путик! Скорее-скорее бежать с опостылевшего клочка суши!

Если бы у Сашки был бинокль, и если бы он догадался смотреть на маяки-деревяшки подольше, то с удивлением заметил бы, что на расстоянии примерно километра от берега, эти кусочки дерева вдруг закружились, завертелись и поплыли в открытое море…

Заготовив целую гору колышков, Гарт перетянул их проволокой и привязал к плоту. Уложил в рюкзак немного сушеной оленины, бутылку с остатками солярки для разжигания костра и поплыл вдоль берега на ремонт дальних капканов. Ветер почти улегся и самодельное плавсредство легко слушалось весла.

Но вдруг плотик накренился, и Гарт чуть не упал в воду. Что т-т-акое?

А это Инга вскарабкалась на бревна и заскользила к самой руке охотника: поиграй со мной, добрый человек!

— Осторожней, Инга! Чуть меня не сковырнула! Я вовсе не желаю искупаться в ледяной воде!

Но Инга уже ткнулась усатой мордочкой в ладонь: погладь меня, человек, не ворчи!

— Ох, беда мне с вами, друганами-меными братанами! Того накорми, того приласкай, от того убегай! — Сашка погладил нерпу по скуле, распушил ей «усы» и провел рукой по гладкой мокрой шее.

Неожиданно Инга опрокинулась на спину, подставляя живот, и чуть поскребла по нему короткой когтистой лапой: и здесь почеши!

— Ну, ты прям как поросенок у бабы Мани! Может тебе еще картошечки наварить и хлебную корочку в молоке размочить?

Улыбаясь про себя, Сашка почесал нерпе живот и шею. Потрепал по усатой морде и вновь взялся за весла.

Но что это там за кости виднеются среди камней? Гарт причалил к берегу. Подошел.

Скелет моржа, того самого, начисто обработанный благодарными жителями тундры, лежал чуть выше уреза воды, наверное, туда его оттащили медведи. «Князь тихо на череп коня наступил…» От резкого удара ногой череп с небольшими бивнями отделился от шейных позвонков и отлетел в сторону. Сашка поднял трофей и привязал его к плоту. Пригодится.

28. «Navigare necesse est»

Уже под вечер охотник причалил к берегу у самой южной оконечности острова, привязал плотик к большому камню и выгрузил колышки. Инга соскользнула с бревен и ушла в воду. А Сашка увидел остатки корабля.

От шхуны или небольшого зверобойного бота осталась примерно половина, выдавленная льдом высоко на камни. Обломки мачты, расщепленные доски обшивки и остатки шпангоутов выглядели так, будто гигантский дракон перекусил этот парусник пополам, будто неведомый великан разрубил шхуну надвое тупым мечом.

Гарт стал медленно обходить остатки кораблекрушения кругом, и тут из расщелины в досках разбитой рубки вылетела трясогузка.

— Цивить-цивить, цирли-ти-ти! — птичка уселась на обломке мачты и закачалась, укоризненно поглядывая на человека живым черным глазом. Откуда ни возьмись и вторая пичужка — белые щеки, черная шапочка и черная грудка, «цитти-цирли!» — оказалась рядом с первой.

— Не надо мне вашего гнезда! Я совершенно случайно здесь, поверьте!

— Цитти-цитти-цирли! (Ну так отойди подальше, не мешай!)

— А вы откуда взялись тут, на 75-ой параллели?

— Цли-и, цли-и, ти-и! (Из Марокко!)

— Но это ж какая морока — лететь из Марокко!

— Цирли-цирли-цивлить! (Не так уж просто. Но тут — наша Родина!)

— Мое почтение, храбрые пичужки. Ухожу, ухожу!

Гарт заглянул в полуразрушенную рубку. Среди обломков дерева и осколков стекла, тускло отсвечивая латунной набойкой, лежал сорванный с места штурвал.

Сашка осторожно поднял его. Отошел подальше, чтобы не беспокоить птиц, и осмотрел находку. Крепкое дерево изделия все еще держало в себе рукояти, но они уже поддавались нажиму, и Сашка без труда раскачал и вытащил одну. Осмотрел эту державку, отполированную за многие годы прикосновениями человеческих рук, и вставил ее на место: одно к одному принадлежит, пусть будет, как было.

На изогнутой латунной полосе, привинченной к штурвалу шурупами с крупными красивыми головками, легко читалась надпись: «Navigare necesse est, vivere non est necesse».

Сразу вспомнились уроки латыни в институте и многие попытки правильно передать по-русски смысл этого латинского изречения от которого пересыхает в глотке и волосы на голове шевелятся.

«Плавать по морю необходимо, жить не так уж необходимо».

«Жить не обязательно. Плавать по морю обязательно».

«Кто на море не бывал, тот не жил на свете».

«Плавать по морю необходимо, жить необходимости нет».

Последний вариант и был принят за наиболее близкий по смыслу к оригиналу. Но и он не передает всей чеканной гордости, всей высокой жертвенности, всей дерзости изречения Гнея Помпея.

В бытность свою консулом Римской республики Помпей получил от сената полномочия на закупку пшеницы в Африке. В Италии случился неурожайный год, и Рим остро нуждался в хлебе.

Когда корабли были уже загружены и стояли у причалов, готовые к отплытию, неожиданно разразилась буря, грозившая сорвать корабли с якорей и выбросить их на берег. Единственным спасением было презреть опасность и выйти в море. И Помпей обратился к матросам флотилии с короткой речью:

«Мужи римские! Выйти в море необходимо, жить необходимости нет!» И первым шагнул на сходни. И моряки, все как один, заняли свои места у такелажа.

29. Старый костер

«Неужели весь экипаж погиб в ледяной воде или разбился о скалы во время шторма?» — Гарт вспомнил себя самого на гребне стремительно несущейся к берегу прибойной волны, и мороз прошел между плеч.

«От скал тех каменных у нас, варягов, кости. Мы в море родились, умрем на море!»

Смотреть на море расхотелось. Он вышел на кромку берега и прошелся туда-сюда в надежде найти следы потерпевших кораблекрушение в давние-предавние годы. И обратил внимание на песца. «Домашняя животная» лежала, свернувшись клубочком, на ярко-зеленом мху и внимательно наблюдала за человеком. И это моховое пятно имело четкую круговую форму, чего никогда не бывает в тундре. А в тундре никогда ничего не бывает просто так.

Гарт шуганул песца шлепком по заду. Черныш обиженно тявкнул и отскочил. Гарт наклонился, запустил обе руки в эту плотную зеленую шубу и рванул ее к верху. Черные зерна блеснули в зелени. Набрал горсть. Древесный уголь. Старый, полураспавшийся. Между пальцев можно растереть. Сашка снял весь слой мха.

Вот так новости!

Открылось кострище.

С толстенным слоем углей.

Здесь жгли огонь не один день.

Все ясно. А же где стояла палатка?

А вот! Рядом с огромным длинным валуном, который, как динозавр, выставил свой зубчатый гребень из мерзлой глины – ровная ярко-зеленая площадочка. Сашка снял мох и с нее. Открылись лежащие рядом три широкие, толстые доски. Охотник поднял одну. Строганая. Верхняя сторона, изъеденная гнилью и мохом, крошилась под пальцами. Нижняя, лежавшая на мерзлоте, – почти как новая.

Максимум двое могли уместиться на такой малой площади. Где же стояли остальные палатки? Поиски ничего не дали. Лишь несколько остатков колышков, беспорядочно набитых вокруг досок, освободил Гарт из-подо мха. Значит, не было палатки, значит, просто обрывки паруса натянули от дождя и ветра.

Неужели только двое моряков спаслись в тот несчастливый день? Сашка еще раз обошел остов корабля кругом. Внимательно осмотрел каждую досочку сохранившейся носовой части обшивки. Но если была какая-то надпись, то краска давно осыпалась от дождя и мороза. Интересно, сколько лет должно пройти, чтобы на углях вырос мох? Чтобы толстый слой мха вырос на мертвом, сгоревшем дереве?

Где-то в этих местах погибла в 1913 году экспедиция геолога Владимира Александровича Русанова на судне «Геркулес». Искали экспедицию в 1914 и в 1915 году. Моторная шхуна «Эклипс» под руководством знаменитого норвежца капитана Отто Свердрупа вышла на поиски из Архангельска, имея радиостанцию на борту, но сама попала в ледовый плен. Близ устья Нижней Таймыры «Эклипс» вмерзла в лед и зазимовала.

Ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач» под общим руководством капитана Бориса Вилькицкого вышли из Владивостока, двигаясь Северным морским путем к Архангельску. В августе 1913 года, встретив на траверсе мыса Челюскина непроходимые льды, Вилькицкий приказал отвернуть к северу. Так был открыт огромный архипелаг: Земля императора Николая Второго, который большевистское правительство переименовало затем в архипелаг Северная Земля.

«Navigare necesse est…»

30. Беседа с Чернышом

Увидев, что человек копается в земле, Черныш тоже стал с деловитым видом нюхать мох и раскапывать-разрывать его передними лапками. И не без результата. Вскоре он выкопал половинку нижней челюсти оленя с отлично сохранившимися зубами и несколько тонких нерпичьих ребрышек.

– Вот спасибо, помощник хвостатый! Дай поглажу тебя по головке. Заслужил! Теперь я вижу: эти люди здесь охотились!

Но Черныш тявкнул и отскочил. Во всем он доверял человеку, но притронуться к своей голове не разрешал.

– Ну, вот! Я приручить тебя собрался. А ты все как дикий!

– Вау! (А мы, песцы, не приручаемся!)

– Так уж и не приручаетесь? Ты же почти совсем ручной. И еду из моих рук берешь, и спишь рядом, и не обижаешься, если наругаю или шлепну тебя за проказы. Давай будем жить вместе?

– Вау! (Нет, мы – кочевники. Мы любим бегать, разные другие места узнавать. Я тоже скоро убегу, а за еду спасибо, кто ж от еды откажется?)

– Говорят, вашего брата и на паковом льду видели, далеко-далеко от земли. Что же

вы там едите? Ведь ни лемминга, ни куропатки там днем с огнем не сыщешь?

— Вау-вау! (Зато медведи есть!)

— Вам удается загнать и сожрать медведя?

— Вау! (Сожрешь его, раскатал губу! Он сам кого хочешь сожрет!)

— Не пойму тогда…

— Вау! (А мы за ним ходим. Добудет мишка нерпу или моржа, все ведь не съест. Всегда останется мясо на косточках, лапки, морда, ласты, шкура. А тут и мы…)

— Так он делится с песцами? Не знал, что они такие благородные животные!

— Вау-вау-вау! (Какой там «благородные»! Обжоры еще те! Но глупые. Ты видел, как медведь добытую нерпу жрет?)

— Только в бинокль.

— Вау! (В бинокль всего не углядишь… Если мишка сытый, он лишь жирок объест с нерпы добытой. А всю тушу бросает и уходит за новыми приключениями. И тут нам пир горой! Все, кто из нашего брата есть в окрестностях, все прибегают на свежину. Важно быстрее бургомистров успеть. Совсем негодная птица. Начисто острым клювом все выклюет, ничего не оставит. Мало того: если зазеваешься, и тебе глаз выбьет, а потом и заклюет насмерть. Ну, естессно, и мы их тоже… Ляжешь на бережку, мертвым прикинешься, а одним глазом смотришь. Ну и… в общем, как повезет…)

— А если мишка голодный?

— Вау! (Тогда все сожрет, ни кусочка не оставит. Но шкуру не ест и на ластах довольно жил останется, чтобы погрызть раз-другой и наесться. Мы, песцы, народ не привередливый, ни шкурой, ни жилкой не брезгуем. Даже каменно-замерзшее мясо едим. Подышим-подышим на него, оттаиваем и грызем.)

— И что, «босые» не гоняют вашего брата?

— Вау! (Еще как гоняют! Тут гляди в оба! Не успеешь увернуться, такую плюху получишь — летишь, как чайка!)

— Так что же вы в тундре не живете? Мышей не едите?

— Вау! (Как это не едим? Лемминг — основное наше питание. Только не каждый год они бывают, мыши эти. И потом, тяга к странствиям у нас, охота к перемене мест, немногих добровольный крест, как вот у Онегина вашего, помещика богатого. Тоже ведь не сиделось ему: и там и сям наследил…)

— Н-ну, ты грамотный? Прям редкостный песец! Где учился-то?

— Вау-вау-вау! (До всего сам доходил… На заброшенных зимовках книжек навалом, на берегу моря — всяких фляжек из-под духов-шампуней, — начитаешься и нанюхаешься до одури! Мочевой автограф, если ты воспитанный песец, оставишь: «Нюхал, читал и пробовал на зуб недоросль Черныш», и бежишь себе дальше.)

— Мое уважение к Вам, о недоросль Тундры, высокоученый Черныш, многократно возросло! — Гарт шаркнул ногой по щебенке и склонился в поклоне, — ныне же властью, данной мне свыше, в ознаменование великих подвигов Ваших, произвожу Вас в графское достоинство и рекомендую всем именовать Вас не иначе как Его Сиятельство, Граф Чернышов-Таймырский! В награду же Вам — съедобная медаль, каковая будет выдана немедленно и без судебных проволочек!

— Вау-вау-вау! — обрадовался Его Сиятельство, встал на задние лапки и исполнил Танец Тундрового Песца. Был награжден «медалью» в виде куска вяленой оленины и приступил к трапезе.

(Продолжение следует.)

Уильям Шекспир
(Перевод Татьяны Фетисовой)
Сонеты Шекспира издавна привлекают взоры читателей и переводчиков. Многим, конечно, знакомы, ставшие «каноническими», переводы С. Маршака. Некоторые современные переводы известных сонетов, на наш вкус, также заслуживают внимания.

Сонет XXIII
Как тот плохой актёр, не затвердивший роль, и как чудовище, чьё сердце злом
Сочится, я весь во власти двух невзгод – смущения и робости, и вместе с тем
Восторга, восхищенья – до беспамятства и до потери разума. И вот, робея,
Путаюсь в словах любви, которые уже века закреплены в надёжных документах,
Их формула бесспорна, её писали сотни тысяч раз, произносили наизусть любви
Военнопленные. И как титан под тяжестью своей невыразимой мощи слабеет,
Падает, сметая города, леса и рощи, так я теперь владею только взглядом и лежу,
Поверженный во прах. А красноречие мое – немой толмач сгорающего сердца,
Молящего в тоске, взыскующего строго, награды жаждущего. Но что ему
Награда? Ах, она давно присуждена владельцу языка, сказавшему что надо
Когда надо. А я молю лишь об одном – учись читать, чтобы понять то,
Что написано моею онемевшею любовью. Глаза, способные к тому, обычно
Служат тонкому уму, любовному
Таланту у особы благородной крови.
Олег Солдатов
Культурный отдых
В пятницу, придя домой со службы, Пятиплюев решительно заявил жене:

– Хватит валяться на диване и тухнуть возле телевизора! Мы должны отдыхать, как отдыхают культурные люди, обогащать себя новыми впечатлениями!.. В общем, завтра же мы идем на концерт!

Жена Пятиплюева, стройная голубоглазая блондинка, стоя у плиты и помешивая что-то ароматное в кастрюльке, обернулась, одарив его очаровательной улыбкой.

– Дорогая, я думаю, Шостакович это то, что нам нужно! Представь, чарующие звуки скрипки под мужественный аккомпанемент рояля. Лилии расцветают в волшебном саду, – расписывал Пятиплюев, уминая домашние куриные котлеты с гарниром из риса с розмарином. – Как раз сегодня я встретил на улице Корзухина. Мы приглашены!

Ночью он мечтательно улыбался во сне. Ему снился Корзухин во фраке, скрипка и белый рояль. Он парил над землей, и прекрасные женщины в прозрачных одеждах осыпали его цветами.

Проснувшись после полудня, Пятиплюев откушал оладушков со сметаной, напился простокваши, добавил тарелочку наваристых пышущих жаром щей и, обретя полное благодушие, посвятил оставшееся до выхода в свет время разглядыванию облаков.

Жена, сбросив халатик, скрылась в ванной и спустя час появилась в вечернем туалете, пудре и золоте, сверкая, как сверкают все тридцать два зуба у голливудской кинозвезды.

Пятиплюев удовлетворенно крякнул, отметив про себя, что валяться на диване тоже может быть делом весьма привлекательным… Но жена уже накидывала шубку, и Пятиплюев, рассудив, что одно другому не мешает, а даже наоборот, быстро прыгнул в костюм, схватил пальто и поспешил за машиной.

В зале было немноголюдно, поэтому Пятиплюевы расположились в первом ряду, дабы посторонние не вклинились между ними и флюидами прекрасного.

Пианист, разминаясь, наигрывал легкий мотивчик, задирая мосластые плечи выше головы. Весь он походил на громадного паука, длиннющие ноги его не умещались под инструментом и торчали коленками в стороны.

Скрипач, маленький чернявый человечек лет сорока, одетый на вырост, выпорхнул из-за кулис, скрипка взвизгнула и концерт начался…

– У тебя лицо голодного грифа, – прошептала жена Пятиплюеву после первого отделения. – И совершенно остекленевший взгляд…

— Да, дорогая, это очень возможно. Во всяком случае теперь я догадываюсь у кого учились наши дворовые коты… Если я еще раз встречу Корзухина, я перейду на противоположную сторону улицы.

Ночью Пятиплюева мучили кошмары. Его преследовал черный рояль. Он кружил над Пятиплюевым и зловеще скрежетал клавишами. Выпив валерьянки, несчастный Пятиплюев проворочался до утра и заснул на рассвете беспокойным сном.

Наутро он встал с мигренью, осунувшийся, но просветленный.

— Дорогая, все ясно! Мы пошли не на тот концерт! Нам нужно современное искусство! — торжественно объявил он, уминая омлет с ветчиной и попивая кофе с ликером. После чего лег на диван и проспал до обеда.

Следующим вечером Пятиплюевы отправились на Кузнецкий.

Современное искусство сулило настоящее зрелище. Зал был полон.

С грохотом, от которого завибрировали стены, стулья и сидящие на них зрители, взвыла фонограмма, откуда-то повалил дым, и на залитую разноцветными огнями сцену выскочила певица в прозрачном трико, галифе и сияющих ботфортах. С криком: «Витька, добавь ревера!» она пустилась в пляс и запела с душераздирающим хрипом.

Пятиплюев застонал и схватился за голову.

— Бежим, — прошипел он жене, вскакивая с кресла и выбегая из зала.

Ночь прошла в бессоннице и тщетной борьбе с мигренью. Пятиплюев выпил коньяку, и только после этого ему удалось уснуть.

Всю следующую неделю он был мрачен и неразговорчив. Даже куриное филе в панировке, свиная отбивная и фаршированные перчики со сметаной не могли облегчить его страдания. И только после домашнего кролика, начиненного чесноком и обложенного по бокам запеченным в духовке картофелем, Пятиплюев вновь почувствовал себя человеком.

Жизнь пошла своим чередом. Казалось, ничто не напоминало о погубленных выходных. Но в конце недели Нятиплюев изрек глубокомысленно:

— Дорогая, искусство может и подождать. С возрастом слух ослабевает, и мы будем не столь взыскательны. А пока нам необходимо заниматься спортом. Движение — это жизнь! Завтра мы отправляемся кататься на лыжах…

Жена, стоя возле плиты, где на шипящей сковороде томилась фаршированная грецкими орехами и черносливом индейка, которую особенно любил Пятиплюев под клюквенным соусом, одарила его сияющей улыбкой.

Не хлебом единым жив человек…

Примечания

1

См. Словарь Академии Российской. Ч. 1. — СПб.: Императорская Академия Наук, 1789. — С. 853. (Далее — САР1). «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (далее — САР2), однако, приводит более сдержанное толкование переносного значения: ‘нерасторопный, вялый’ (САР2. Ч. 1. СПб.: Императорская Академия Наук, 1806.-С. 672–673).

2

Любопытно, что САР переносное значение этого существительного — ‘хитрый, лукавый человек (обычно женщина)’ — не фиксирует, хотя в литературе XVIII столетия такое словоупотребление не редкость (см.: Словарь русского языка XVIII века. — Л.: Наука, 1984 — … Вып. 11. Крепость — Льняной. — С. 185). В САР2, правда, отмечается, что лиса «зверь хищный, лукавый…» (САР2, Ч. 3, 1814. — С. 567). Как на само собой разумеющуюся соотнесенность образа лисы с льстецом или обманщиком, избавляющую «от труда прибегать к излишнему объяснению», указывал В. А. Жуковский в статье «О басне и баснях Крылова» (1809) (Жуковский В. А. Собрание сочинений: В 4 т. — М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959–1960. Т. 4: Одиссея.

Художественная проза. Критические статьи. Письма. – 1960. – С. 403). Граф Хвостов в своей притче «Ворона и сыр» (1802) прямо пишет:

Лисица к сыру подоспела
И лесть, как водится, запела…

3
За исключением особо оговоренных случаев курсив везде мой. – А. К.

4
Выготский Л. С. Психология искусства. – 3-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 573 с. – С. 150.

5
Там же.

6
Трудно сказать, какова была среди общего количества детей XIX века доля «наклонных ко лжи и лукавству», но не боюсь ошибиться, заявляя, что в XX и XXI столетиях таковых немало.

7
Правка, внесенная Крыловым в текст басни, исключительна важна и показательна – в своем месте мы рассмотрим ее попристальнее.

8
Фомичев С. А. Последний русский баснописец // XVIII век. Вып. 20. СПб.: Наука, 1996. – С. 269.

9
«Крылов <…> учитывает все оптимальные находки, отложившиеся в многочисленных обработках традиционного сюжета, вплоть до отдельныхудачных выражений» (Фомичев С. А., указ. соч. – С. 269).

10
В приведенном в качестве эпиграфа письме В. А. Олениной от 22 июля 1825 г. Крылов замечает: «… если б я знал, что… <вы> мои стихи перечитываете <…> то бы я сделался спесивее гр. Хвостова, которого, впрочем, никто не читает». Как видим, Крылов слегка лукавит: творения «привилегированного фабриканта галиматьи» (Жуковский) он читал, и весьма внимательно!

11
Капленко В. Н. Анализ односюжетных басенных текстов // «Русский язык» (газета издательского дома «Первое сентября») № 22/2004.

12
САР1 4.5,1794.-С. 424.

13
САР1 4.5,1794.-С. 426.

14
В. Н. Капленко, совершенно справедливо утверждая, что «сюжет „Вороны и Лисицы“ <…> до И. А. Крылова разрабатывался В. К. Тредиаковским <…> и А. П. Сумароковым» (Капленко В. Н., указ, соч.), забывает об интерпретациях М. М. Хераскова и Д. И. Хвостова.

15
Выготский Л. С., указ. соч. – С. 150.

16
1(3 Недаром говорится: quos Deus perdere vult dementat prius (кого Бог хочет погубить, того он сначала лишает разума, лат.).

17
Капленко В. Н., указ. соч.

18
В заметках <Опровержения на критики и замечания на собственные сочинения> (1830) Пушкин вспоминал, что «А. Раевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю, и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.
Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Все это смешно, как мелодрама». Поведение Гирея недаром вызывает хохот профессионального военного: Гирей, застывший посреди боя с поднятой саблей, выглядит неправдоподобно, нелепо и в высшей степени комично.

19
Пер. Н. И. Шатерникова.

20
Курсивом я выделил, очевидно, невольную цитату начального стиха херасковской басни.

21
Фомичев С. А., указ. соч. – С. 269.

22
Сумароковская басня увидела свет лишь в посмертном «Полном собрании всех сочинений» (М., 1781 г.). Понятно, что написана она была раньше, однако то, что басня не была опубликована при жизни автора (весьма честолюбивого, заметим), позволяет предположить, что поэт попросту не успел напечатать свое произведение.

23
Пожалуй, единственное исключение составляет здесь Лафонтен, которого явно не занимал вопрос о том, где «дядюшка Ворон» разжился сыром.

24
Цитируемым примечанием Г. Р. Державин сопроводил следующее место в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» (1807):

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, – хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.

25
Ср. у М. М. Хераскова: «Ворона… Искала места, где пристойнее ей сесть, // Чтобы добычу съесть…» – и у Д. И. Хвостова: «С добычею <…> на кусток <…> присела».

26
Ср. у М. М. Хераскова:

Ворона <…> свой голод позабыла
И, песню затянув, сыр наземь упустила.

27
Взгромоздиться – подставивши подмостки влезть, подняться кверху (САР1, ч. 2, 1790. – С. 358); подняться на большую высоту, взобравшись с усилием (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I. – М.: ОГИЗ, 1936. – С. 276). Практически то же толкование сохранено и в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном»: ‘вгромаздиться посредством подмосток, громажденья подниматься выше, к верху’ (САР2, ч. 1, 1806. – С. 482). Попутно отмечу один лингвистический – точнее, лексикографический – курьез. Р. С. Кимягарова, составитель «Словаря басен Крылова», приводит несколько неожиданное лексическое значение этого глагола: ‘устроиться, усесться где-л/ (Кимягарова Р. С. Словарь басен Крылова. Крылов И. А. Избранные басни. – М.: ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство „Мир и Образование“», ООО «Издательство „Русские словари“», 2006. – 928 с. – С. 90), не отмеченное ни в одном из существующих на данный момент авторитетном справочнике.

28
М. М. Херасков описывает поведение Вороны, пожалуй, более реалистично:

Ворона негде сыр украла

29
Кимягарова Р. С., указ. соч. – С. 50.

30
Несколько иначе эта же мысль выражена в Псалтыри («Он покрывает небо облаками <…> дает скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему» – Пс. 146:8–9) и в книге Иова («Кто приготовляет ворону корм его, когда птенцы его кричат к Богу, бродя без пищи!» – Иов 38:41).

31
Ср.: ВОРОН, по сл. Вран, Corvus Corax. Птица величиною с курицу, покрытая вся черными перьями, но на спине оныя к сизому подходятъ цвету. Питается падлом, которое издалека обоняет; и по сему во многих местах воронов убивать запрещают (САР1 ч. 1,1789. – С. 854). ВОРОНА, по сл. Врана, Corvus cornix. Птица в Европе всем известная, питающаяся падалищем, разными насекомыми, гусеницами и семенами; у нее голова, глотка, нижняя часть шеи, крылья, хвост, ноги и нос черные, прочия же части пепловаго цвета (САР1 ч. 1, 1789.-С. 853).

32
Ср.: «Эпическая поэма заключает какое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключение, в бытиях мира случившееся и которое имело следствием важную перемену, относящуюся до всего человеческого рода <…> или воспевает случай, в каком-нибудь государстве происшедший и целому народу к славе, к успокоению или, наконец, к преображению его послуживший» {Херасков М. М. Взгляд на эпические поэмы /Херасков М. М. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1961. – С. 180). У Крылова, конечно, речь идет не о «государственном случае», но приключение, пережитое Вороной, можно включить в разряд «знаменитых», «в бытиях мира случившееся». Как бы там ни было, нельзя в связи с ним не вспомнить об искушении прародительницы, правда, в роли самого хитрого среди «всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Быт. 3:1) выступает Лисица, а соблазняемой – Ворона, однако существенно, что только у Крылова звучит провиденциальная нотка и Бог принимает непосредственное участие в сюжете. К слову замечу, что в картинах, написанных на сюжет грехопадения, нередко изображали ворона, сидящего на древе познания добра и зла.

33

Сознавал ли это Крылов? Конечно, да. Если этого нельзя с уверенностью сказать относительно разбираемого стиха, то что касается басни в целом, сомнений быть не может – недаром же, до конца жизни перенумеровывая и переставляя басни из одной части в другую в составе «Басен в девяти книгах», поэт неизменно открывал собрание «Вороной и Лисицей».

34
Знаками его присутствия, разумеется, является ритмически организованная речь и – легким намеком – использование оборота «Бог послал», который, однако, как было показано, звучит весьма двусмысленно.

35
САР1 ч. 1, 1789.-С. 34.

36
САР1 ч. 1, 1789.-С. 33.

37
Ангельский, прил., перен. Чудесный, дивный, приятный (Кимягарова Р. С., указ. соч. – С. 32).

38
В цитировавшемся псалме 146 чуть выше стиха о пропитании Господом скота и птенцов ворона говорится: «Смиренных возвышает Господь, а нечестивых унижает до земли» (Пс. 146:6).

39
Лексема, например, не попала в словарь под ред. Д. Н. Ушакова.

40
Кимягарова Р. С., указ. соч. – С. 517–518.

41
Samuel Taylor Coleridge, «Table Talk»: «I wish our clever young poets would remember my homely definitions of prose and poetry; that is, prose, – words in their best order;poetry, – the best words in their best order» (Мне бы хотелось, чтобы наши умные молодые поэты запомнили мои домашние определения поэзии и прозы, а именно: проза – слова в наилучшем порядке; поэзия – лучшие слова в лучшем порядке. 12 июля 1827).

42
Вот еще пример подобной звуковой игры: «ЛИСа бЛИЗехонько бежала».

43
САР1 ч. 2, 1790. – С. 793. В САР2 эта словарная статья вошла без изменений (САР2, ч. V, 1822.-С. 310).

44
САР1 ч. 2, 1790. – С. 792. Ср.: 1) ‘безпокоиться мыслями о чем-нибудь, тревожиться духом, чувствовать смущение. Услышав неприятную весть, очень задуматься. 2) страдать задумчивостию, быть подвержену задумчивости’ (САР2, ч. 2. 1809. – С. 560). В связи с этим более чем странным выглядит утверждение В. В. Виноградова: «Значения глагола задуматься – задумываться не потерпели очень существенных изменений на протяжении XVIII–XIX вв. Основное значение – „всецело предаться думам, размышлению, погрузиться в думы, мысли“ – лишь углубилось в своих признаках, в своем содержании, расширило свои контексты, особенно в романтических стилях художественной речи 20–30-х гг. <…> Кроме того, в глаголе

задумываться наметилось еще два оттенка. <…> Задумываться в просторечии стало обозначать „впадать в меланхолию, в душевное расстройство“». (Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. – Известия АН СССР. ОЛЯ. Т. X. Вып. 3. М., 1951. – С. 229–230; курсив авт. – А. К). Как видим, семантика глагола задуматься – задумываться изменения претерпела, и весьма существенное, а значение ‘впадать в меланхолию, в душевное расстройство’ в САРj отмечалось как основное.

45
САР1 Ч. 2, 1790. – С. 792. Ср.: 1) в печали находящийся, грустный, печальный; 2) подверженный задумчивости, страждущий задумчивостию (САР2, ч. 2. 1809. – С. 560). Как видим, в САР2 первичное и вторичное значения поменялись местами.

46
САР1. Ч. 2, 1790. – С. 792. Ср.: ‘задумавшись, смущенно, углубясь в размышление’ (САР2, ч. 2. 1809.-С. 560).

47
САР1 Ч. 2, 1790. – С. 792. Ср.: ‘склонность безпрестанно думать, мыслишь о печали своей, заниматься одним только тем предметом, который дух наш терзает, и не разгонять ничем оскорбительных воображений, от чего самая жизнь делается несносною’ (САР2, ч. 2. 1809. – С. 560). Элегия Н. И. Гнедича «Задумчивость» (1809) представляет собой великолепную иллюстрацию к этой словарной статье:

Страшна, о задумчивость, твоя власть над душою,
Уныния мрачного бледная мать!
<…>
Тебя твое мрачное сердце стремит
Туда, где безмолвна обитель скорбящих
Иль где одинокий страдалец грустит.
И т. д.

48
«Грустную» экспрессию задумчивости отчетливо ощущали младшие современники Крылова. Приведу навскидку несколько хрестоматийных примеров. Героиня «свободного романа» «дика, печальна, молчалива» (II: XXV); в следующей строфе задумчивость объявляется ее подругой «от самых колыбельных дней» (II: XXVI). В VIII главе муза является поэту «барышней уездной <…> с печальной думою в очах» (VIII: V).

А вот портрет Онегина:
С душою, полной сожалений,
И опершися на гранит,
Стоял задумчиво Евгений…
(I: XLVIII)
Задумчивость у Пушкина если и не абсолютно синонимична грусти, то по крайней мере обычно соотнесена с нею. Подтверждения тому, конечно же, можно найти не только в «Онегине» (ср., например, финальную ремарку «Пира во время чумы»: «Пир продолжается. Председатель остается, погруженный в глубокую задумчивость»).

Еще один пример – лермонтовский «Утес»:
Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

49
По сути дела такая же схема – переход от угрюмости к радости – лежит в основе пушкинского «Гробовщика»: «… гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось. <…> Адриян Прохоров обыкновенно был угрюм и задумчив…» – «Ой ли! – сказал обрадованный гробовщик».

50
Справедливости ради замечу что обрадованная Ворона в первый раз появилась в притче Хвостова: «Ворона глупая от радости мечтала, // Что Каталани стала…».

51
Кимягарова Р. С., указ. соч. – С. 148–149.

52
«Иногда умалительныя служат вместо названий приветственных к тому и другому полу. Голубчик мой. Голубушка моя» (САР1 Ч. 2,1790. – С. 189; САР2. Ч. 1. 1809. – С. 1173; курсив источника. – А. К.).

53
Эту рифму у Сумарокова позаимствовал Хвостов: «… коварная лисица // Сказала напрямки: „Не верь хвале, сестрица…“».

54
Попутно не могу не отметить собственно крыловской поэтической находки – внутренней рифмы, которой, увы, не замечают мастера художественного чтения:

Вдруг сырный дух Лису остановил…
Здесь наречие вдруг, безусловно, надо читать с фрикативным

[х]: вДрУХ // ДУХ.

55
Эти СТРЦ особенно ярко проявляются на фоне придыхательного шепотка вступления: «Голубушка, как хороша! // Ну што за Шейка, што за глазки!».

56
В Ветхом Завете заповедано гнушаться и не есть «всякого ворона с породою его» по причине их скверны (Лев. 11:13–15).

57
В алхимии ворон, изображенный рядом с черепом или надгробием, символизирует черноту и умерщвление, nigredo – первую стадию «Малой Работы», смерть мира, принцип «земля к земле» («…прах и в прах обратишься»).

58
Ср., например, функции ворона и голубя в библейском сказании о всемирном потопе (Быт. 8:6–12). В виде голубя традиционно изображался и Св. Дух («Дух Святый нисшел на Него в телесном виде, как голубь» – Лк. 3:22).

59
САР1 4.5. 1794. С. 376.

60
Возможно, еще одной причиной отвергнуть его послужило нежелание Крылова актуализировать Лисицу как субъекта речи посредством местоимения я. Таким путем, например, пошли В. К. Тредиаковский («<…> птицею почту тебя // Зевсовою впредки <…> // И услышу песнь, доброт всех твоих достойну»), М. М. Херасков («Я б целый день с тобой, голубка, просидела, // <…>Изволь-ка песенку какую ты начать, // А я пойду плясать») и Д. И. Хвостов. Местоимение первого лица и соответствующие глагольные формы сказуемых настоящего и будущего времени снижают степень «объективности» лести, превращая ее в исключительно субъективную оценку говорящего, тем самым выдавая его (и, разумеется, его намерения) с головой. Поверившая столь неприкрытой лжи Ворона, таким образом, с полным основанием заслуживает «титулы» глупой, неразумной и т. и.

61

Внемли с улыбкой голос мой
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

62
Мне не удалось найти каких-либо документальных свидетельств, однако трудно удержаться от предположения, что это обстоятельство, подкрепленное неземным голосом и красотой Каталани, обусловило появление адресованных певице всякого рода мадригалов, посланий и эпиграмм.

63
Ср. также: «Жительница садов! товарищи внимают голосу твоему, дай и мне послушать его» (Песн. 8:13); «ты прекрасна! глаза твои голубиные» (Песн. 1:14); «ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими» (Песн. 4:1).

64
Фомичев С. А., указ. соч. – С. 269.

65
Любопытно, что в «Песни песней» фигурирует ореховый сад: «Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки?» (Песн. 6:11). Однако здесь имеются в виду не ореховые «кусточки», а деревья, на которых растет грецкий орех.

66
Ср.: «вид его подобен Ливану, величествен, как кедры» (Песн. 5:15); «если бы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками» (Песн. 8:9); «Глас Господень силен, глас Господень величествен. Он высекает пламень огня, сокрушает кедры, кедры Ливанские» (Пс. 28:3–8); «Я возвысилась, как кедр на Ливане и как кипарис на горах Ермонских» (Сир. 24:14) «праведник <…> возвышается подобно кедру на Ливане» (Пс. 91:13) и т. д.

67
Ср., кстати, две эпиграммы Н. П. Николева на Наполеона, который, «оставя Москву, похитил с Ивана Великого крест, думая, что он золотой <…> но <…> крест медный <…>»:

Зачем Наполеон с потерею несметной
Спешил пролезть в Москву из отдаленных мест?…
Затем, чтоб получить венец бессмертный:
С Иван-великого спилить еловый крест.
Зачем Наполеон из отдаленных мест
Тащил в Москву свое тщеславие геройско?
Затем, чтоб, потеряв сокровищи и войска,
С Иван-великого снять деревянный крест.
(Н. П. Николев – Д. И. Хвостову, 5 ноября 1812 года // Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – С А\Х). Еловый / деревянный крест в данном случае оказывается изоморфным медному, т. е. во всех случаях подчеркивается «неблагородство» материала, символизирующего несостоятельность Наполеона и беспочвенность его притязаний на величие.

68
Ср., например, у А. П. Сумарокова:

И попугай ничто перед тобой, душа,
Прекраснее стократ твои павлиньих перья!
или у В. К. Тредиаковского:

Воронову красоту, перья цвет почтивши…
или у М. М. Хераскова:

Хотя пройди весь свет,

Тебе подобной нет…

69
Вот еще пример: Какой умильненький носок! (1808) > какой носок!

70
Фомичев С. А. указ. соч. – С. 269.

71
Выготский Л. С., указ. соч. – С. 150.

72 Первоначальный вариант, пожалуй, был интереснее, хоть и довольно неуклюж:
От радости в зобу дух сперло.
Существительное дух исключительно многозначно (к тому же уже прозвучало в начале басенного рассказа) – думаю, Крылов отказался от излюбленной им игры смысловыми нюансами только ради большего благозвучия.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://krylovi.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!